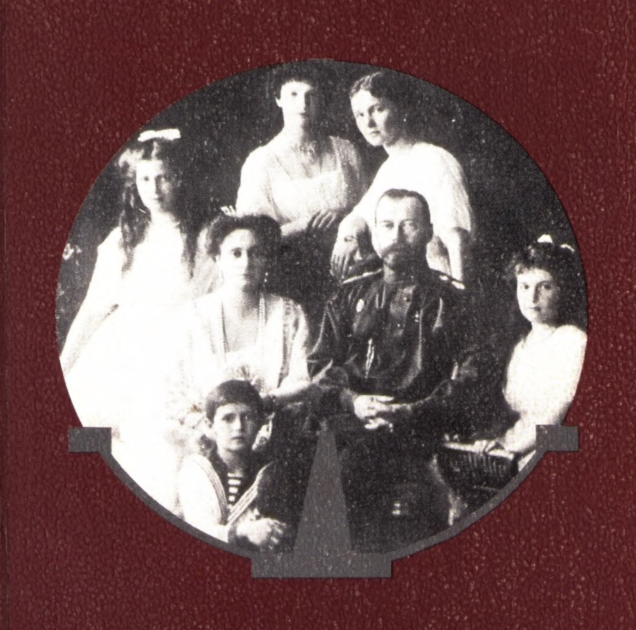
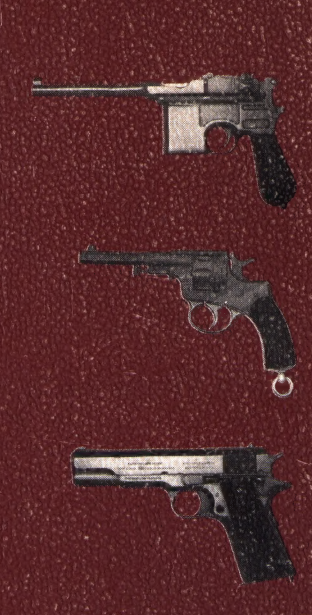
Эдуард Якубовский

РАССТРЕЛ В ПОДВАЛЕ

ЭДУАРД ЯКУБОВСКИЙ

РАССТРЕЛ В ПОДВАЛЕ

Банк культурной информации
Екатеринбург
1998

ББК 63.3(2)6
Я 49

Печатается по заказу
Администрации Железнодорожного района
города Екатеринбурга

Ответственная за выпуск
Г.Я.Петухова

Автор благодарит
В.Ветлугина
А.Грахова
Б.Полякова
за предоставленные фотоматериалы

"Расстрел в подвале" – книга о последних днях семьи Николая II, начиная с августа 1917 по июль 1918 года. Рассматриваются детали происходивших на Урале и в Центре событий, внешние и внутренние причины, заставившие принять суровое решение.

ISBN 5-7851-0110-6

Дорогой читатель!

Август 1998 года — месяц праздничный. 275 лет Екатеринбургу, 60 лет — его Железнодорожному району. Это не просто официальные даты — это наши с вами праздники.

Возникнув на северной окраине Екатеринбурга, наш район с приходом железной дороги стал одним из промышленных узлов города. Через станцию шла продукция Урала и Сибири в Москву, Петербург и далее в Европу, обратно – промышленные и культурные товары. В Сибирь ехали переселенцы, на русско-японскую войну – дивизии. В первую мировую через наш город везли войска на фронт.

В гражданскую войну Екатеринбург приобрел важнейшее значение как центр территорий, контролировавшихся Уралсоветом, а взятие его 15 июля 1919 года Красной Армией праздновалось и десятилетия спустя как День освобождения Урала от Колчака.

Большинство строек первых пятилеток снабжалось уральским металлом, деревом через нашу железную дорогу. Особое значение она приобрела в годы Великой Отечественной войны, когда отправлялись на фронт войска и техника и принимались сотни эвакуируемых предприятий.

Еще один аспект истории – семью Николая II сначала привезли на станцию Екатеринбург-I, а затем – на станцию Шарташ. Именно на территории нашего района найдены "екатеринбургские останки", которые должны обрести покой в Петропавловском соборе.

Юбилей – время подарков. Мы решили оставить на память потомкам книгу о последних днях и часах бывшей царской семьи. Это тоже наша история.

А.З.Клименко,
Глава Администрации
Железнодорожного района
города Екатеринбурга.

ОТ АВТОРА

Эту книгу легко было начать, труднее писать и почти невозможно закончить. Тема не просто висела в воздухе — она стучалась в окна и двери, заявляла о себе при первой возможности. Писал, к примеру, о приезде на Урал В.Маяковского и тут же вспомнилось, что к месту захоронения останков царской семьи поэта возил А.Парамонов — живой свидетель! Бывал во Дворце пионеров — там рассказывали, как выступал перед молодежью П.Ермаков, один из участников расстрела. Чуть ли не каждый день проходил мимо Ипатьевского дома — немого свидетеля случившегося.

Понемногу начали копиться материалы. Уверен, что не у одного меня — был членом городского Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и, принимая участие в бесплодных попытках спасти Ипатьевский дом, видел, как ходили по рукам старые фотоснимки, копии не дошедших до нас в оригиналах газетных статей и мемуаров. Не знаю, как пошло бы дело дальше, если бы не снятие запрета с "Екатеринбургского дела". Тут началось — почти каждый месяц (да что месяц — каждую неделю!) публиковались все новые и новые сообщения, отыскивались документы, через годы и границы зазвучали воспоминания современников.

Это ставило перед выбором — или впитывать все новое, а конца и края было не видать, или завершить работу, в основном остановившись на предварительно намеченном плане. Автор пошел по второму пути: казалось необходимым дать читателю рассказ в чисто информационном ключе — кто, что, где, как, почему, зачем? При этом становилось ясно, что каждый из вопросов может быть расширен почти до бесконечности. О личной жизни и общественной (царской!) деятельности Николая II только по опубликованным за последние годы в советской и российской печати материалам можно написать не один десяток исследований. То же и о царице. Можно издать целую книгу о царских детях — от дневниковых записей Алексея до рассказа о работе его старших сестер в госпиталях. И так далее, и так далее. Пришлось отсекать казавшееся второстепенным.

Верю, что все ушедшее интересно для многих, но книга раздулась бы минимум в 5—10 раз и "Екатеринбургское дело" могло потеряться в общем объеме информации. А ведь оно стоит особняком во всей царской теме. Да и какое издательство возьмет сейчас на себя риск выпуска в свет книги объемом в 30—40 печатных лис-

тов? Доказательство — эта работа. Она была закончена во второй половине 1992 года — прямо к "Романовской дате" (1993 год — 75-летие расстрела, 125-летие со дня рождения Николая II и 380-летие династии Романовых). Но напечатать удалось лишь отдельные главы в "Вечернем Екатеринбурге" — в январе 1993 года "Миф о царской голове", в июле — "Гибель немого свидетеля"...

И еще одно. Автор книги живет в Екатеринбурге (Свердловске). Поэтому его пункт бытия и видения — главный город Урала. В одну сторону Москва и Петроград, в другую — Тобольск, в третью — Тюмень и Омск. А в центре — "красная столица Урала", в которой и свершился расстрел в подвале.

Автор.
Сентябрь, 1993 г.

"Расстрел в подвале" – книга очерковая. В ней каждая глава является самостоятельным произведением, сохраняя при этом свое место в хронологии событий. В книге использованы материалы, доныне являющиеся основными при изучении обстоятельств "Екатеринбургского дела".

Пять лет прошло с момента написания работы. Но дополнить нужно было всего несколько мест — все остальное опирается на документы, значительная часть которых увидела свет в первое десятилетие после расстрела.

Автор.
Июнь, 1998 г.

ГИБЕЛЬ НЕМОГО СВИДЕТЕЛЯ

О нем говорили на собраниях и в печати, пытались определить судьбу историки и архитекторы. Но все решили люди, весьма и весьма далекие от муз, — политики. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление о сносе Ипатьевского дома, и этот приказ был выполнен незамедлительно. Свердловским обкомом КПСС, первым секретарем которого в то время являлся Б.Ельцин.

ЦК КПСС рассматривал вопрос о доме? Требовалось постановление самой могущественной инстанции в стране? Да что там в стране — во всем мире! — чтобы снести двухэтажный, внешне ничем не примечательный дом в Свердловске? Да, именно так. Ибо речь шла о доме инженера Ипатьева, в подвале которого в ночь с 16 на 17 июля 1918 года расстреляли семью отрекшегося от престола, бывшего императора России Николая II, трех слуг и доктора Боткина (часто пишут о четырех слугах, но лейб-медика причислять к челяди не хочется).

Дом давно являлся бельмом на глазу властей Свердловска — и городских, и областных. Практически не было более-менее видной делегации, приезжавшей в город, гастролера-певца или музыканта, которые не побывали бы у здания или даже в нем. Сначала этим гордились. В здании организовали музей. На память делегациям даже зарубежных стран делались снимки: визитеры в непринужденных позах располагались у стен, изуродованных попавшими в них во время расстрела пулями. Сохранилось такое, к примеру, фото с надписью: “Бельгийская делегация молодежи в помещении, где был казнен Николай II”.

Но хоть и не рано, но и не поздно поняли, что происходит ненормальное. Гостей продолжали водить, но уже гораздо тише. Широко отпраздновали десятилетие Великого Октября, а вот дату “казни” царя (через неполный год) замолчали. Хотя готовились и к ней, но об этом будет особый разговор. Вместо Музея революции в здании появился антирелигиозный музей и совет безбожников, потом — Урало-Сибирский коммунистический университет, областной партархив. Едва ли не последним устроили здесь учебно-консультационный пункт Челябинского института культуры. Наверное, забавно звучали в стенах дома, объявленного памятником республиканского значения, народные частушки да танцы в два притопа, три прихлопа.

И все же здание мешало. Самим фактом своего существования оно напоминало о том, что произошло июльской ночью. Все знали этот факт, всем было интересно — а где же эта улица, где этот дом? "Да вот он", — говорили свердловчане и приводили сюда не только детей и внуков, а всех знакомых и незнакомых, приезжавших в город.

С начала 70-х годов в Свердловске стало широко развиваться экскурсионное дело. Бюро путешествий и экскурсий разработало десятки маршрутов — "Дорогами революции", "Свердловск социалистический" и других, и с завидным постоянством автобусы с желающими узнать историю города останавливались у Ипатьевского дома. Изменяли маршрут, вычеркивали упоминание о здании, ставшем одним из символов революционной жестокости, ан нет — люди задавали вопросы, а гид разворачивал машину к уже привычному адресу: Карла Либкнехта, 49.

А когда автобусы начали ставить перед зданием вокзала и зазывать желающих на двухчасовую экскурсию по городу, то и вообще стало плохо (разумеется, по мнению тех, кому мешал старый дом). Автобус только разворачивался на привокзальной площади, как его пассажирам вкратце сообщались основные точки маршрута. Через минуту машина выходила на улицу Свердлова, и гид начинал говорить: "А сейчас мы подъедем к дому, где решением Уральского Совета..." Еще минута-полторы, и автобус останавливался у беленького особнячка, люди, не довольствуясь обзором из окон, покидали салон и первым делом осведомлялись: "Где подвал?"

Утолив первую естественную жажду познания — лично увидев дверь, ведущую в "тот самый подвал", — люди возвращались к гиду и еще и еще раз расспрашивали его о происшедшем. Причем очень активно, порой ставя отвечающего в несколько неловкое положение — часто вопросы и ожидаемые или полагающиеся на них ответы были весьма далеки от того, что гид мог позволить себе рассказать. Ведь после того, как люди узнавали о ходе расстрела, естествен вот какой вопрос — а где же захоронили убиенных?

Чаще всего гид отмалчивался. Место, дескать, нигде не обозначено, тела были вывезены за город. Вроде бы их сожгли. И все.

Но наиболее упрямые не унимались. А все-таки, где же? В Коптяках? И в ответ на недоуменный взгляд собеседника уточняли — а из книги Быкова. Да, книга П.Быкова "Последние дни Романовых",

СССР

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

26 июля 1975 г.

№ 2004-А

гор. Москва

ЦК КПСС
1-й СЕКТОР
28.ИЮЛ75 28709
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
В ОБЩИЙ ОТДЕЛ ЦК КПСС

Секретно

ЦК КПСС

О сносе особняка ИПАТЬЕВА в городе Свердловске

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи РОМАНОВЫХ, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца ИПАТЬЕВА в г.Свердловске.

Дом ИПАТЬЕВА продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный пункт областного Управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов.

В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом ИПАТЬЕВА станет объектом их серьезного внимания.

В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города.

Проект Постановления ЦК КПСС прилагается.

Просим рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

АНДРОПОВ

О сносе особняка Ипатьева в гор.Свердловске.

ВОПРОС ПРЕДСТАВЛЕН т.Андроповым

ГОЛОСОВАЛИ:

Т.т.Брежнев	-	Проголосовано т. [illegible]
Андропов	-	за
Гречко	-	за
Гришин	-	отпуск
Громыко	-	в Хельсинки
Кириленко	-	за
Косыгин	-	за
Кулаков	-	за
Кунаев	-	за
Мазуров	-	болен
Пельше	-	за
Подгорный	-	отпуск
Полянский	-	за
Суслов	-	отпуск
Щербицкий	-	за

Подлинник

Экз.т.
184-36
30.УП.75г.

Проверено. [illegible]

[illegible] 1 VIII 75

вышедшая в издательстве “Уралкнига” (Свердловск, 1926) тиражом в 15 тысяч экземпляров, на многие годы стала для жителей страны единственным источником хоть каких-то сведений о конце Дома Романовых. Особенно это относится к шестидесятым-семидесятым годам. Еще не вышла отдельным изданием книга М.Касвинова “Двадцать три ступени вниз”, материалы сорокалетней давности стали библиографической редкостью даже в центральных книгохранилищах.

Надо отвлечься в сторону и уделить несколько строк книге М.Касвинова — последнее, 3-е исправленное и дополненное издание: “Мысль”, 1990 г. Печатавшаяся первоначально в журнале “Звезда” (1972 — 1973 гг.), она для многих явилась откровением. Впервые в послевоенные годы советский читатель получил книгу, рассказывающую о жизни (так и хочется сказать “и о смерти”, но не получается) Николая II и его семьи. Ведь начиная с 1928 года — десятилетия расстрела, когда вышли воспоминания об “екатеринбургском деле”, как называли произошедшее сами расстрельщики, на все происшедшее было наложено табу.

И до сих пор книга М.Касвинова является наиболее полным сводом знаний о том периоде. С книгой — и автором — можно и нужно спорить, многие ее положения нужно оспаривать, но одно бесспорно — это источник, равный которому появится не скоро. Касвинов если не ввел в оборот, то хоть обозначил десятки и сотни документальных произведений о судьбе царской семьи вообще и об екатеринбургских днях в частности. Любой желающий узнать что-либо о Николае II, его приближенных не может пройти мимо книги Касвинова.

И все же, при всей полноте сведений, самому факту расстрела Касвинов уделил лишь... три с половиной строки. Вот они: “И сразу после того, как были произнесены последние слова приговора, загремели выстрелы. В час ночи 17 июля все было кончено... В ночной мгле за решеткой окна в переулке глухо шумит автомобильный мотор”...

И все вроде бы. Мы не сокращали — многоточия из Касвинова. Эти три с половиной строки да еще страничка рассказа о том, как прятали трупы, — вот и все, что посвящено в 470-страничной книге концу династии. Причин этому много. Здесь и сам факт расстрела не только бывшего императора, но и его супруги, четырех их доче-

рей, больного сына, врача и трех человек, как сказали бы сейчас, обслуживающего персонала. И факт, что это произошло без суда и следствия, в подвале (точнее — полуподвальном помещении, если угодно — в нижнем этаже). Причем даже, если глянуть на это со стороны, не расстреляли, как гласят описания, а просто пристрелили, как крыс, попавших в западню.

А они действительно попали в западню — всей политики, ведшейся их предками, собственных неуклюжих шагов по усмирению революционной ситуации в стране, отношения к царизму рабочих Урала, независимости их лидеров по отношению к центральной власти. Все это не могло не привести к логическому концу. И то, что произошло в Екатеринбурге, закономерно — здесь было средоточие рабочего класса нашего горного края.

Такая история в любой другой стране была бы не просто историческим фактом — существовали бы стенды в музеях или даже целые музеи, выпустили бы специальные проспекты, вокруг факта расстрела организовывались бы если не спектакли, то самые разные экскурсии. В Париже, говорят, можно даже повторить последний путь Людовика XVI... И ничего. Исторический факт, от которого никуда не деться. А значит, можно о нем говорить, писать, обсуждать поступки всех действующих лиц.

У нас же все наоборот. Да, действительно, был период, когда (первое десятилетие после расстрела) об этом говорилось и писалось. Главные действующие лица не только не скрывались, но даже гордились содеянным. Вот тут-то и стали рождаться слухи, домыслы. Вышедшая, наконец, книга Касвинова в какой-то мере рассеяла их, но не полностью. И лишь в самые последние годы появились новые публикации, пролившие свет на многие таинственные моменты расстрела царской семьи.

Человека, пишущего эти строки, давно привлекало все, связанное с кровавой историей. А началось с обычной вроде бы журналистской заинтересованности в "оживлении" материала. Интересного материала, до сих пор нравящегося автору.

В январе 1968 года исполнялось сорок лет со дня приезда в Свердловск В.В.Маяковского — лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи, как сказал о нем И.Сталин. Можно смеяться над этими словами, можно и принять их — именно лучший, талантливейший поэт, наиболее ярко отразивший советскую эпоху. Другие

не менее талантливы, но так, как Маяковский, эпоху не отразили — “весомо, грубо, зримо”.

Понимая, что пребывание поэта в нашем городе — история, более чем заслуживающая внимания, я обратился к первоисточникам. Перечитал газеты той поры, хронику Катаняна, стихотворения, созданные В.Маяковским в нашем городе и о нем. И тут одной из главных оказалась личность А.Парамонова, человека, даже поименно упомянутого в стихах. Маяковский, вообще резко деливший всех на друзей и врагов, так же поступал и в стихах. Если есть фамилия современника, то или со знаком “плюс”, или с “минусом”. Середины не дано.

Председатель Свердловского окрисполкома А.Парамонов иначе как с “плюсом” не мог появиться в стихотворениях. Они с поэтом пришлись друг другу по душе — оба большого роста, явной физической силы, уверенные в себе. Хозяин города и прилегающего к нему округа (практически это был дореволюционный уезд, районы — более мелкие — появились позднее) не мог не заинтересоваться именитым гостем.

Был, конечно же, на самом первом выступлении поэта в Деловом клубе (нынче здание филармонии). В 1968 году Парамонов рассказывал мне:

— Мы зашли поужинать в ресторан, располагавшийся в Деловом клубе. Сидели за столом с доктором Пашкевичем, его женой и одной балериной. Кто-то привел к нам Маяковского, познакомил. Договорились о встрече... После ужина зашли в бильярдную. Маяковский играл с маркером и, судя по всему, здорово его обыгрывал. Договорились о том, что я за ним заеду...

Встретились они 28 января 1928 года. Парамонов незадолго до этого был на охоте, добыл медведя. И вот теперь, пробуя пироги с медвежатиной, Маяковский не поверил рассказу об охоте. Пришлось показать ему фотоснимок, на котором были и удачливый охотник, и его менее удачливый трофей.

И еще поэта интересовало все, связанное с пребыванием Николая II в городе. Об этом шел большой разговор за столом, а на следующее утро оба отправились на то самое место. Пройдет еще три месяца, и в “Красной нови” появится стихотворение “Император”. Тогда, в 1968-м, я пытался сопоставить рассказ А.Парамонова и стихи В.Маяковского.

Вход в "тот самый подвал". Автор книги Э.Якубовский с фотокорреспондентом "Уральского рабочего" В.Ветлугиным. Сентябрь 1977 года — за несколько дней до сноса дома.

А.Парамонов: "Было холодно, только что кончился буран. Весь город занесло снегом. Я велел кучеру взять валенки и теплую шубу для Маяковского. Место это ничем не примечательно, в разговоре с поэтом я называл его "девятой верстой".

В.Маяковский:

На всю Сибирь,
　　　　на весь Урал
Метельная мура.
За Исетью,
　　　　где шахты и кручи,
За Исетью,
　　　　где ветер свистел,
Приумолк
　　　　исполкомовский кучер
И встал
　　　　на девятой версте.

А.Парамонов: "Кругом лежал нетронутый снег. Прямо перед нами отпечатались следы козла и волчьи, тянущиеся за ними. Начал я искать. У меня на корнях березы были сделаны зарубки. Попробуй, отыщи в снегу. Наконец-то нашли это место".

В.Маяковский:

Вселенную
　　　　снегом заволокло.
Ни зги не видать —
　　　　как назло.
И только
　　　　следы
　　　　　　от брюха волков
По следу
　　　　диких козлов.
Шесть пудов
　　　　(для веса равного!),
Будто правит
　　　　кедров полком он,
Снег хрустит
　　　　под Парамоновым,
Председателем исполкома.

Вот эти-то сопоставления и привели к мысли "оживить" весь рассказ старого революционера. А точнее — совершить поездку в то место, куда он возил В.Маяковского. Уговорил товарища, водивше-

го "Волгу", он согласился вырваться на пару часов. Позвонил Парамонову. Он не сразу ответил согласием, но потом сказал, что да, поедем. Согласилась отпустить Анатолия Ивановича и жена, ранее возражавшая — муж только что перенес простуду. Заехали к Парамонову, он жил за магазином "Кристалл", осторожно тронулись за город.

Январский день короток, едва покинули Свердловск, начало темнеть, тем более, что с двух сторон дороги закрывали небо деревья. "Волге" свернуть в сторону с накатанной дороги нельзя. Нашли место, сфотографировались. На следующий день попытались повторить. И снова проезда в сторону от накатанной дороги не было. Может быть, это даже хорошо — ведь само упоминание о том, что Маяковский ездил с Парамоновым к месту, где зарыты останки Романовых, цензура у меня вычеркнула. Но оттиск статьи в одном из январских номеров "Вечерки" за 1968 год с красной пометкой цензуры я сохранил.

В 1983 году в серии статей к 90-летию со дня рождения поэта "Маяковский в нашем городе" ("Вечерний Свердловск", июль) я писал: "Тишину лесного воздуха разрывали далекие паровозные гудки, с деревьев слетали и медленно тянулись к земле хлопья снега. Сосна и ель были совсем такими же, как и рядом с городом, как в Подмосковье".

Поэт же увидел кедры — своеобразный символ далекой тайги, Урала и Сибири. Кедр у него везде — "кедров полком", "у корня, под кедром, дорога", "кедр топором перестроган". И еще один символ использован в стихе — "крикливое и одноглавое воронье", явный намек на двуглавого орла, символ царизма.

Стихотворение "Император", думается, не случайно входило в большинство сборников поэта. Не только мастерски написанное произведение, но и своеобразное кредо человека, жившего в стране, освободившейся от оков царизма, искренне верящего, что все худшее позади, а о восстановлении монархии и думать не стоит.

И вот еще одно — стихотворение великолепно укладывается во временные рамки. Смотрите — не прошло и трех месяцев, как отпраздновали десятилетие Октября, впереди, как думалось, отметят и десятилетие расстрела царской семьи. Большинство воспоминаний, на которые ссылаются ныне исследователи, написано именно к этой дате. И слава Богу — не потому, что не отпраздновали "екатерин-

бургское дело", а потому, что все же собирались и дали этим повод вспомнить — что же было на самом деле. Если бы не эта дата... Пройдет еще десять лет, и в 1938 году уже некому будет вспоминать, как расстреляли царскую семью, — многих уже постигла та же участь, иных она ждала.

Судите сами. Тема — в первое десятилетие — никогда не уходила из внимания политиков, историков. Уже через год-два после Октября в сборниках, посвященных этой дате, говорилось о событиях 1918 года. Тоболяк И.Коганицкий публикует воспоминания в 1922 году в журнале "Пролетарская революция" (№4) — "1917—1918 гг. в Тобольске. Николай Романов. Гермогеновщина". Еще через два года о событиях этих рассказывает В.Панкратов — "В Тобольске" ("Былое", №26 — 1924 г.). В 1926 году в Свердловске выходит книга П.Быкова "Последние дни Романовых" — до сих пор наиболее достоверное, сжатое изложение того, что же произошло в Тобольске и Екатеринбурге. Достаточно сказать, что основные положения книги как бы продублировал в своей работе М.Касвинов, обогатив, конечно, дополнительно широким документальным материалом.

И словно взрывается все в 1928 году. Вспоминают первый комендант Дома особого назначения А.Авдеев — "Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге" ("Красная новь", №5 — 1928), тоболяк Н.Немцов — "Последний переезд полковника Романова: из воспоминаний" ("Красная новь", №27 — 1928), редактор "Уральского рабочего" В.Воробьев — "Конец Романовых. Из воспоминаний" ("Прожектор", №29 — 1928) и ряд иных. Многие из мемуаров остались неопубликованными и, как указывал в комментариях к своей книге М.Касвинов, находятся в личном архиве.

За рубежом вспоминают участники событий с иной стороны — учитель наследника Пьер Жильяр в Ревеле — "Трагическая судьба русской императорской фамилии", следователь Н.Соколов в Берлине — "Убийство царской семьи" (то же и на немецком языке), В.Сперанский в Париже — "Дом специального назначения. Екатеринбургская трагедия" (на французском языке)... Список можно продолжать.

И во всех мемуарах — в нашей ли стране, за рубежом ли — встает екатеринбургский дом, мрачный свидетель прошлого. Дом, которым интересуются все — горожане и приезжие, горячие сторонники советской власти и люди, мечтающие о возврате прошлого. Что делают с нежелательным свидетелем?

Слухи о том, что дом приговорили, взбудоражили Свердловск. Точнее — наиболее интеллигентную часть его жителей. Появились статьи в "Вечернем Свердловске", правда, газетчиков быстро укротили, хватило одного звонка "сверху". Журнал "Урал" опубликовал в №3 от 1977 года статью-отклик на выступление в "Урале" (№8 — 1976) кандидата искусствоведения А.Берсеневой "Облик города". Символично название: "Семь раз отмерь". Вот наиболее интересующие нас строки:

"Следует особо сказать и о доме на улице К.Либкнехта, 49 (так называемом Ипатьевском доме, что напротив Дворца пионеров). Это здание — историко-революционный памятник республиканского значения. С ним связан конец 300-летней династии Романовых... Позднее здесь размещался Музей революции, а затем — антирелигиозный музей, Совет безбожников, ректорат Урало-Сибирского коммунистического университета, областной партархив. Сохранение этого историко-революционного памятника, безусловно, очень важно для будущего поколения людей. Однако в последнее время началась самая настоящая атака на Ипатьевский дом. Уже снесены подсобные хозяйственные помещения. И только благодаря активному выступлению общественности города цело пока еще само здание. Потомки не простят нам, если будет снесен Ипатьевский дом!"

Честное слово, стоит упомянуть фамилии всех тех, кто подписал этот отклик. В то время для такого шага требовалось немалое мужество, равно как и для публикации — редактором "Урала" был известный писатель В.Очеретин. А подписи под статьями стояли вот такие: А.Верилов, зам. председателя президиума совета Свердловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, А.Бальчугов, председатель президиума совета Свердловского городского отделения ВООПИК, заслуженный работник культуры РСФСР, В.Смирнов, ответственный секретарь президиума совета Свердловского городского отделения ВООПИК, П.Галкин, краевед, Ю.Курочкин, краевед, член Союза журналистов СССР.

Может показаться нескромным, но хочется подчеркнуть, что со всеми этими людьми я был в дружеских отношениях (был — ибо к моменту написания главы, увы, некоторые из них покинули сей мир). Впрочем, это и не удивительно: когда ведешь тему краеведения, то все статьи историков, архивистов идут через тебя — вдобавок еще

и члена совета городской организации ВООПИК. Но вернемся к опубликованной в "Урале" статье.

И на этот раз вмешались вышестоящие инстанции — влетело и редактору журнала. А городское отделение общества охраны памятников истории и культуры начало свою, увы, безнадежную борьбу за сохранение здания. Помню, как в редакцию "Вечерки" пришел П.Галкин, ведущий краевед Свердловска, и молча протянул письмо в Москву — его следовало подписать. Я был членом совета — так что со спокойной совестью поставил подпись. Галкин отправился по другим кабинетам. Через полчаса он зашел снова: "Знаете, не все подписали".

Такая процедура повторялась три раза. Письма уходили в "верха", но было ясно — ничего не поможет. Стало известно, что решением Совета министров РСФСР со здания сняли статус памятника истории республиканского значения. Это означало одно — конец.

О случившемся не раз говорили и с председателем президиума городской организации А.Бальчуговым, с ответственным секретарем В.Смирновым. Они делали все возможное, но силы были слишком не равны: группа краеведов против всемогущей власти. По мнению В.Смирнова, все дело в том, что здесь сошлись интересы двух ведомств — ЦК партии и областного управления КГБ. Приближалось 60-летие Октября, а за ним и 60-летие расстрела. Насколько была желанна первая дата, настолько несвоевременным казалось грядущее напоминание о случившемся. Дом же самим существованием связывал эти даты, напоминал о 1918 годе.

"В конце августа — начале сентября в обкоме партии производилось совещание по подготовке к 60-летию Октября, — вспоминал позже В.Смирнов. — Вел его Пономарев, секретарь партии по идеологии. Присутствовал Мехренцев (председатель облисполкома. — *Э.Я.*). И вот я пишу записку примерно такого содержания: "Намечен снос памятника республиканского значения — Ипатьевского дома. Прошу разъяснить, чем это вызвано". И ставлю свою подпись. Пока записка шла по рядам, многие ее прочитали, ждут ответа. Наконец Пономарев спрашивает: "Кто здесь Смирнов?" Я поднимаюсь. "Товарищ Смирнов, это здание не является памятником, мы его будем сносить". И быстро закрывает совещание. А в зале все как зашумят: "Почему не является?" Вот такой был эпизод".

Хорошо помню, как сносили дом. Территорию специально обнесли забором (как весной 1918 года). Кругом милиция, военные, кагэбэшники в зеленых фуражках. Появилось начальство во главе с первым секретарем горкома партии Манюхиным.

Сейчас пишут, что здание сносили ночью. Утверждаю, что это не так. Хотя работа, как говорится, "кипела" допоздна. Ведь взрывать дом было нельзя, рядом много зданий, в том числе и "небоскреб" управления газопровода "Бухара — Урал". Кирпичную кладку долбили чугунной "бабой", целых два дня долбили.

"Иногда пишут" — это о книге тогдашнего первого секретаря обкома КПСС Б.Ельцина "Исповедь на заданную тему". Чувствуя свою ответственность перед историей, автор "Исповеди" посвятил факту сноса здания целых две страницы (в основном издании — Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1990, страницы 72—73). Вот текст:

"Нынче, в эпоху гласности, идет много разговоров о доме Ипатьевых, в подвалах которого были расстреляны бывший царь и его семья. Возвращение к истокам нашей искореженной, изодранной ложью и конъ-

юнктурой истории — процесс естественный. Страна хочет знать правду о своем прошлом, в том числе и страшную правду. Трагедия семьи Романовых — это как раз та часть нашей истории, о которой было принято не распространяться.

Именно в те годы, когда я находился на посту первого секретаря обкома, дом Ипатьевых был разрушен. Расскажу, как это произошло.

К дому, где расстреляли царя, люди ходили всегда, хоть и ничем особенным он сильно от соседних зданий не отличался, заселяли его какие-то мелкие конторки, но страшная трагедия, случившаяся здесь в 1918 году, заставляла людей подходить к этому месту, заглядывать в окна, молча стоять и смотреть на старый дом.

Как известно, расстреляли семью Романовых по решению Уральского Совета. Я сходил в областной архив, прочитал документы того времени. Еще совсем недавно факты об этом преступлении практически никому не были известны, существовала фальсифицированная версия в духе "Краткого курса", поэтому легко представить, с какой жадностью я вчитывался в страницы, датированные 18-м годом. Только в последнее время о последних днях семьи Романовых были опубликованы несколько подробных документальных очерков в нашей прессе, а тогда я оказался первым из немногих, кто прикоснулся к тайне жестокого расстрела царя и его семьи. Читать эти страницы было тяжело.

Близилась одна из дат, связанных с жизнью последнего русского царя. Как всегда, на Западе, в газетах и журналах, появились новые исследования, что-то из этих материалов передавали западные радиостанции на русском языке. Это подхлестнуло интерес к дому Ипатьевых, люди приезжали посмотреть на него даже из других городов. Я к этому относился совершенно спокойно — поскольку совершенно понятно было, что интерес этот вызван не монархическими чувствами, не жаждой воскресения нового царя.

Здесь были совсем другие мотивы — и любопытство, и сострадание, и дань памяти, обыкновенные человеческие чувства.

Но по каким-то линиям и каналам (будто бы не известным первому секретарю обкома. — *Э.Я.*) информация о большом количестве паломников к дому Ипатьевых дошла до Москвы. Не знаю, какие механизмы заработали, чего наши идеологи испугались, какие совещания и заседания проводились, тем не менее скоро получаю секретный пакет из Москвы.

Вопреки утверждению, что тогда же, в сентябре, место, где был дом, заасфальтировали, здесь еще долго лежали кучи мусора.
Фото В.Ветлугина.

Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен на себя брать ответственность за это бессмысленное решение.

Уже на первом же бюро я столкнулся с резкой реакцией людей на команду из Москвы. Не подчиниться секретному постановлению Политбюро было невозможно. И через несколько дней, ночью, к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали.

Еще один печальный эпизод эпохи застоя. Я хорошо себе представлял, что рано или поздно всем нам будет стыдно за это варварство. Будет стыдно, но ничего исправить уже не удастся.

Кстати говоря, интересно, когда ЦК примет решение о публикации всех постановлений Политбюро — закрытых и открытых?

По-моему, время это уже настало. Многое бы приоткрылось тогда и нашло бы объяснение из необъяснимого до сих пор".

Вот такая большая цитата из книги Б.Ельцина "Исповедь на заданную тему". Цитата, отнюдь не объясняющая сути происходившего. Кто донес в Москву о людях у дома? Ведь из "Исповеди" ясно, что местный КГБ работал под руководством обкома. Далее — обком не знал, что готовится постановление по контролируемой им территории? Шла борьба за дом в печати, на собраниях, писались письма в обком — и что, откуда же "внезапное" появление секретного пакета, читая который, автор "Исповеди" не верил своим глазам?

Понятно заявление, что "не подчиниться... было невозможно". Но ведь до этого шла многомесячная борьба — неужели хозяин области не знал о ней? Есть предположение, не раз высказывавшееся В.Смирновым, что снос дома запланировали люди КГБ (а в этом случае обязательно все согласовывалось с обкомом), что председатель Совмина РСФСР М.Соломенцев был против, но дело решил А.Кириленко, тогда член Политбюро. Если это так, то удивляться не приходится.

На выезде из Свердловска в сторону Челябинска на взгорке стояла старинная, не действующая церковь, отлично сохранившаяся. Архитекторы все время ходили вокруг нее — здание было построено в каком-то необычном стиле, второй такой нет. Но мимо шла и дорога на Уралхиммашзавод, куда Кириленко поехал на встречу с избирателями. Проехал, увидел церквушку и удивился — она еще стоит?.. Через несколько дней старинного здания, простоявшего лет двести, не стало. Кругом пустое место, и поэтому в ход пустили взрывчатку...

Динамит (или аммонал) в центре города не применишь. Ипатьевский дом стали долбить "бабой". О том, что снос вот-вот произойдет, знал весь город. Областной краеведческий музей (его директором и был председатель президиума городской организации ВООПИК А.Бальчугов) принял все меры, чтобы спасти хоть частицу старого здания. И первыми помощниками ему стали студенты архитектурного института. Они помогали составить описания и сделать обмеры дома, сняли с крыш решетки.

А параллельно с этим шло подлинное мародерство. Один из ведущих специалистов города выдрал бронзовую ручку парадных дверей — за нее ведь держался царь! Другой, в погонах с синим кантиком, лично следил за разборкой камина. И не уследил! Бальчугов,

выбрав момент, распорядился быстро перенести каминную облицовку через дорогу, в музей. И тут же написал акт о принятии камина в фонды... Но за всем не уследишь — и вот каждый, обладавший хоть какой-то толикой власти, становился обладателем сувенира, связанного с Ипатьевским домом.

А люди к нему шли и шли. Город знал, что дом доживает последние дни, да что там — часы! В руках у многих были фотоаппараты, кинокамеры. Не составляли исключения и журналисты "Вечернего Свердловска". Буквально каждый побывал в те дни у здания, сфотографировался. Мне позвонил В.Павленко, сказал, что идет туда, спросил — не присоединюсь ли? Хоть и был там день назад, но не утерпел, снова поднялся на горку, и не зря. Видел, как снимают решетки, и на память получил потом снимок, где фотограф, бывший с нами, запечатлел меня у двери того самого подвала.

Как-то незаметно появились плотники, быстро поставили забор (похоже — из уже готовых элементов), и все замерло в тревожном ожидании. Потом по редакции прошелестело: "Начали...".

Позвонил мне старый приятель, инженер ГТС Г.Мозжевилов. Пришлось объяснить, что сейчас хочу побывать у сносимого здания. Собеседник, похоже, удивился, но потом решил присоединиться. Со стороны улица Карла Либкнехта было не подойти — забор, какие-то люди в форменных фуражках. Ясно, что с этой стороны ожидался основной приток нежелательных посетителей. Ну что ж — "умный в гору не пойдет, умный гору обойдет". В конце концов, не зря же мы с Геннадием туристы...

Обошли Вознесенскую горку, зашли со стороны киноконцертного зала "Космос", от трамвайных путей. Видимо, средств на снос дома дали немного и с тыла забор не построили. Или иное — сэкономили на той его части, которая не видна со стороны улицы Карла Либкнехта, и оставшиеся щиты свезли на дачу. Не тому ли голубопогоннику, что хотел и "царский" камин вывезти туда?

Сначала остановились вдалеке. Солнце начинало садиться и освещало дом именно с нашей стороны. Раз за разом раздавались глухие удары, после каждого к небу поднималась красноватая пыль. Современная техника явно пасовала перед старинной кладкой. Казалось, что подобные удары, отдававшиеся даже в земле, на которой стояли, должны были немедленно расколотить стены, но они продолжали сопротивляться. Если и удавалось выворотить кусок, то это были не от-

дельные кирпичи, а монолитный блок, который, оторвавшись от стены, продолжал являть отличное качество работы старых мастеров.

И не только. Был и прекрасный расчет — в стены здания при строительстве заложили стальные кованые полосы, в углах дома стыковавшиеся друг с другом, как петли в воротах. Даже землетрясение не могло бы ничего сделать — дом мог потрескаться, но не развалился бы.

Полагаю, что дело даже не в землетрясении. Здание построили на косогоре, и зодчий на всякий случай принял все меры для того, чтобы его творение не снес никакой катаклизм. Увы, революция в инженерные расчеты не входит. Интересно, что это был, по сути дела, прообраз нашего современного железобетона — стальные полосы внутри окружавшей их кирпичной кладки.

Удар следовал за ударом, глухо ворчал мотор экскаватора, в небо взлетали облачка пыли.

И вдруг я увидел двоих мужчин в форме, деловито направлявшихся в нашу сторону. Рядом никого не было, мы стояли вдвоем на открытом месте, и было ясно — идут к нам. Как ни в чем не бывало я продолжал разговор, но на подходящих косился и пытался оценить степень их враждебности. Молодые ребята, форма на них общевойсковая, лица спокойные, один даже вроде улыбается и... протягивает руку.

— Здравствуйте, вижу, и вам интересно, — и, заметив, что вроде не узнаю, добавил: — Я вам заметку о лыжниках приносил.

Так вот почему мне показалось знакомым его лицо. Это же комсорг пожарно-технического училища, он действительно приносил в редакцию заметки о соревнованиях, где его курсанты занимали классные места.

Стало ясно и то, что за фигурки в зеленом маячили у дома. Курсантов бросили на подмогу, не в оцепление, а как простых рабочих. Вот откуда те люди, что виднеются на косогоре.

Я пожал протянутую руку комсорга, потом его спутника. Завязался разговор, мы, словно невзначай, подтянулись к дому. На земле лежали бревна от чердака, в одном обломке торчал гвоздь. Столько лет прошло, а он, хоть и изогнутый, был как новый. Я наклонился и с усилием вырвал его из дерева. “Сувенир?” — осведомились спутники. Кивнул им головой и спрятал гвоздь в карман. Он и до сих

пор лежит в столе, напоминая о последних минутах Ипатьевского дома.

Солнце заходило, а большая часть дома еще упорно стояла на земле. Поэтому слова бывшего первого секретаря Свердловского обкома КПСС о сносе дома "в одну ночь" нельзя принимать всерьез. Еще на третий день самосвалы вывозили груды кирпича, редеющие на глазах — тысячи горожан спешили обзавестись сувениром. Уверен — и без самосвалов "по винтику, по кирпичику" разобрали бы обломки.

И не правда, что тут же заасфальтировали это место. Оно не покрыто асфальтом и весной 1992 года, когда писались эти строки. Другое дело, что, вероятно, подобное было в проекте — это Ельцину лучше знать. Но от проекта до выполнения "дистанция огромного размера". Вполне вероятно, что асфальт пошел на чьи-то дачные дорожки.

Не знаю, все ли понимали, что на их глазах происходит еще один эпизод кровавой драмы. Сносится памятник истории, пусть истории кровавой, братоубийственной, но все же нашей истории, которую ни переписать, ни вычеркнуть. Можно замалчивать, но все знают, что рано или поздно, а факты вылезут на поверхность и ударят спрятавшего их гораздо сильнее, чем было бы воздействие, если бы все окружающие изначально знали об этом.

Ирония судьбы — сначала Ипатьев с большевиками заседал в комитете общественной безопасности после свержения царя, потом в подвале его дома поставили крест на династии Романовых, позже стали сносить и немого свидетеля — сам дом. Забегая вперед, скажу, что после сноса дома на его месте поставили крест (теперь уже не фигурально, а в действительности).

Спускаясь по косогору, я оглянулся. Все так же глухо била в стены "баба", взлетала пыль, кружили голуби. А в небе вспыхнула радуга — похоже, последняя этого лета.

Вот тогда и стало ясно, что следует все это запомнить, записать. И что последние дни царской семьи, проведенные в нашем городе, могут являться предметом рассказа, отдельной темой в многоплановом повествовании о конце Дома Романовых.

— ЦАРЬ ПОСАЖЕН ПОД АРЕСТ?
— ВОТ ТЕ КРЕСТ!

Публикаций о конце Романовых не счесть. За последние годы, их, пожалуй, больше, чем о всех остальных этапах царствования. Нет секрета в том, что нам не просто интересно, как именно расстреляли представителей царской семьи и приближенных. Это можно узнать и из опубликованных рассказов свидетелей и участников. Нет, чаще всего идет речь не о том, как расстреляли, а как прятали, кого прятали и вообще — прятали ли?

Точнее — о комплексе всего, что связано с расстрелом, находками, идентификацией. Здесь самое обширное поле для открытий, загадок, домыслов. Они-то и интересны, хотя бы потому, что соединяют исторический аспект, прошлое с поисками, ведущимися нынче, на наших глазах, сегодня — с устремлением в завтра. Будь все, что пытаются установить сейчас историки, уже известными фактами, стали бы мы интересоваться расстрелом?

Не раз и не два приходилось беседовать, скажем так, с людьми, интересующимися, но, увы, не сведущими. Все подробно спрашивали, как идет нынешнее следствие, но, показалось, интерес этот имел под собой скорее детективную основу — тем более, что вся история "обретения" предполагаемых царских останков уже сейчас дает повод для создания остросюжетного романа. И не одного.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что некоторые из собеседников воспринимают расстрел как исторический факт, некоторые ругали большевиков за содеянное, нашлись и люди, удивлявшиеся — а как это армия и вообще весь русский народ не освободил царя? На недоуменные вопросы окружающих они поясняют — из последних публикаций узнали, каким вежливым и воспитанным был царь, как его любили все — от придворных до народа. А большевики арестовали царя, привезли на Урал и казнили. Большевики арестовали царя? Ну да, ведь они устроили революцию...

По-своему эти люди правы. В нынешней чересполосице мнений и оценок как-то забывается все, что предшествовало появлению Романовых в нашем крае. И, в первую очередь, то, как же царя могли взять и увезти. Где же были те, о которых сейчас говорят, что они безумно любили монарха? И вообще при чем тут большевики?

Не большевики развязали первую мировую войну. Не они терпели поражение, не они довели ситуацию до того, что в августе 1915 года

царь отстранил своего дядю Николая Николаевича и сам назначил себя главнокомандующим. К великим победам это не привело. А великая беда уже стояла на пороге.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 года убит Распутин. Царь немедленно приехал из Могилева в Царское Село. Убит был человек, который являлся своего рода "серым кардиналом" всей политики царизма и самой царской семьи. Человек, который наиболее резко был настроен против этой войны, причем не раз высказывал самые мрачные предчувствия. И о том, что ждет Россию, и о том, что случится, если его убьют. Чувствовал Распутин отношение к себе...

И вот конец февраля 1917 года. На улицы вышли рабочие, их лозунги требовали хлеба и мира. Этот день, который по новому стилю стал днем 8 Марта. Международный женский день — и в числе демонстрантов небывалое число работниц. На следующий день число бастующих увеличивается, их уже не могут разогнать казаки. То же и на другой день. В ставке ничего не понимают — что происходит, неужели нельзя утихомирить толпу?

Собирается Совет Министров — одни разговоры. Еще день — в толпу стреляют пулеметы, но и их сминают. К рабочим присоединяются солдаты, их более ста тысяч, и ясно, что никакие городовые не удержатся. Царь наскоро закрывает Государственную думу, но Родзянко с другими думцами собирает Временный комитет. Одновременно начинает открыто работать Петроградский Совет. Оба — в Таврическом дворце.

Родзянко шлет царю телеграммы о том, что надо отменить роспуск Думы, создать "ответственное правительство", что нельзя посылать войска в Петроград. Наконец, Николай решает сам ехать в столицу, но его поезд пропускают лишь до Пскова. И здесь ему советуют — "отречься!". Рассылают телеграммы по фронтам — и вот самое странное и не менее страшное: все командующие фронтами высказываются "за". Николай подписывает телеграмму — он готов отречься от престола в пользу сына... Тут в поезд прибывают делегаты от Государственной думы — Гучков и Шульгин. Царь подписывает отречение... в пользу Михаила. И, уезжая в ставку, шлет ему телеграмму, адресуя: "Петроград. Его императорскому величеству Михаилу Второму". Но у Михаила нет ни малейшего желания в разгар такой революции становиться царем — он тут же подписывает свое отречение, оговорив, что образ правления должен быть установ-

лен Учредительным собранием. Решите, мол, что быть России монархией, — пожалуйста.

А что делать с Николаем? Временное правительство приняло постановление: “Признать отреченных Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село”. Впервые за все время существования императорского дома в России царь оказался под арестом. Его перевозят в Александровский дворец, где офицеры уже носят красные банты и встречают своего бывшего главнокомандующего вот так, как описал А.Блок: “Офицеры... держат руки в карманах, некоторые с папироской во рту”. Когда Николай отдает им честь, никто не отвечает ему.

Сюда же привозят и царицу. Ее берет под стражу... генерал Корнилов. Да, тот самый, который, не выдержав конфронтации с Советами, пытался позже навести порядок в Петрограде. Ну, о корниловском мятеже знают все. Наверное, знают и о том, что Керенский, власть которого хотел укрепить генерал (точнее, власть Временного правительства), сблокировался с Советом, и мятеж захлебнулся. Корнилова арестовали. Позже он бежал в казачьи края. Но это потом. Сейчас он (с красным бантом на шинели) вежливо, но решительно объявляет Александре Федоровне, что ему выпала тяжкая доля и т.д.

Сколько офицеров в эти дни присматривались к царю? Пусть отдавшему трон, но все же царю. Сотни, тысячи. У каждого была возможность собрать группу монархистов, освободить царя, увезти его. Правда, встал бы вопрос — куда? Ну хотя бы к двоюродному брату в Англию, впрочем, это, как говорится, второй вопрос. Сначала — дать свободу царю. Но никто, никто не бросился Николаю на помощь.

Царь, впрочем, мог этого ожидать. Еще в Могилеве начали исчезать придворные. На станции Александровская в Царском Селе буквально побежали из поезда офицеры и генералы, а из дворца — слуги. Корабль самодержавия тонул у всех на глазах, и почти не находилось желающих оставаться на нем до последнего. Считанные единицы сплотились вокруг царской семьи, большинство из этих людей последовали потом в Тобольскую ссылку, а позже и в Екатеринбург, где многих и расстреляли. Не только в Ипатьевском доме, но и в местной тюрьме.

Но пока это не губернаторский дом в Тобольске и уж не Ипатьевский — в Екатеринбурге. Дворец хорошо знаком царской семье,

Посажен под арест... Царское Село, Александровский дворец.
Архив.

слуг еще достаточно, нет перебоев с едой, каких-либо личных неудобств. Да, конечно, под охраной, но в целом свобода не ограничена. В целом — внутри дворца. Царь гуляет по парку, усиленно занимается хозяйственными работами — пилит дрова, расчищает от снега дорожки. Он любит физическую работу.

А где же монархисты? Чего они ждут? От Александровского дворца до Балтийского моря считанные версты, у многих офицеров в Петрограде свои яхты. Много паровых катеров. Но почему-то никто не спешит на помощь царю. И те, кто сейчас живописует любовь народа к монарху, кто уверяет нас в том, что Россия не мыслит жизни без трона, пусть ответят — почему же никто тогда, в 1917 году, не бросился спасать царя?

Да разве только о русских монархистах может идти речь... Временное правительство хотело избавиться от царя любой ценой, этот балласт прошлого портил многое — одни были недовольны, что отрекшегося от престола самодержца отправили под арест — за что? Рабочие же и крестьяне считали, что Александровский дворец слишком роскошное место для арестантов, требовали ужесточить режим. Керенский (сначала министр юстиции, потом министр-председатель Временного правительства) метался между своими коллегами и Петроградским Советом.

И решили — начать подготовку к переезду царя в Лондон. Уже Николай собирал вещи, уже договаривались с англичанами о выделении крейсера, как все сорвалось. Узнал об этом Совет и послал вооруженную группу проверить — не увез ли кто царскую семью. Была усилена охрана. Выкинули номер и англичане. Они в последнюю минуту заявили, что в сложившихся условиях не могут предоставить убежища царю.

Интересен вот какой факт. В 1994 году в нашей стране побывала королева Англии — Елизавета. До тех пор ни один член королевской семьи, начиная с февральской революции, Россию официально не посещал. Подчеркиваю — официально, ибо и супруг королевы, и ее дочь принимали участие в международных соревнованиях на нашей территории: дочь участвовала в скачках, ее отец руководил оргкомитетом — что поделаешь, если решено провести состязания в СССР.

Но официально ни королева, ни кто-либо другой из царствующего дома до сих пор в СССР или в Россию не приезжали. За не-

сколько месяцев до визита нам в редакцию позвонила из Лондона режиссер Армора Вейсен (телекомпания "Гранит продакшнс"). Она интересовалась — нет ли в живых каких-либо свидетелей происходившего, что из материальных памятников (здания) сохранилось с той поры. Потом перезвонила из Москвы. Я перечислил ей, что знал, — от места, где Романовых передали Уралсовету, до гостиницы "Американская", где находилась УралЧК и откуда приехали Юровский и другие "расстрельщики".

И тут же задал вопросы — вот они — из моей информации в "Вечернем Екатеринбурге" от 5 мая 1994 года под заголовком "Англичане снимут фильм..." — "Интересно, каким окажется этот фильм и насколько англичанам удастся сохранить объективность? Ведь Николай II и тогдашний король Англии Георг V были двоюродными братьями (их матери — родные сестры). После отречения от престола русского царя его кузен собирался приютить родственника со всей семьей. И кто знает, как изменилась бы история, если бы английское правительство не передумало, оставив Романовых на произвол судьбы. А судьба их известна...

И об этом будут говорить с членами английской королевской семьи?". Это сокращенный, но полный по смыслу текст моих вопросов к английскому режиссеру. Армора быстро закончила разговор. Позже я узнал, что она все-таки приезжала в Екатеринбург с кинооператором, снимала, но в редакцию не зашла. Бог с ней, не отвечает же она за Георга V!

Итак, бывший помазанник божий, бывший император России сидел под арестом. Вместе с семьей, но сейчас говорим о нем, недавнем самодержце. Ждал решения своей участи, понимал, что страна катится в тартарары, читал газеты, отмечал на карте ситуацию на фронтах. И с непонятным фатализмом ждал, ждал. Чего?

Напомним еще раз, что тогда в Петрограде было, по сути дела, два правящих органа — Временное правительство и Петроградский Совет. Совет отнюдь не был большевистским, хотя они, конечно, там присутствовали. Во главе Совета стоял меньшевик Чхеидзе, находились в нем и эсеры, и анархисты. Временное правительство сначала возглавлял князь Львов. Обо всем этом стоит напомнить, чтобы понимать, какие силы сбросили с трона царя. Ответ короток: вся Россия не хотела самодержавия. Причины были разные, но цель одна — "Долой царя!". Вот почему это и явилось общим желанием

и большевиков, и эсеров, и кадетов. Вольно или невольно образовался своеобразный блок, нигде и никак не оформленный. С одной целью — свергнуть самодержавие.

Если именно так смотреть на происходящее, то станет ясно, почему никто не встал на защиту царя и царизма. Были, были убежденные монархисты, но — в чистом виде — они составляли ничтожную долю процента от тех, кто имел в эти дни какую-либо власть.

Военные круги единогласно высказались за отречение царя, не понимая, правда, что это не смена главнокомандующего — одного убрали, другого назначили, позже будут уничтожены почти все, призвавшие царя уйти добровольно. А лица гражданские тоже единодушно сходились в том, что России царь не нужен.

Правда, какой должна стать освобожденная страна — у каждого было свое мнение. Свергнув царизм, все политические силы начали воплощать свои чаяния. Но свергли со всех сторон, кто внес большую лепту, кто меньшую. И большевики были в этом не одиноки...

А царь с семьей уже сидел под арестом, одной короткой фразой в дневнике зафиксировав распад более чем трехсотлетней монархии: “Кругом измена, трусость и обман”.

И после него многие смогли написать подобное.

ПОЕЗДА ИДУТ НА ВОСТОК

Это были, пожалуй, два самых странных состава, когда-либо шедшие по магистралям России. Выражаясь современным языком, они были "обставлены" гораздо сильнее, чем в прошлом даже самый литерный царский поезд. Составы, почти не задерживаясь, проходили города, большие узловые станции, но порой останавливались прямо в чистом поле. Раздавалась команда, все возвращались на свои места, и поезд набирал ход.

Дважды была сделана попытка проверить составы — на станции Званка и в Перми. Но сопровождающие имели такие документы, такую охрану, что проверяющим ничего не оставалось, как отступить. Судите сами — документы были подписаны А.Керенским — главой правительства. Правда, называлось оно Временным, но тогда никто не вкладывал в это слово иронического звучания. Нет, тот Керенский — человек, уважаемый большинством жителей бывшей Российской империи, министр-председатель. Самое главное лицо страны.

Не случайно сказано и об охране. В обоих эшелонах — 350 человек. Все при оружии — рослые и, да не будет принято за оскорбление, "битые". Нет, не забитые, а именно битые, прошедшие огонь, воду и медные трубы. Опытные люди понимали это. Все солдаты участвовали в боях, многие — георгиевские кавалеры. За "спасибо" георгиевские кресты не давали — их завоевывали большой кровью и настоящей, а не показной храбростью. Батальон таких воинов представлял собой действительно грозную силу. Они вполне могли защитить те два эшелона, в которых двигались не на фронт, а в глубокий тыл.

Что же было в эшелонах, кого охраняли гвардейцы? Почему все воинские части по пути следования поднимались по тревоге, оцепляя станции?

Впервые за всю историю России в ссылку ехала царская семья. Правда, позже Керенский в воспоминаниях будет называть это переводом семьи в Тобольск и даже попыткой "изыскать для царской семьи какое-либо другое место поселения", но это только маскировка. Пусть почетная, но ссылка. Ссылка из-за нежелания держать подобных лиц в самом центре революции — в Петрограде, где, по его словам, "проявлялось большое возбуждение в этом вопросе со стороны солдатско-рабочих масс...". Многие историки, в первую

очередь М.Касвинов, пишут о том, что подобным решением удовлетворяли и левых, и правых. Сам же Керенский оставался чистым перед обвинением в пособничестве царю.

А впрочем, и это может быть правдой. Министр-председатель не хотел какого-либо эксцесса, какой-либо глупой выходки со стороны представителей рабоче-крестьянских масс. Напор на власть снизу не прекращался, свержение самодержавия и установление буржуазно-демократической республики не приостановили революционного разложения общества. При дальнейшей поляризации власти — уже отбирали ее и у представителей Временного правительства. Советы, комбеды и прочие самовыдвинувшиеся органы власти становились хозяевами территорий, на которых существовали. Провалилась первая попытка полного захвата власти левыми силами — вспомните знакомые старшему поколению хотя бы по лекциям марксизма-ленинизма "июльские расстрелы".

На последних хочется немного остановиться. До сих пор в исторической литературе они трактуются как резкий шаг левых революционных масс. Но если читать воспоминания (Раскольникова, например), то становится ясным, что выступления против Временного правительства не были спонтанными, они возглавлялись большевиками, а если точнее — наиболее левым их крылом. И то, что именуется расстрелом, есть попытка правительства остановить сползание общества в бездонную яму политической борьбы. Увы, это не удалось сделать и пулеметами.

Что же в такой ситуации следовало сделать с царской семьей? Да убрать ее с глаз долой, в то же время не спуская с нее глаз. Куда убрать? За границу? Значит, снова вызвать вспышку ненависти, обострить отношения с Советами — ведь по их требованию царя с домочадцами взяли под стражу. А по стране катилась волна неповиновения, особенно на юге. Запад — линия фронта. Остается восток — Сибирь, традиционное место ссылки и государственных, и всех прочих преступников. А в самой Сибири — Тобольск, основанный еще в 1587 году, всего через два года после гибели Ермака, более ста лет резиденция генерал-губернатора, правившего всей Сибирью. И, несмотря на то, что Транссибирская магистраль прошла мимо, южнее, сохранивший свое политическое значение. До свержения царизма существовала Тобольская губерния, название осталось и позже, хотя сам губернатор расстался с властью. Но остался дом, где он жил, и

2*

это-то здание Временное правительство определило как место жительства царской семьи.

Сказать, что везли силой, нельзя. Сам царь согласился, что этот переезд — самое лучшее средство успокоить народ. И когда Керенский сообщил о "Тобольском маршруте" Николаю, тот только произнес несколько фраз — суть их повторялась несколько раз — "Мы вам верим". Впрочем, что оставалось Николаю?

Царь сам отобрал людей своего окружения. Число "лично преданных" значительно поредело — многие бросились в бега. Но все же наиболее верные остались в Царском Селе, среди них и был сделан выбор. Заранее стоит упомянуть, что многие из решивших сопровождать царскую семью разделили ее участь. И не только в подвале Ипатьевского дома, а и в тюрьмах Екатеринбурга и Перми. Иным (в первую очередь учителям-иностранцам) удалось спастись — им-то и обязаны мы многими страницами воспоминаний, без которых ой как неполны были бы наши знания о происходившем.

Итак, поезда шли на восток. Уже говорилось, что время от времени они останавливались в ненаселенных местах, пассажиры выходили в поле, разминались. Это явно делалось для удобств женщин и Алексея, ведь им требовалась забота. Как мы знаем, Николай отличался закалкой. Хотя в поезде и было весьма неудобно, но на такие мелочи он не обращал внимания, в ставке спал на простой кровати. А к простому быту был приучен с детства. Отец заставлял воспитывать детей в суровом теле — они не знали иных постелей, кроме солдатских коек, подушки были не пуховыми — жесткими. По утрам мылись только холодной водой, ели кашу, даже в обед порой оставались голодными. В это можно не верить — царские дети и голодны? А можно поверить, что Александр III и Мария Федоровна завтракали ржаным хлебом и вареными яйцами?

Может быть, именно спартанское воспитание привело к тому, что Николай довольно легко вписался в армейскую обстановку, когда пришлось проходить военную подготовку. Поблажек для него не делали — он совершал многоверстные марши с полной выкладкой, любил выполнять чисто физическую работу — пилить дрова, например. Известно выражение А.Чехова — что это, мол, всего-навсего гвардейский офицер, не отличающийся ничем от товарищей по службе.

Многие, зная по советским учебникам, что Николай был и туп, и глуп, и невежествен, наверное, удивятся вот чему — наследник россий-

ского престола являлся большим ценителем искусства. Подсчитали, что в январе 1890 года он присутствовал на 20 представлениях, а в комнате имел новинку — телефон, прямой линией соединенный с театром. По нему, например, слушал "Иоланту". Порывался исполнить небольшую роль в "Евгении Онегине". И пусть уверяют, что любовь к балету — это любовь к молодой балерине Кшесинской, помните, у Маяковского о доме — "Кшесинской за ногодрыжество подаренный?". Ну, с его балкона выступал сам Ленин... Но, как видно, кроме балета, будущего царя интересовала и опера.

Наследник престола не мог ходить в обычную школу — его учили "на дому". Кроме истории, географии, иностранных языков, Николаю преподавали танцы (о любви к музыке уже написано нами). По-английски говорил не хуже образованного жителя Лондона, то же самое отмечалось и в знании французского, немецкого языков. Встречаются упоминания, что знал и датский язык — видимо, от матери. Так что зарубежную почту, прессу ведущих стран Европы разбирал без переводчиков.

Ясно, кажется, что не был он ни тупым, ни глупым — из всех воспоминаний выступает образ типичного представителя правящей верхушки общества того времени. Именно типичного — по воспитанию, привычкам, отношению к военной службе. И даже со многими положительными чертами. Был верным супругом, очень любил семью, особенно — желанного, но безнадежно больного сына.

Именно в пользу сына решил Николай отречься от престола, и уже пошли телеграммы: Председателю Государственной думы Родзянко — "Я готов отречься от престола в пользу моего сына, с тем, чтобы он оставался при мне до совершеннолетия при регентстве брата моего Великого Князя Михаила Александровича" и начальнику ставки Алексееву — "Я готов отречься от престола в пользу моего сына". Правда, через несколько минут телеграммы отзывают. Николай тут же говорит, "что готов жить около Алексея и воспитывать его". Но так как профессор Федоров, только что сообщивший царю, что наследник проживет лет до шестнадцати, считал, что будущего царя разлучат с Николаем, тот решил отречься в пользу Михаила.

Это все искренне — царь не мыслил жить без сына, пусть даже, по его словам, "простым обывателем", каковым, по сути дела, и ехал в Тобольск. Но все же в глазах жителей Тюмени, особенно офице-

ров, он оставался царем, верховным главнокомандующим, и многим из окружения Николая бросилось в глаза, что при пересадке из поезда на пароход "Русь" встречавшие его военнослужащие были в нарядной форме, в белых перчатках. Произошло это 4 августа.

Ранним утром 6 августа 1917 года "Русь" с царской семьей, "Кормилец" и "Тюмень" со свитой, слугами и багажом отправились в путь, через полтора дня прибыли в Тобольск, но выгрузиться на берег не удалось — губернаторский дом еще ремонтировали. И лишь 13 августа Тобольск принял необычных гостей. Они сами пешком пришли от пристани до губернаторского дома.

Вроде бы и все. Остается переждать до иных (лучших?) времен. В Тобольске спокойно, практически нет большевиков, власть в руках городской думы. Кто знает, сколько времени продержалось бы в городе это состояние, если бы... не приезд царской семьи, послуживший катализатором для быстрой политизации местного общества. Разумеется, речь идет не только о членах царствовавшего дома, а о том, что сопутствовало их приезду, — прибытие солдат охраны, представителей Временного правительства, затем большевиков Урала и Сибири, их вооруженных отрядов. Этого оказалось даже слишком много для маленького старинного городка, каким тогда был Тобольск с его 22 тысячами населения, из которых рабочих было всего 600 человек. (Для сравнения — в то же время в Екатеринбурге насчитывали 100 тысяч человек!).

Начало "тобольского сидения" весьма оптимистично. Почти ничего не напоминает о том, что это, по сути дела, сибирская ссылка. Охрана — ну, что тут нового — и в Зимнем охраняли, и в Царском Селе, до ареста и после. Можно прогуляться до церкви, послушать службу, можно поработать во дворе дома. Царь — мужчина весьма крепкий, он пилит и колет дрова, позже, когда пришла зима, расчищает дорожки. Физической работы не боится, особенно в домашних делах, а уж об Алексее что и говорить — когда он болеет (все чаще и чаще!), отец на улицу выносит его на руках.

Вокруг много преданных лиц. И из числа бывших придворных, и впервые увидевших батюшку-царя тоболяков. А в церкви Покрова Богородицы часто правит службу сам владыка Гермоген. Архиепископ хорошо известен царю и всему его окружению, так как был сначала другом, а позже стал заклятым врагом Распутина. Вне зависимости от отношения к "злому гению" крайне лоялен к самодержцу

и его семье. Всячески поддерживает их, и не только духовно — когда стало хуже с продуктами, появились передачи из окрестных монастырей. Масло, сметана, сливки — можно поверить, что такого качества продукты не подавались даже во дворце — ведь и до революции, и в первые годы после гражданской войны масло было экспортным товаром номер 1 всей Сибири. В Европе оно ценилось выше любого другого.

Можно немного сказать о круге действующих лиц. Николай, его жена, четыре дочери и сын. Слуги, приехавшие с царской семьей. Придворные — от генерал-адъютанта И.Татищева до лейб-медика Е.Боткина и личного врача наследника Алексея В.Деревенько. Солдаты охраны, о которых уже говорилось, их командир — полковник Кобылинский. И представитель Временного правительства — им всю зиму 1917—1918 годов был народоволец В.Панкратов, отсидевший 14 лет в одиночке Шлиссельбургской крепости, дважды ссылавшийся, пострадавший от царизма.

Отшумел начатый после приезда Николая в Тобольск Корниловский мятеж, позже пришел Октябрь. Но в тихом Тобольске мало что менялось — царских детей учили истории, русскому языку, Николай играл в шашки с охраной, а с супругой в безик (любимая их игра — покончив играть в безик, они отправились спать в ту роковую ночь). Пишут много писем, особенно Александра Федоровна. Но не только она — вот строки, выведенные рукой Ольги:

“Отец просил передать всем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя. И чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь”.

В Тобольске было еще тихо, а вокруг разгоралась борьба. Уже в ноябре 1917 года вспыхнул мятеж Дутова, подавляли его рабочие Екатеринбурга. На всю линию еще существовавшего, но все более распадавшегося фронта наседали немцы, с которыми лишь 3 марта 1918 года удалось заключить Брестский мир. По всей стране то здесь, то там вспыхивали искры разгоравшейся гражданской войны.

Понемногу менялась ситуация и в Тобольске. В нем оказалась группа большевиков — одни из них, как И.Коганицкий, были тоболяками, но ветер революции еще задолго до Октября бросал их по всей России. Другие, как Н.Немцов, сосланные ранее в Сибирь, хо-

рошо ее знали, и не удивительно, что Я.М.Свердлов сам предложил Немцову вернуться в губернский город. Вот такие попали в местный Совет, организовали в нем большевистскую фракцию. В начале апреля 1918 года в Тобольске была создана самостоятельная организация большевиков. Но еще раньше Советы Екатеринбурга и Омска обратили внимание на такой факт — в зоне их влияния находится царская семья!

Такое могло случиться лишь в бурные революционные времена, когда менее всего смотрели на какие-то там административные границы. Тобольск — центр огромной губернии (правда, вскоре решением местных властей он "поменяется" званием с Тюменью, стоящей на Транссибирской магистрали, и станет всего-навсего уездным городом). Омск — город губернии, своим влиянием охватившей не только Приобье, но и часть нынешнего Казахстана, Екатеринбург — уездный город Пермской губернии. Снабжение Тобольска, в основном, шло из Омска по Иртышу, к этому "водному пути" тяготели все населенные пункты Прииртышья, равно и их Советы. Екатеринбург же, будучи крупнейшим промышленным центром, считал себя ответственным за то, что происходит в Зауралье и Западной Сибири. Вот почему неудивительно, что Советы двух городов стали решать проблему — как забрать себе царскую семью.

Обитатели бывшего губернаторского дома, похоже, и не подозревали о начавшейся вокруг них политической возне. Почта работала, переписка шла и с Петроградом, и с другими городами. Царь, например, писал в Крым — матери, сестрам Ольге и Ксении. В Тобольск приходили посылки, привозилось не только продовольствие, но даже вещи, хотя багажа с собой царская семья привезла немало.

Но она хотела жить спокойной, нормальной жизнью, пусть во многом и отличной от прежней. Ведь в сборе была семья, рядом находились преданные люди. Только вот будущее казалось каким-то неопределенным...

КОГДА ЛЮБОВЬ ДО ГРОБА

Главный герой рассказа о конце Романовых, конечно же, Николай II. Но не надо забывать, что рядом с ним до последнего часа находилась его жена — Александра Федоровна, что она была, по сути дела, тоже "кардиналом", во многом направляя и корректируя все поступки царя. И рассказ о последнем российском императоре не будет полон, если не знать, кем была его супруга, как они нашли друг друга.

Всем памятна песня о том, что, как ни говори, жениться по любви не может ни один король. Можно уточнить при этом — не может жениться не по правилам. А они у каждого королевства свои. Причем отнюдь не обязательно писаные. Присмотришься — и видишь, что каким-то капризом судьбы создаются условия не для одного брака, а для целой серии их, накладывающей отпечаток на столетия существования монархии.

В России таким непонятным для многих моментом являлась женитьба русского царя. Два последних столетия все матримониальные помыслы глав Дома Романовых были направлены на Германию. Судите сами: Петр III (Карл Петер Ульрих) женился на женщине, чье имя звучало так: Софья Августа Доротея Фредерика Ангальт-Цербстская. Мы же знаем ее как Екатерину II. За ним Павел (женат дважды) — Вильгельмина Луиза Гессен-Дармштадтская (у нас — Наталья Алексеевна) и Софья Доротея Вюртембергская (Мария Федоровна). Александр I — Луиза Августа Баден-Баденская Дурлах (Елизавета Алексеевна). Николай I — Шарлотта Каролина Прусская, дочь Фридриха Вильгельма III, сестра Вильгельма I Гогенцоллерна — первого императора германского государства (у нас Александра Федоровна). Александр II — Максимилиана Вильгельмина Августа Софья Мария Гессен-Дармштадтская (Мария Александровна). Александр III — датчанка Дагмара Софья Доротея, у нас именуемая Марией Федоровной. Николай II — Аликс Виктория Елена Бригитта Луиза Беатриса Гессен-Дармштадтская (Александра Федоровна).

Как видно из этого списка, через одно-два поколения повторяется "Гессен-Дармштадтская". Великое герцогство было небольшим даже в масштабах Германии, составленной позже из подобных "мини-государств", но считалось весьма уважаемым. Род был крепким, многодетным и, как следствие этого, имел самые широкие родственные

связи. Судите сами — только в России, кроме жены Николая II, жила ее старшая сестра Елизавета, жена дяди царя Сергея Александровича.

И все — Север! Это как заклятие, как предопределение судьбы. Смотрите, никакой южной крови! Испания, Португалия, Италия — там можно назвать десятки и сотни стариннейших родов Европы, чьи представители никак "не вписались" в родословную Романовых. А северогерманские же — по нескольку раз. И через "датскую линию" — жену Александра III (а Дания тоже северная страна!) — Романовы вплотную породнились с Англией, ведь там царствует сейчас Виндзорская династия (получившая имя от королевского замка), а ранее, до 1917 года, именовавшаяся Саксен-Кобург-Готской.

Есть такое правило — дети чаще всего похожи на деда, чем на отца. Матери Николая II и Георга V — родные сестры. Не видел фотографий деда — датского короля, но фотоснимки русского царя и английского короля совпадают так, что можно спутать. И путали — не на фото, а в жизни.

Роберт Мэйсси в своей книге рассказывает буквально анекдотические факты о поездке Николая в Англию на свадьбу своего двоюродного брата Георга, принца Йоркского. И там началась путаница: "Что касается жениха Георга, то он и Николай были так похожи, что даже люди, хорошо их знавшие, путали их. Георг был меньше и стройнее Николая: его лицо было тоньше, и в глазах было больше огня, но оба расчесывали волосы на пробор и носили бороды одинаковые — "а ля Ван Дейк". Поставленные рядом, они выглядели как братья, почти как близнецы. Несколько раз во время церемонии это сходство приводило ко всякого рода замешательствам. Однажды Николая, приняв за Георга, начали тепло поздравлять, в то время как Георга стали расспрашивать, ехал ли он в Лондон только на свадебную церемонию или у него существуют другие дела. Накануне свадьбы один из официальных должностных лиц при дворе, приняв Георга за Николая, попросил его не опаздывать на церемонию".

Мы долго рассматривали взаимоотношения между российской монархией и европейскими царствующими домами. Сделано это было не случайно — ведь именно в такой среде молодому наследнику российского престола предстояло искать (и найти) себе невесту. Круг хотя и был широк, но не беспределен. Выйти из него нельзя — не на улице же знакомиться будущему самодержцу России. Остается лишь

осмотреться вокруг себя, в своем окружении. Он так и сделал, еще не представляя, что решает свою судьбу.

Царевич обратил внимание на маленькую двенадцатилетнюю девочку, стоявшую в церкви Зимнего дворца неподалеку от своей сестры — невесты Великого Князя Сергея Александровича, дяди Николая. Венчался Сергей с Елизаветой (уже говорилось — принцессой Гессен-Дармштадтской), съехались все прямые родственники, в том числе и маленькая Аликс, которую все стали звать Алисой — звучит более по-славянски! То, что увидела бедненькая немецкая принцесса, вероятнее всего, ошеломило ее — приемы, балы, роскошь, какую в Европе и не видели.

Но держалась девочка уверенно — ведь ее крестили Александр III и Эдуард VII, ее матерью была дочь английской королевы Виктории, и после преждевременной кончины матери малышка много времени жила у своей бабушки. Отсюда пристрастие ко всему английскому — от предметов обстановки до записей в личном дневнике на этом языке. И вот далекая загадочная Россия с непонятными церковными службами (сама Алиса — лютеранка), сопровождающими свадебную церемонию. Кругом все взрослые — даже сестра и ее жених. Только один почти мальчик — Николай (ему 16 лет). И Алиса все чаще и чаще смотрит на него.

Николай обращает внимание на девочку в белом муслиновом платье. Как писал Р.Мэйсси: "Она бросала тайные взгляды на шестнадцатилетнего царевича Николая. В ответ Николай подарил ей маленькую брошь. Растерявшись, Аликс взяла ее, но потом на одном из детских вечеров, потихоньку сунула эту брошь в руку Николаю".

Так они познакомились. Прошло пять лет, и Алиса снова в Петербурге — ей 17 лет, Николаю — 22. Они часто разговаривали, ходили вместе на каток. Потом в Александровском дворце Царского Села в ее честь устроили специальный вечер.

(Именно Александровский дворец станет первым местом заключения царской семьи, но будет это через 28 лет).

Александр III и не думал, что наследник престола женится на принцессе того самого герцогства, которое уже с Елизаветой вошло в его семью. Тем более, что у Николая появилась "симпатия" — балерина Матильда Кшесинская. Об этом знали все и ничуть не удивлялись. Почему бы гвардейскому офицеру (на маневрах Николай командовал

эскадроном конной гвардии) не поразвлечься?.. Тем более, что знали — после одной из премьер балерину даже пригласили поужинать, а когда царь удалился, наследник сел рядом с ней, и, как вспоминала позже Матильда, “мы потянулись друг к другу”.

Тут, поскольку мы коснулись отца Николая II, хочется немного рассказать о странных пророчествах, недомолвках, предсказаниях, связанных с его смертью. Отсвет этого ложится и на сына, как бы предопределяет его судьбу.

Говорилось, что женитьбе Николая на Аликс противился его отец Александр III. И лишь болезнь монарха открыла сыну дорогу к браку с любимой им и любившей его Алисой Гессен-Дармштадтской. Но в числе легенд о царской семье есть и такая, которая заранее набрасывает на все происходящее трагический отсвет.

Начало ее в том, что вскоре после смерти Александра I в Таганроге разнеслись слухи: царь не умер, а решил уйти от всей светской жизни в монахи. Ну, будь это в Бирме, Таиланде или иной экзотической стране Юго-Восточной Азии, этому никто не удивился бы. Уход даже в наши дни премьера страны или иного видного деятеля в буддийский монастырь для духовного совершенствования (на месяц, год или даже навсегда) — дело для местных жителей обыденное и весьма богоугодное. Но в России?

Далее вроде бы так. В гробу (его не открывали в Петербурге) “упокоили” кого-то иного, а царь, смешавшись с толпой странников, пошел по Руси. Спустя несколько лет в Сибири появился старец, обликом весьма похожий на царя. Более того, когда местные полицейские чины доложили об этом “наверх”, им строго указали не трогать этого человека и ни в чем ему не препятствовать.

Есть и иной вариант легенды. По нему Александр I ушел к знаменитому, после смерти объявленному святым Серафиму Саровскому (он и при жизни почитался таковым). И вроде бы даже был у святейшего келейником, то есть человеком, помогавшим в домашней работе, правой рукой Серафима. Там же умер и похоронен.

Это все из области мифов, легенд о русских императорах — нечто подобное можно найти, в принципе, и в других странах. Вот реальный факт — Николай приехал на могилу святого — обратите внимание на дату — 17 июля 1903 года. Ровно за пятнадцать лет до гибели! Факт есть факт — ничего с ним не поделаешь. Тут же снова вступает в действие легенда — якобы монахи соседней оби-

тели вручили ему письмо, за много лет до этого написанное святым (к этому времени давно усопшим). Письмо ждало Николая — в нем он назывался последним русским царем...

Во все можно верить и не верить. Но ведь угодно же было судьбе распорядиться, чтобы первый раз он приехал в обитель 17 июля. А может, составители легенды среди царских поездок специально отыскали дату?

Интересно, что подобных совпадений, символических сочетаний в истории последнего императора очень много. Самое известное — Ипатьевское. Как известно, основатель династии прятался от поляков в Ипатьевском монастыре, туда-то и направлялся отряд врагов, к своему несчастью решивший взять в проводники Ивана Сусанина.

Так вот, из Ипатьевского монастыря вышел первый Романов, в Ипатьевском доме погиб последний.

Стоит вспомнить, что в тобольскую ссылку семью царя вез пароход "Русь". На этом же пароходе вернулись в Тюмень оставшиеся Романовы (царя с царицей и Марией вывезли санями раньше). Не слишком ли звучное название для парохода, по сути дела привезшего своих пассажиров на смерть?

Зимой 1894 года Александр III заболел, врачи не могли дать обнадеживающий ответ. Встал вопрос — если на престол взойдет Николай, то кто будет его супругой? Николай же не хотел и говорить ни о ком, кроме Алисы. Летом он поехал на свадьбу ее брата. Никогда до этого, ни после не собирались в маленький Кобург такие гости — из Англии королева Виктория, из Германии — Вильгельм II (ее внук), из России — наследник престола Николай. Все родственники, все лично знающие друг друга. И в этой тогда еще взаимно дружески расположенной компании хозяев мира — двое влюбленных.

Алисе, вероятно, было известно, что ей сделают предложение — все шло к тому. Но ведь она — лютеранка, а русская царица должна быть православной. Менять веру. Начались мучительные раздумья, долгие уговоры, прогулки с Николаем, встречи и разговоры, разговоры, разговоры... Николай был настойчив, он действительно любил эту девушку. И не просто любил — не мыслил себе другой жены, матери своих детей.

Не мыслил, что разразится мировая война между родственниками, что Вильгельм II окажется врагом, с которым приходилось воевать

Николаю II и Георгу V. И что в стране вспыхнет мощная антигерманская кампания, сожгут посольство врага, разгромят магазины с немецкими надписями при входе и даже Петербург станет называться Петроградом! Война затянется, в иные месяцы потери будут доходить до полумиллиона человек. Шапкозакидательство уйдет в прошлое и срочно понадобится найти врагов — почему же наша доблестная армия не может поколотить какого-то там Вильгельма.

Почему у нас не хватает оружия, боеприпасов? Почему все разлезается по швам? Виноваты предатели, в первую очередь — те, которые в военном министерстве и при дворе. Кто при дворе самый главный немецкий агент? Конечно же, немка, та самая, что у царя...

Никто не подсчитает, насколько "упал рейтинг" царя из-за национальности его жены. Но ведь нужно же было найти виновного (сколько раз это происходило в нашей стране!), и для всех "стало ясно" — царица. Чего только не приписывали ей! И письма отсылала через нейтральные страны своим родственникам — явно сообщала секретные сведения (но ведь на той стороне действительно находилось большинство родственников). И с той стороны родня сообщала, что Вильгельм II уже в 1915 году предлагал мир, хотел закончить бойню —

ничего не вышло (но ведь речь шла не о капитуляции России, не о подчинении ее Германии...).

Когда знакомишься с материалами, связанными с обвинением царицы в шпионаже, удивляешься — как же все это может так трактоваться? С одной стороны, первая мировая война есть схватка империалистических акул за передел мира, кровавая бойня и т.д. Плохо? Конечно! Но вот не проходит еще и года войны, несущей неисчислимые бедствия и российскому, и немецкому народам, как появляются предложения о мире. Разумеется, со стороны противника. К кому может обратиться Вильгельм — он пишет личное письмо царю, а к царице направляются подобного рода предложения со стороны родственников и знакомых.

Почему для измученной страны Брестский мир — это очень хорошо, а вот мир ровно на три года раньше — это плохо? Не была бы разрушена вся структура страны, не было бы миллионов жертв. Не потому ли, что именно историки понимают — нужно было довести страну до кровавого конца, до сплошного озверения народа, ибо тогда создавалась революционная ситуация, воспользоваться которой могла группа с самыми радикальными намерениями? Представим себе, что в 1915 году враги помирились... Было бы тогда 25 октября 1917 года в Петрограде? А 9 ноября 1918 года в Германии?

Но это все впереди. А пока бесконечно счастливая Алиса записывает в дневнике Николая: “Мы навсегда принадлежим друг другу. Я — тебе. В этом ты можешь быть уверен. Ключ от моего сердца, в котором ты заключен, — потерян, и тебе никогда не выйти оттуда”.

Есть расхожее выражение — любовь до гроба. О счастливой паре раньше говорили, что они дружно жили и умерли в один день. Эта пара погибла в один час, в одну минуту.

СПОР ВОКРУГ ТОБОЛЬСКА

Итак, царская семья обосновалась в Тобольске. Как жилось им? Давайте посмотрим на все происходившее там глазами человека, видевшего это изнутри, — не члена царской семьи, но все время бывшего рядом с ней. Речь идет о Пьере Жильяре, воспитателе царских детей (он сам писал о себе как о "бывшем наставнике Наследника Цесаревича Алексея Николаевича", но ранее учил его сестер, а в воспоминаниях о тобольском периоде указывает: "удалось... возобновить обучение и двух младших Великих Княжон").

Так вот, Жильяр ("Император Николай II и его семья", Вена, 1921) указывает, что "вначале условия нашего заключения были довольно сходны с царскосельскими". Но все же дом обнесли забором, а поэтому "Государь и дети страдали от недостатка простора". Неудобства были, но такие, которые приходилось ощущать всем: так, ввели "удостоверения личности за номерами, снабженные фотографиями". А значит, пришлось сниматься? Были и радости — "стали пускать в церковь".

"После чая уроки возобновлялись и оканчивались около шести с половиною. Обедали часом позже, после чего шли наверх в большую залу пить кофе. Мы все были приглашены проводить вечер с Царской семьей, и для некоторых из нас это сделалось вскоре привычкой. Мы устроили игры и всячески изощрялись найти забавы, способные внести разнообразие в монотонность нашего заключения. Когда начало становиться очень холодно и большая зала сделалась необитаемой, мы нашли себе приют в соседней, единственной действительно уютной комнате дома, служившей гостинной Ея Величеству. Государь часто читал вслух, а Великие Княжны занимались рукоделием или играли с нами. Государыня обычно играла одну или две партии в безик с генералом Татищевым, а затем также брала какую-нибудь работу или лежала на своей кушетке. В этой мирной семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в беспредельности далекой Сибири".

В Рождество, например, "Ея Величество раздала несколько шерстяных жилетов, которые сама связала: она старалась таким образом выразить трогательным вниманием свою благодарность тем, кто остался им верен". Это не рисовка, не поза — царица всегда горой становилась за тех, кому верила. Не исключено, что она унаследовала от своих предков не только пресловутую немецкую скупость, но и бе-

зупречную верность, числившуюся в арсенале качеств древних германцев. Верна она была родине своих детей — России, верна интересам своего мужа. Не надо смеяться над ее телеграммами, письмами к Николаю, где она беспрестанно дает советы, уговаривает императора, порой, видно, даже не понимая многого в происходящем. Но всегда оставалась верной тому единственному, выбравшему ее еще тогда, когда речи не могло быть о замужестве.

Но все имеет свой конец. Тот же Жильяр постепенно заносит в дневник одну огорчающую его новость за другой. 16 января солдаты решили снять погоны с себя и с офицеров, 6 февраля по решению солдат представители Временного правительства Панкратов и его помощник Никольский "должны оставить свои должности". 25 февраля приходит телеграмма о переводе царской семьи на солдатский паек. 1 марта — "с сегодняшнего дня масло и кофе исключаются из нашего стола как предметы роскоши". И, наконец, главное: "26 марта отряд в сто с лишком красногвардейцев прибыл в Омск (так в тексте, правильнее — прибыл из Омска. — *Э.Я.*). Это первые большевистские солдаты, вступающие в гарнизон Тобольска".

Никто не скрывает, что прибыли они в связи с царской семьей. Вот запись от 9 апреля: "Большевистский комиссар, приехавший в Омск (опять "в", а не "из". — *Э.Я.*) с отрядом, потребовал, чтобы его допустили осмотреть дом. Солдаты нашей охраны ему отказали. Полковник Кобылинский очень встревожен и боится столкновения. Меры предосторожности, патрули, усиленные караулы. Мы проводим очень тревожную ночь". Отмечено и в дневнике Николая II: "14/27 марта. Среда. Здешняя дружина расформировалась, когда все сроки службы были уволены. Так как все-таки наряды в караулы должны нестись по городу, из Омска прислали команду для этой цели. Прибытие этой "красной гвардии", как теперь называется всякая вооруженная часть, возбудило тут всякие толки и страхи. Просто забавно слушать, что говорят об этом в последние дни. Комендант и наш отряд, видимо, тоже были смущены, так как вот уже две ночи караул усилен и пулемет привозится с вечера! Хорошо стало доверие одних к другим в нынешнее время".

Начавшиеся перестановки в отряде охраны не могут не беспокоить Николая. Так, 22 марта он записывает: "Утром слышали со двора, как уезжали из Тобольска тюменские разбойники-большевики на 15 тройках с бубенцами, со свистом и с гиканьем. Их отсюда

выгнал омский отряд". 28 марта — "вчера в нашем отряде произошла тревога, под влиянием слухов о прибытии из Екатеринбурга еще красногвардейцев. К ночи был удвоен караул, усилены патрули и высланы на улицу засады. Говорили о мнимой опасности для нас в этом доме и о необходимости переезда в архиерейский дом на горе...". 30 марта царю стало известно, что ЦИК решил "считать нас снова арестованными". 31 марта и 1 апреля переселяли всех в доме, так как из-за "скорого прибытия нового отряда с комиссаром", стрелки "желают, чтобы те застали у нас строгий режим!".

9 апреля "узнали о приезде чрезвычайного уполномоченного Яковлева из Москвы; он поселился в Корниловском доме". 10 апреля "в 10 $^{1}/_{2}$ часов утра явились Кобылинский с Яковлевым и его свитой...". 14 апреля "после завтрака Яковлев пришел с Кобылинским и объявил, что получил приказание увезти меня, не говоря куда".

Яковлев, Яковлев, Яковлев — все чаще и чаще звучит у царя. И не только — вот запись Жильяра от 22 апреля: "Московский комиссар приехал сегодня с маленьким отрядом; его фамилия — Яковлев. Он предъявил свои бумаги коменданту и солдатскому комитету. Вечером я пил чай у Их Величеств. Все обеспокоены и встревожены. В приезде комиссара чувствуется неопределенная, но очень действительная угроза".

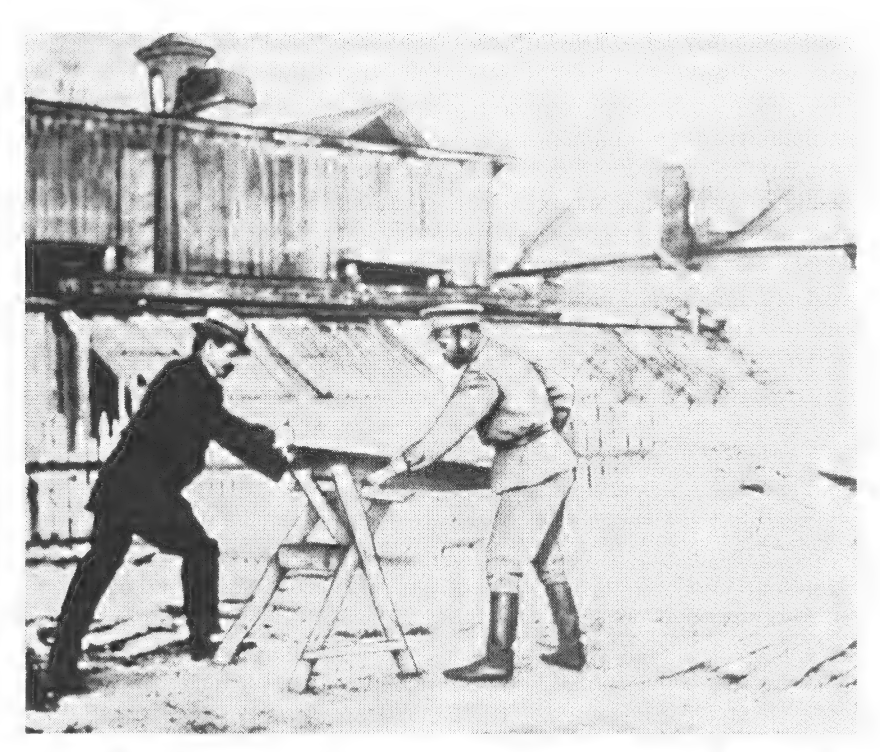
Чуткий, нервный француз (сужу по фамилии, приехал-то он из Швейцарии) первым заговорил об угрозе, витавшей в воздухе. Он связал все это с приездом Яковлева и был по-своему прав. Но появление комиссара с самыми широкими полномочиями было лишь финалом длительной борьбы за овладение семьей Романовых. Борьбы не всегда видимой, ощущаемой, но от этого отнюдь не терявшей своей напряженности. Ведь спорили три почти равные силы.

Первой силой, как все понимают, являлась охрана, выделенная еще Временным правительством. Большой отряд солдат — бывалых, обстрелянных — являлся надежным гарантом безопасности тобольских узников. Будь у охраны желание, она в считанные минуты очистила бы Тобольск от любого противника. Это понимали все, и до самого конца пребывания царской семьи в городе не было сделано ни одной попытки навязать солдатам иную волю, чем решение ими же выбранного комитета. Интриги — да, были, но это дело иное. Силовое же решение вопроса никем всерьез не принималось. Но это не значит, что все были довольны таким оборотом событий.

Попытки вмешаться в сложившуюся ситуацию (царская семья под охраной солдат) начались еще в январе-феврале 1918 года. Инициатива здесь (конечно же!) принадлежала нетерпеливым екатеринбуржцам. "Ранней весной в Уральском Совете прямо заговорили о фактической "безнадзорности" Романовых, необходимости вывоза их в другое, более надежное место. Да и кому же было вмешаться, как не уральцам", — пишет по этому поводу М.Касвинов. И дальше: "В последних числах февраля 1918 г. начинают вытягиваться в северо-восточном и восточном направлениях уральские рабочие, вооруженные группы и отряды, преследующие общую цель: перекрыть дорогу из Тобольска. Один отряд продвигается из Надеждинска в сторону Березова с тем, чтобы пересечь пути возможного бегства царской семьи в Обдорск, другой идет на тракт Тобольск — Ишим. Третий — на тракт Тобольск — Тюмень. Хохряков во главе небольшой группы скрытно пробирается напрямик к Тобольску. Опасен этот переход через местность, кишащую бандитами...".

Ну, это можно было писать в 70—80-х годах, когда история, по сути дела, уподоблялась рифам — над водой почти ничего нет, а главная опасность для исследователя скрыта. "...Кишащую бандитами". На самом деле речь шла о том, что власть Советов укрепилась лишь в городах, да и то там, где существовала промышленность. Село знать не хотело перемен, шедших из Петрограда и Москвы. Это выражалось не только в пассивном сопротивлении всем декретам, но и в реальном отстаивании своей независимости. Отстаивание это приобретало совершенно определенные формы, когда речь шла о чужаках, пытавшихся с оружием в руках навязать свою волю. Так вот, отряд, ушедший в Березово, там же был и разгромлен. Другая группа, остановившаяся в селе Голопутовском, выдала себя неосторожными разговорами. Хозяйка побежала к местным властям, те арестовали пришельцев, нашли документы, свидетельствовавшие о подлинной цели поездки. На сельском же сходе было решено — ликвидировать. Как указывал в своей книге Быков, позже туда был послан карательный отряд, который и "воздал" сельчанам.

Эта независимость сибиряков сыграла с ними плохую шутку. Упорное нежелание иметь над собой сильную власть привело к тому, что, полностью поддержав Уфимскую директорию (вот почему красные отряды откатились аж за Пермь), они резко выступили против правительства адмирала Колчака, пытавшегося централизировать всю об-

Любимое занятие — пилка дров. И в Тобольске — с Жильяром.
Архив.

щественную жизнь, проводившего мобилизацию только что вернувшихся с войны сибиряков. Колчак был разгромлен, селяне остались один на один с Красной Армией и Советами. Началась деятельность по выкачиванию из Сибири хлеба, масла, мяса, выкачиванию в таких масштабах, которые и не снились чиновникам адмирала.

Сибирь снова попыталась дать бой. Знаменитое восстание (вместе с кронштадтским похоронившее продразверстку) охватило всю нынешнюю Тюменскую область, части Свердловской, Новосибирской, Томской, Омской, Курганской областей России, Северо-Казахстанской и Акмолинской в Казахстане, аукнулось в Семиречье и на Алтае. Но теперь не было вооруженной силы, которая воспользовалась бы ситуацией, и крестьяне встретились с победоносной Красной Армией,

имевшей опыт не только борьбы с противостоявшими ей вражескими войсками, но и опыт подавления недовольства в тылу...

Провал двух вооруженных групп показал, что силой в Тобольск не пробиться. По крайней мере — сейчас. А царя нельзя было оставлять без "внимания" — кто знает, что там происходит. Охрана — Временного правительства, в Совете — эсеры. И вот весь конспиративный опыт большевиков начинает служить делу "введения" в Тобольск своих людей. Сначала туда посылают Татьяну Наумову, она местная, проезжает без всяких осложнений. Затем появляется ее "жених" — Павел Хохряков. Понемногу подъезжают и другие — и вот в городе уже начинает работать самостоятельная организация РСДРП(б). Партийный комитет тут же взял в свои руки руководство вооруженным отрядом рабочих, переизбрал Совет.

Выборы произошли 6 апреля, у большевиков было большинство мандатов, и председателем исполкома избирается П.Хохряков. Тут же разгоняются городская дума, все земские учреждения. Касвинов пишет, что "Совет берет в руки контроль над домом заключения Романовых". Ну да, Совет мог объявить об этом, но только объявить — охрана никого не допускала до царской семьи. Конечно, новые веяния коснулись и солдат — по воле выбранного ими комитета царь и его свита сняли погоны, а когда бывший император надел черкеску, к которой полагался кинжал, то солдаты возмутились, и оружие пришлось отдать. В церковь стали пускать лишь по двунадесятым праздникам, резко ухудшилось питание (Москва перестала слать деньги).

Но все же не это было главным. Солдаты знали, кого охраняют и должны охранять. Любые ухудшения не затрагивали главного — жизни сосланных. И еще — передачи их в чьи-либо руки. Желающих было предостаточно — от отряда местного Совета до представителей Екатеринбурга, Тюмени и Омска. И когда в дневнике Николая II мы читаем о том, что с прибытием очередного отряда большевиков в Тобольск караулившие его солдаты выкатили пулемет, мы понимаем, отчего это. И пусть экс-император иронизирует о "доверии" между этими группами, каждая из которых враждебна ему, мы-то можем понять суть антагонизма. Солдаты не собирались кому-либо отдавать вверенных им лиц. Пусть ссыльных, пусть узников, но тех, кого им приказано охранять. Охранять-то было от кого.

Начнем по порядку. В Тобольске местный Совет имел какую-то вооруженную группу, но явно малочисленную и неспособную на

какие-то действия. Прибыли сюда большевики из Тюмени — тоже в невеликом числе. Тюмень стояла на перепутье — за кем пойти? Как парадокс того времени многие историки сообщают вот такой факт. На одной и той же тюменской улице в домах, расположенных друг против друга, шла запись и в Красную Гвардию и в Народную Армию (на нее будет опираться Уфимская директория). С появлением отрядов из Омска тюменцам стало ясно, что делать им здесь нечего, и они поскорее убрались домой (Николай тогда записал в дневнике, что их "выгнал омский отряд"). Ну а раз они уезжали на 15 тройках, то ясна

Одна из комнат в губернаторском доме. *Архив.*

малочисленность дружины. Омичей (их привел Демьянов) — уже "сто с лишком", как пишет Жильяр. И требования резче: показать им царя. Охрана ответила таким же резким отказом. Судя по всему, омичи не очень и настаивали. А ведь вся история могла бы пойти по-иному, в тот момент Омск обладал огромной силой, но неверно принятое решение свело эту силу к нулю. Дело в том, что омичи приехали только караулить царя и, как писал один из руководителей И.Коганицкий, даже ночью порой они бежали к губернаторскому дому: "под стражей ли еще заключенные?". И все.

Но со временем большевиков, а точнее — красной гвардии, в Тобольске становилось все больше и больше. Советом руководит председатель исполкома П.Хохряков — не просто активный член партии, а боевик по натуре. Все больше и представителей Урала — здесь появилась группа во главе с С.Заславским. Можно предположить, что силы почти равны, но выхода из ситуации нет — солдаты не отдают никому право на охрану царской семьи, а их охватывает со всех сторон кольцо красногвардейских отрядов, по сути дела — рабочих дружин (а каждый был именно такой дружиной, объединенной или общим местом работы, или пунктом формирования, или выбором командира). Тот же Яковлев отряд собирал в Уфе, именно собирал, а не получил в распоряжение. Приехал, отыскал знакомых еще по подполью боевиков и с их помошью сформировал группу.

Чем больше разноплановых, но вооруженных отрядов собиралось в Тобольске, тем более вероятно становилось, что не сегодня-завтра вспыхнет вооруженный конфликт. Об этом знали и в Москве. Вот почему пришлось посылать Яковлева от имени Совета Народных Комиссаров, то есть от самой высокой власти в стране — только ей могли подчиниться блокирующие друг друга силы.

Давайте спросим самого Яковлева: что за указание получил он во ВЦИК? Вот только три отрывка из его воспоминаний. По его словам, Я.Свердлов дал такие четкие инструкции:

"Совет Народных Комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал".

"Только уральцы уже потерпели поражение. Как только были получены сведения о подготовке побега Романовых, Екатеринбургский

Его именем назвали улицу в Свердловске. Сначала даже с воинским званием: "улица матроса Хохрякова". ***Архив.***

Совет отозвал туда свой отряд и хотел увезти Романовых — ничего не вышло, охрана не дала. Омский Совет со своим отрядом также не смог ничего сделать. Теперь уже несколько отрядов, и может произойти кровопролитие". "Итак, запомни твердо: Совет Народных Комиссаров назначает тебя чрезвычайным комиссаром и поручает тебе в самый кратчайший срок вывезти Романовых из Тобольска на Урал". И самая значительная фраза разговора после вопроса: "Груз должен быть доставлен живым?":

"Тов. Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил:

— Живым, надеюсь, выполнишь инструкции в точности..."

Вот под этим углом и нужно рассматривать все поступки Яковлева. О том, что он не агент германской разведки, британской Интеллидженс сервис или тайных монархических групп в России, уже ясно! Равно как и то, что он один из организаторов ВЧК, точнее — член первого состава ее коллегии. Иному и не подписали бы мандат на вывоз царя. Человек пользовался беспредельным доверием — и вдруг совершил ряд поступков, давших право обвинить его во всех смертных грехах, а вернее — в самых тяжких: предательстве, клятвопреступлении.

Что же произошло в Тобольске? Почему именно там начались конфликты Яковлева с екатеринбургскими отрядами? Как могло получиться, что в противостояние вошли искренне преданные делу революции люди, каждый из которых, не раздумывая, отдал бы жизнь за ее идеалы?

Думается, что корни конфликта можно обнаружить (по времени) задолго до появления яковлевского отряда в Тобольске. Напомним, уральцы первыми подняли вопрос о перевозке царя, тогда как тоболяки, тюменцы и омичи, в основном, ограничивались "охранительными" функциями. Не случайно Свердлов заявил: "Уральцы уже потерпели поражение". Почему? "Охрана не дала". Если даже Свердлов употребил слово "поражение", то ясно, как восприняли это сами уральцы.

Интерес к царской семье не случаен в горном краю. Именно здесь у рабочих наиболее радикальные взгляды, высказывалось наиболее определенное мнение о судьбе царя. Опять же слова Свердлова "...теперь там несколько отрядов, и может произойти кровопролитие".

Тупик, в который зашло само дело содержания царя и всех сопутствовавших ему лиц надо как-то ликвидировать. Развязать узел —

именно развязать, а не разрубить — могла лишь "третья сила", сила со стороны. Ею и явился отряд Яковлева, состоящий из уфимских рабочих-боевиков. Вроде бы чего проще — дать телеграмму охране: мол, передайте царя уральцам (или омичам). И все! Ан нет, власть Москвы над далекими городами была весьма условной, никто и не послушался бы. Вот почему поехал чрезвычайный комиссар с мандатом и повез с собой вроде бы "нейтральный отряд" — не из Екатеринбурга и не из Омска.

И эта "нейтральность" не ускользнула от внимания уральцев. Конечно, Голощекин, предупрежденный Москвой, не может остановить Яковлева или хоть как-то помешать ему. Но определенное недоверие к "чужаку", приехавшему, чтобы сделать неудавшееся уральцам, остается. И конечно же, рано или поздно сработает.

Тем более, что в самом Тобольске находятся Хохряков, Авдеев, Заславский, не только не спускающие глаз с губернаторского дома, но и, вероятно, спрашивающие себя: "А почему не удалось нам?".

Вот это не может не наложить отпечаток на развертывающуюся операцию. Но начало ее спокойно — Яковлев с отрядом приезжает в Екатеринбург, еще раз получает заверения, что все вооруженные силы Тобольска переходят в его подчинение, и отправляется в Тюмень, где его уже ждет председатель губисполкома Н.Немцов.

Давайте сделаем перерыв в изложении событий. И еще раз посмотрим на ситуацию, сложившуюся вокруг Тобольска. Смотрите, царь с семейством находятся в соседней губернии. В соседней — и для омичей, и для екатеринбуржцев. Их же отряды действуют в Тобольске, как у себя дома. Почему?

Да потому, что административные границы тогда практически почти ничего не значили. Решало одно — сила. А она зависела в первую очередь от количества рабочего класса и его радикализации. В Тюмени и Тобольске рабочих было мало, общее настроение их неопределенно. Уже говорилось, что в Тюмени одновременно записывали и в Красную Гвардию, и в Народную Армию. Общество еще не раскололось на две готовые к взаимному уничтожению группы. Оно как бы раздумывало: что выбрать, по какому пути пойти?

Немало интересного и в том, что Тюмень все дореволюционное время подчинялась Тобольску. Там находился губернатор. Но через Тюмень прошла железная дорога, появился коллектив железнодорожников. Развился водный транспорт — строили и ремонтировали суда. Работали мельницы, рыбокоптильни. Пусть немногочислен-

ный, но рабочий класс был, вот почему в Тобольск и послали отряд — небольшой, быстро уступивший место омичам.

О настроении в Тобольске говорилось — пришлось вводить туда людей из Екатеринбурга, чтобы переизбрать Совет. В Омске — наибольшее количество рабочих, крупные (по тому времени) заводы, много вернувшихся с фронта. Большой отряд Красной Гвардии. Не удивительно, что представители Омска легко прогнали тюменцев — сила есть сила. Даже на своей территории тюменцы ничего не могли сделать с омичами.

Равно как и с другой стороны — с уральской. Глянем в нашу сторону. Губерния здесь Пермская, в которой Екатеринбург всего-навсего — уездный город, равно как и Красноуфимск, Камышлов и ряд других городов. Но уездный город Екатеринбург — центр революционного движения всего Урала, средоточие наиболее передовой части его рабочего класса, наиболее радикальной части.

Уездный город начинает заправлять всем Уралом — от Южного до Северного, от Советов до ЧК.

Появляется новое, никем еще официально не узаконенное образование — область. До этого ведь были губернии, уезды, волости. А теперь — область, а в ней — Уральский областной Совет, Уральская областная ЧК. К Екатеринбургу начинают тяготеть революционные массы городов и заводов, которые и раньше имели связь с ним, но находились в соседних губерниях. И пермские (ранее — губернские!) власти теперь отчитываются перед Уралсоветом в их бывшем уездном городе.

И что там соседняя губерния, в которой даже Советы не всегда были большевистскими (вспомните опять Тобольск). Поэтому уральцы и послали сначала отдельные группы, потом людей "мелкой россыпью", затем вооруженные отряды.

Все это, подчеркиваю, было связано с той ответственностью, которую уральские большевики возложили сами на себя. И не удивительно — ведь они не только считали себя реальной силой, но и обладали ею. Самое первое восстание, которое мы можем назвать контрреволюционным, поднял после Великой Октябрьской революции атаман Дутов. Кто отправился его подавлять?

Отряд из Петрограда и отряд из Екатеринбурга. Как видно, наряду с революционными матросами это была единственная в этом районе реальная сила.

Революционность уральцев выражалась не только с помощью штыка и маузера. Первый региональный комиссариат труда был создан в Екатеринбурге. Национализация горного округа — тоже на Урале. Кстати сказать, Ленин приветствовал переход частной собственности в руки рабочих. Словом, в тогдашней Республике Советов было не очень много регионов, столь независимых, столь сильных, обладавших столь реальной властью, причем не только на своей территории, но и на соседних.

Уральцы прекрасно понимали это. Стремление забрать себе царя — наилучшее доказательство. Есть интереснейшие воспоминания П.Ермакова — он прямо пишет, что "в начале марта президиум областного Совета постановил обратиться во ВЦИК с предложением о переводе Романовых в Екатеринбург; не дожидаясь ответа центра, была выслана экспедиция в Тобольск"... Вот так просто — сначала обратились во ВЦИК — наивысшую (для себя!) инстанцию. И, не дожидаясь ответа из Москвы, послали экспедицию.

О перевозке царя еще будет идти речь, но вот деталь — Николай находится в пути, когда в Екатеринбурге собирается 4-я Уральская конференция большевиков. И вот снова Ермаков: "в частном совещании большинство делегатов с мест высказались за необходимость скорейшего расстрела Романовых". Еще ничего не известно, еще Николая с женой и дочерью не довезли до Урала, а здесь уже вовсю высказывались о расстреле. А Москва говорила о суде, назначала обвинителя...

КТО ВЫ, КОМИССАР ЯКОВЛЕВ?

Вся история ссылки царской семьи, ее расстрела пестрит именами не только героев свершившихся событий, борцов за народное дело, но и отступников, шкурников, а то и просто предателей. Первым в этом ряду пока еще стоит фамилия комиссара В.Яковлева (он же К.Мячин, К.Стоянович). До последнего времени личность сия однозначно оценивалась историками главным образом по двум реальным фактам — попытке перевезти царскую семью не в Екатеринбург, а на юг Урала и последующем переходе на сторону Комуча. Причем перешел к противнику Яковлев, будучи назначенным незадолго до этого главнокомандующим Урало-Оренбургским фронтом!

Оценка всему этому была дана однозначная. Быков решительно утверждал, что "назначение Яковлева чрезвычайным комиссаром ВЦИК было, безусловно, ошибочным. Впоследствии он изменил революции. После возвращения в Москву он был назначен на Самарский фронт и в октябре 1918 года имел замыслы перейти со своей армией к Колчаку, но армия за ним не пошла, и он бежал к белым с несколькими офицерами. Вскоре в уфимских белогвардейских газетах появилось письмо, в котором Яковлев раскаивался в своих большевистских "грехах". По словам Р.Вильтона, Яковлев получил затем назначение на южный фронт в одну из белых армий".

Здесь все правда и... все неправда. Да, Яковлев перешел к белым, точнее, к войскам Комуча (тогда не различали: кто против — тот "белый"), но сделал это как под давлением внешних обстоятельств, так и по своим тайным планам. Позже он писал, что фронт разваливался, надо было начинать работу в подполье, но оно прекратило существование. Тогда он, предварительно договорившись с учредиловцами, переходит к ним. В своих воспоминаниях Яковлев намекает, что было желание совершить какой-то решающий шаг, особое действие. Что — неизвестно, но, зная прошлое этого человека (об этом ниже), можно предположить лишь одно — речь идет об ударе по штабу Комуча. Бывший боевик, он мог это организовать: "у меня созрел план удара противнику в тыл, воспользовавшись для этой цели его же аппаратом".

Из разряда легенд и предполагаемый переход к Колчаку, тот еще не стал военным министром сибирского правительства. А переход — он был, но к Комучу. "Назначен на Самарский фронт" — кем? Яковлев, находясь уже на противоположной стороне, подписывал свое об-

ращение к красноармейцам так: “Бывший главнокомандующий большевистским Урало-Оренбургским фронтом”. Ничего себе скромное “назначение”.

Если верить Вильтону о назначении Яковлева “в одну из белых армий”, то это длилось недолго. 18 ноября в Омске произошел переворот, потом Яковлева арестовали, перевезли в Омск, там он и исчез.

Вот так выглядят все обвинения, адресованные Быковым Яковлеву. Вроде бы все правильно, все было... но не совсем так, как излагалось автором.

Не менее решительно настроен и М.Касвинов, во многом, как не раз указывалось, следовавший в выводах за Быковым. Он разбирает некоторые версии, выдвинутые западными исследователями, и находит весьма справедливыми обвинения особоуполномоченного ВЦИК в предательстве, указывая, что “личность последнего остается неясной до сих пор”. Почему же? Да потому, что западная пропаганда отнеслась к Яковлеву положительно, учитывая отношение к нему царской семьи. Поэтому, дескать, сойдет за героя “выкрашенный в красное перевертень-оборотень, кающийся в грехах бывший большевик”.

Что же написано о Яковлеве на Западе? Касвинов приводит, прямо скажем, увесистый набор фактов. Так, немецкий автор Хойер указывал, что комиссар собирался совершить чуть ли не сусанинский подвиг. Почему? Да потому, указывает автор в “Ди Вельт”, что Яковлев был германским шпионом. В следующем номере того же журнала это подчеркивалось: “нет ничего логичнее предположить, что Яковлев был немецким агентом”.

Нет, не только немецким, а и английским, уверял читателей своей книги “Конец Романовых” В.Александров (книга на английском языке вышла в 1966 г.). Ссылается он на имеющиеся указания, что Интеллидженс сервис направила своего резидента в 1917 году в Россию. Рассказывая об этом, Касвинов так и пишет: “Посвятив двойному германо-британскому резиденту Яковлеву специальную главу... Александров так и озаглавил ее: “Зеленый центр — или Интеллидженс сервис”.

И сам Касвинов пытается разобраться в биографии Яковлева. По одним источникам — он Константин Мячин из Уфы, по другим — сын торговца Москвина из Киева, по третьим — рижанин, а зовут Зарин, или по-латвийски — Заринь. Очень компрометирующим фактом является то, что, будучи призванным на воинскую службу, “благодаря

своей ценной технической специальности преуспевал, пользовался комфортом и поблажками, в конце концов попал в офицерскую электротехническую школу".

В последнем издании приведены и сведения из книги Г.Иоффе "Великий Октябрь и эпилог царизма", где подтверждается, что Яковлев — это К.Мячин, "был боевиком, позже — эмигрант-отзовист. Вернулся в Россию после февраля 1917 года, участвовал в штурме Зимнего".

Последнее не удивительно. Зимний брали не одни большевики, как позже пыталась представить официальная пропаганда. Были и эсеры, составляя очень значительную часть наступавших, и анархисты. Удивительно другое — довольно объективный автор находит одни только негативные факты из жизни Яковлева. Когда возвратился из эмиграции, то встречавшие удивились — "бумажник Яковлева был переполнен банкнотами". Представляете, откуда эти деньги? "В Петрограде он попадает под опеку Масловского" — эсеровского активиста военной секции Петроградского Совета. Далее его видят то "в окружении Бориса Савинкова, то возле полковника Муравьева (позже пытавшегося открыть белым Восточный фронт)".

Вот еще Касвинов — "не вполне ясно, каким образом весной 1918 года Яковлев очутился особоуполномоченным ВЦИК, но в бурной обстановке того времени да еще при содействии таких политиков, какими были левоэсеровские главари типа М.А.Спиридоновой, Б.Д.Камкова и И.З.Штернберга, подобные карьеристские взлеты на гребне революционной волны случались. Сумел по заданию своих доверителей подняться на гребне этой волны и проникнуть, куда ему указано, и Яковлев-Мячин-Заринь".

Наверное, хватит цитат. Хотя последняя начинает вносить что-то новое — то, что мы знаем о Спиридоновой, Камкове, полностью дезавуирует негативное к ним отношение. Ну а если эти люди были не врагами народа, а борцами за его счастье, то могли бы они на что-то плохое благословить Яковлева и так ли уж он сам плох? Не надо забывать, что в традиции политических обвинений, представляемых в нашей стране, всегда была связь с врагами — прямая или косвенная, в чем-то реальная или специально выдуманная.

Вот чем кончается рассказ Касвинова: Яковлев перешел к противнику, но в декабре 1918 года был арестован, попав в руки полковника Зайчека, начальника контрразведывательного отряда при штабе Кол-

чака. “Из рук последнего он живым не ушел”. Приводится и мнение Н.Соколова, упрекавшего Зайчека за “бесполезное и до дикости бессмысленное уничтожение важнейшего свидетеля последнего этапа бытия и страданий царской семьи”.

Вроде бы и все. Был Яковлев и нет его. Осталась невыразительная внешне фигура не то яркого авантюриста, не то явного предателя, не то просто неудачника. И этому человеку ВЦИК поручил увозить царя и всю его семью, выдал самые широкие полномочия? Этот человек все время сносился в Москве не с кем-либо из правительства, а лично со Свердловым, получал от него указания? И был настолько уверен в себе, что, когда в Екатеринбурге Авдеев и Заславский обвиняли его во всех грехах, отвечал им “даже развязно”.

Нет, не нужно обвинять ВЦИК в слепоте. Знали там, кому доверить выполнение ответственнейшей задачи. Учтите такую деталь: мандат Яковлеву подписали Ленин и Свердлов. В мандате не формулировалась задача, прямо говорилось лишь об одном — все должны беспрекословно выполнять все распоряжения комиссара. Считанные единицы могли бы справиться с таким заданием. И рассказал об этом... сам Яковлев. Нет, не погиб он в колчаковских застенках. Бежал в Китай, выполнял там ответственнейшую работу, в 1928 году вернулся в Советскую Россию. Все покатилось по накатанной дороге — тут же был арестован. Находясь в заключении, написал своеобразную автобиографию — письмо к товарищам по борьбе, боевикам. И в этом письме мы можем прочитать такое, что полностью опровергнет все утверждения о какой-либо контрреволюционной деятельности Яковлева.

Касвинов называет эсером, утверждает, что Яковлев близок к верхушке этой партии. Но все наоборот — мало кто из большевиков мог бы похвастаться подобным послужным списком. Ведь именно он руководил нападением на почтовый поезд на станции Воронки. Захвачено 25000 рублей (1907 г.). В нападении на самарских артельщиков взято 200 тыс. рублей (1907 г.). При нападении на почту в Миассе взято 40000 рублей (1908 г.). Второе нападение в Миассе дало 95000 рублей (1909 г.).

Ну и на что пошли деньги? Сначала Яковлев едет на Капри к Горькому, потом в Болонье организует партийную школу. В ней преподают или просто выступают перед учениками Троцкий и Кол-

лонтай, Менжинский и Богданов, Покровский и Луначарский. Мы очень много знаем о школе в Лонжюмо, ведь там в числе организаторов был В.Ленин. А ведь учеба партийцев шла и в других местах. На это нужны были деньги — их добывали такими методами, которые сейчас вызывают гримасу неудовольствия у историков. За деньгами, которыми оплачивалось пребывание за рубежом вождей партии, — горы трупов, кровь не только охраны, но и случайно попавших под пули и динамитные взрывы людей. До сих пор мы знаем лишь о Камо (Симон Аршакович Тер-Петросян), том самом из фильма "Лично известен". Но выстрелы и взрывы гремели по всей России.

Об этом и напомнил Яковлев своим боевикам-подпольщикам. Он спокойно сообщает: "Первая миасская экспедиция. Нападение на почту. Взято 40 тыс. рублей. Взрывом убиты лошади, ранены чиновники, разбиты казаки". Или вот что: "Вторая миасская экспроприация. Взято 95000 рублей. Убитых и раненых со стороны противника 18 человек. Из семнадцати боевиков ранен один".

А вот как выглядело это "второе действо" в донесении полицейских чиновников: "С 25 на 26 августа на ст. Миасс в 10 ч. 30 м. было произведено вооруженное нападение на станцию, причем бомбой, брошенной в почтовое отделение, ранены почтовый чиновник, почтальон и полицейский стрелочник. Из запертого сундука похищено более семидесяти тысяч рублей. Теми же грабителями убиты железнодорожные стрелочники, охранявшие почту и станционную выручку на сумму около шести тысяч рублей. Станция вся обстреляна, телеграфные аппараты разбиты, сообщение прервано".

Чиновники, почтальоны, стрелочники — вот по какому "противнику" вели огонь боевики Яковлева. Но приз был крупным — он сам написал о 95 тысячах рублей. По тем временам — баснословные деньги. Не удивительно, что взятых за четыре "экса" более чем 350 тысяч рублей хватило и на организацию партшколы, и на проведение V Лондонского съезда партии.

И этот человек назван не большевиком, а эсером? Давайте посмотрим еще раз на тот послужной список, который обозначил сам Яковлев. Это его "коммунистическая фракция съезда Советов назначает комиссаром всех телеграфных и телефонных станций Петрограда. Захват с отрядом матросов главной телефонной станции на Мойке...". Цитировать письмо Яковлева можно и еще — он пишет о

3*

встречах с Лениным и Троцким, Каменевым и Зиновьевым, да практически не было видного деятеля революции, который бы так или иначе не контактировал с уфимским боевиком.

Самое интересное вот что: "Постановлением Совнаркома выделена пятерка по организации ВЧК в составе: Дзержинского, Ксенофонтова, Ильина, Петерса и Яковлева... На организационном совещании избран первым заместителем председателя".

Для многих историков публикация подобного документа должна была стать чем-то вроде бомбы, разорвавшейся если не под собственным столом, то, по крайней мере, неподалеку. Яковлев — заместитель Дзержинского? Один из организаторов ВЧК? Подобное не снилось ни Быкову, ни Касвинову — если в 1926 году об этом не знали историки, то уж что говорить пятьдесят лет спустя. А не врет ли, грубо говоря, Яковлев? Не приписывает ли себе чужие заслуги?

Нет. И истинности его утверждений может убедиться каждый, кто возьмет в руки книгу "В.И.Ленин и ВЧК", изданную в 1987 году. Там автор этих строк нашел упоминание о Яковлеве, почему-то долгое время ускользавшее от внимания исследователей. На странице 23 приводится выписка "Из протокола номер 21 заседания СНК 7 (20) декабря 1917 г. Председательствует В.И.Ленин". Объявлен и список с указанием "состав (еще неполный)" комиссии по борьбе с саботажем. В списке Яковлева нет. Но на следующей странице есть примечание — "8 (21) декабря 1917 г. в состав ВЧК были введены В.Р.Менжинский, К.А.Яковлев, А.П.Смирнов". (Комиссия после организации была названа так: Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности). Члены комиссии, упомянутые в списке, стали называться Коллегией ВЧК.

Почему же исследователи не обратили раньше внимания хотя бы на то, кто же таков человек, вместе с Менжинским (он руководил ОГПУ после смерти Дзержинского) введенный в состав ВЧК? Может быть, дело в том, что вместо привычных нам сейчас инициалов В.В. там стоят инициалы К.А.? Но давайте вспомним, откуда мы знаем и эти инициалы — ведь таковые обозначают подлинные имя и отчество: Константин Алексеевич, К.А.Мячин — вот как при рождении нарекли нашего героя, а Василий Васильевич Яковлев, равно как и Константин Стоянович, — его партийные клички.

Но все же, почему мы так мало знаем о чекистской деятельности Яковлева? Да потому, что он не сидел в Москве — отправляется

военным комиссаром на Урал, из Уфы привозит в Питер 40 вагонов хлеба, отбиваясь по пути от всевозможных претендентов на дефицитное продовольствие. Почти сразу же — формирование эшелона со снаряжением для отрядов, посланных против Дутова. Затем перевоз 25 миллионов рублей в Уфу. И после этого — "Вызов тов. Свердлова в Москву. Поручение Совнаркома и ВЦИК перевезти Романовых из Тобольска в Екатеринбург" (цитата из письма Яковлева боевикам-подпольщикам).

Как дальше сложилась судьба человека? После побега из Омска он очутился в Китае, где работал с агентурой Коминтерна и был в числе тех, кто организовывал китайскую компартию. Значит, связи с Москвой не только не прервал, но даже и расширил, при этом пользовался абсолютным доверием. В 1928 году возвращается домой, тут же попадает в тюрьму, получает "десятку", проходит Соловки и Беломорканал, в 1933-м... освобождается со снятием судимости! Снова работает в НКВД, в 1938 году попадает под топор начавшихся репрессий уже в самих органах и погибает. На сей раз уж точно — советские палачи не чета колчаковским, из их рук не уйти.

Похоже, что враги все-таки добрались до Яковлева. Враги? Да, он неоднократно поминал их, даже в письме Сталину и Менжинскому, "ни на минуту не забывая о своих личных могущественных врагах...". Кто были те люди, которых опасался (если не боялся) храбрейший боевик? Они находились где-то вверху. Может, одним из них являлся сам Менжинский. Такой вывод можно сделать из простейшего расчета.

Судите сами. Авантюрные приключения (в том числе и побег из колчаковского застенка) не ослабили доверия к Яковлеву. Все при Дзержинском. В 1926 году "железный Феликс" уходит в мир иной, его место занимает Менжинский, а уже в 1928 году Яковлеву разрешают вернуться в СССР и тут же отправляют за решетку. В 1933 году Менжинский еще жив (он умрет через год), но очень болен, за него все вершит сравнительно молодой Г.Ягода. Яковлева тут же выпускают, снимают судимость, дают право работать в органах НКВД. 1938 год — Ягода гибнет в одном из процессов оппозиции, в этом же году уничтожают и Яковлева. Видимо, в судьбе последнего отразилась вся та борьба, что шла в карательных органах, все те "приливы" и "отливы", уносившие с собой наиболее проверенные и честные кадры.

Итак, справедливость восторжествовала? Мы разобрались с прошлым человека, сыгравшего такую важную роль в судьбе царской

семьи, выяснили, что стояло за теми или иными его поступками. Казалось бы — все! Но темная пелена клеветы, окружавшая фигуру отчаянного боевика, не хочет отступать. Нет-нет да появляются публикации, написанные так, словно авторы их не знают новых исследований, никогда не читали работы уральских (и не только) историков, интересовавшихся личностью и судьбой Яковлева.

В самый разгар "романовских дней" 1993 года автор этих строк был в Омске. И в "Вечернем Омске" прочитал статью директора местного музея П.Вибе. Речь шла о пребывании Романовых в Сибири. Автор не обошел вниманием и Николая II, вспомнив, что Яковлев довез его почти до самого Омска.

...Зачем вез сюда? Ясно зачем — освободить царя с царицей, спасти их от гнева народа.

Все это излагается просто и доходчиво. Дескать, был такой нехороший человек, имевший одну коварную мысль. И только благодаря общей бдительности не удалось ему совершить задуманное. Что скажешь на это? Только одно: надо читать не одни лишь книги, вышедшие 20—30 лет назад, но и самые последние работы по "романовской" теме. Честное слово, человеку, занимающемуся историей, это не вредит. Как не вредит и журналистам.

Последнее вот почему. Ясно, что подобная тематика не могла не коснуться зарубежья. И журнал "Эхо планеты" (номер 21, май 1993 года) опубликовал статью А.Варламова о японской разведке. А в ней такая "сенсация":

"Главный штаб сухопутных войск, разведотдел которого координировал шпионскую деятельность против нашей страны, планировал даже освободить из заточения императорскую семью. В действие была запущена мощная машина сбора информации, подкупа и подготовки совместно с союзниками целого десанта в Россию. Одной из главных действующих фигур в сложной комбинации, задуманной в Токио, был майор разведки Тиканоси Куроки, который выступал в роли связного между атаманом Семеновым и японским командованием, а также координировал действия с американцами, которые тоже загорелись идеей освобождения царя. Был в этой темной истории и русский агент — некий Василий Яковлев. Его задача заключалась в том, чтобы перехватить поезд с императорской семьей на пути в Екатеринбург и отогнать к японцам. Однако, судя по воспоминаниям бывших сотрудников военной разведки, лихой операции с

неожиданным вывозом Романовых из-под носа чекистов помешала несогласованность действий союзников по подготовке десанта и непомерная жадность некоторых белых офицеров, в результате чего время было упущено".

Вот такой отрывок из статьи, касающийся попыток спасти Романовых... японской разведкой. Насколько правдиво все это, сообщенное российскому журналисту? Ладно, допустим, что японцы хотели спасти царя — в период первой мировой войны отношения между странами были хорошими. Япония даже продавала России оружие — в первую очередь винтовки и патроны. Но говорить о десанте? В первой половине 1918 года? Каким образом войска союзников попали бы к Тобольску или Екатеринбургу? Десант-то подразумевает появление вооруженных лиц. И тут же утверждение, что упомянутый в статье Василий Яковлев был агентом и "его задача... перехватить поезд". Еще один Яковлев? Нет, это было бы слишком неправдоподобно. Значит, речь идет о том человеке, который нас интересует.

Яковлев был японским агентом? Такое обвинение, кажется, еще не выдвигалось против него. Германским, английским, а теперь еще и японским? Не слишком ли много для одного человека — пламенного революционера, боевика, организатора "эксов", приносивших деньги партии. Для непосредственного участника Великой Октябрьской революции... Концы с концами не сходятся. И возникает вопрос: а почему вообще зашла речь не о победах, а неудаче японской разведки? Более того, именно в середине 1993 года, "романовского года". Есть в этом совпадении что-то не случайное, а заранее предопределенное.

Процитированная нами часть статьи о японском шпионаже явно призвана бросить тень на Яковлева. Не попытка ли это рассчитаться с ним за работу в Китае, за участие в создании китайской компартии — словом, за удачливость, ведь был там арестован, да ушел? Может быть, кому-то это не простили, кого-то наказали. И вот, спустя три четверти века, мстят более удачливому сопернику? Может быть такое? Или иное: действительно в наших краях работала японская агентура — этого нельзя исключить, — хорошо знавшая ситуацию с поездкой Яковлева за царем. Что помешало бы ей приписать себе вмешательство в организацию рейса, выдать изменение маршрута за собственную инициативу, увы, потерпевшую фиаско. Разумеется, под

все нужны были деньги, деньги немалые. Их и потратили, а соответствующий документ отослали в Токио.

Нет, это невозможно, скажет иной. Ведь в японской разведке служили специалисты своего дела, люди, преданные государству и императору-микадо, и, безусловно, честные — в своем понимании долга. На обмане не удалось бы построить могущественную разведывательную сеть, охватившую весь мир. Те, кто плел эту сеть, могли обманывать кого угодно, но не самих себя, не свое руководство.

Тогда вот вариант. Японцев на Урале или в Западной Сибири не было. Но здесь находилась их агентура из числа лиц, настроенных явно антиреволюционно. Не принадлежал ли к ней таинственный Соловьев, зять Распутина, о котором столько нелестного рассказал нам следователь Соколов? Таинственный, ибо до сих пор его роль в окружении царской семьи так и не исследована до конца.

Соколов пытался сделать это. Вот какие слова Боткиной он приводит в своей книге: "Соловьев действовал определенно с целью погубить Их Величеств и для этого занял очень важный пункт Тюмень, фильтруя всех приезжавших и давая директивы в Петроград и Москву... Всех стремившихся проникнуть к Их Величествам Соловьев задерживал в Тюмени, пропуская в Тобольск или на одну ночь, или совершенно неспособных к подпольной работе людей. В случае неповиновения ему он выдавал офицеров совдепам, с которыми был в хороших отношениях...".

Не могло ли это лицо представлять в Тюмени японскую разведку? На какие-то деньги нужно было жить, взять на себя обязанности фильтровать едущих к царской семье. Никто же его не уполномочивал делать это. Никто? А может, это и был главный пункт надзора за царской семьей, учрежденный японцами?

Кто читал книгу Соколова, тот не мог не заметить, что именно Соловьев остался для него загадкой — человек, который "разъезжал по свободной от большевиков территории от Симбирска до Владивостока", у которого во Владивостоке военные власти нашли два кредитных письма на английском языке, в которых Русско-Азиатскому банку предлагалось заплатить ему 15 тысяч, а жене — 5 тысяч. Найдены и четыре книги — "Секретная разведка Штаба Приамурского Военного округа во владениях Китая и Японии". Случайность?

Думается, что все эти предположения имеют под собой какую-то почву. Известно, например, что в самом Тобольске Соловьев появил-

ся сразу после увоза оттуда царя. Так что этот авантюрист мог воспользоваться неоднозначной ситуацией, возникшей после поворота яковлевского эшелона на Омск, выдать все это за свою инициативу. И не забудем слова японца о непомерной жадности некоторых белых офицеров. Именно Соловьев ссорился из-за денег со священником, вхожим в круг лиц, близких к Романовым, о Соловьеве его жена писала: "Он рассуждает так: его деньги есть его, а мои тоже его". Соколов указывал, что "иногда у него не бывало денег, иногда он откуда-то доставал их и сорил ими".

Вот такой человек, пожалуй, мог являться если не резидентом, то, по крайней мере, важным агентом чьей-то разведки. Следователь Соколов считает, что немецкой. А если японской? Та была дальше от Тюмени, чем немецкая, имела меньше информаторов, следовательно, ее скорее можно было обмануть, выдав себя за инспиратора непонятных для многих поступков Яковлева. Кстати, уральцы были уверены, что царя увозят во Владивосток, ведь телеграмма Белобородова пошла и дальше Омска — в Новониколаевск (нынешний Новосибирск), например.

И остались, может быть, в токийском архиве донесения из Тюмени. Три четверти века спустя незадачливому журналисту из "Эха планеты" предоставили кем-то здорово препарированный материал, якобы обличающий Яковлева, а журналист, не разобравшись, передал все это в журнал. И очередная "утка", очерняющая героя революции, вновь появилась на страницах российского издания. Интересно, кончится ли это когда-нибудь?

ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

Начинающаяся гражданская война вновь поставила на повестку дня надобность в людях решительных, самостоятельных, способных действовать без указаний и притом действовать правильно. Не успел В.Яковлев приехать в знакомую ему еще по подполью Уфу, как мятеж Дутова выявил слабость первых отрядов, посланных на его подавление. Нужно было оружие, другое воинское снаряжение.

Кого послать в Петроград? Вопроса проще не было — конечно же Яковлева. Это ведь он в качестве комиссара ВРК занимал центральную телефонную станцию, что явилось одним из кульминационных событий Октября (кстати сказать, событие это получило отражение и в кино, и в литературе, но, разумеется, без имени Яковлева). Потом участвовал в разгоне Учредительного собрания, вошел в первый состав коллегии ВЧК. Знал лично всех вождей революции, включая В.Ленина. Если кто и мог достать оружие, то только он.

Но не с пустыми же руками ехать в Питер, уже попавший в объятия голода. В Уфе формируется состав из сорока вагонов хлеба. После сдачи продовольствия (а его привезли, отбиваясь от банд) Яковлев успешно решает проблему вооружения уфимских частей — как писал сам: "я добился нескольких пушек, большего количества ружей, три броневика...". Неплохо, да еще у Менжинского, заведовавшего в ту минуту финансами, удалось получить пять миллионов рублей "на формирование Уфимской армии". На обратном пути заехал в Москву, зашел во ВЦИК к председателю Я.Свердлову.

Тот обрадовался старому знакомому — еще по дореволюционному подполью. Попросил его не уезжать и после заседания буквально огорошил сообщением: "Совет Народных Комиссаров постановил вывезти Романовых из Тобольска пока на Урал". Само собой разумеется, что Яковлев для этого и был задержан. "Исполню в точности, товарищ Свердлов, — ответил я. — Какие будут мои полномочия?"

Вот тут-то Свердлов и обрисовал всю ситуацию, сложившуюся в Тобольске. Уточнив, что Яковлев посылается "с правами до расстрела, кто не исполнит твоих распоряжений", он, вероятно, и имел в виду, что к нечто подобному и придется прибегнуть. Во-первых, Яковлев и до революции был известен как человек, не боявшийся крови. Во-вторых, привез 40 вагонов с боями, и первый вопрос при

встрече был таков: "Ну что, Антон, много народа перестрелял?" Еще раз — первый вопрос...

Это не случайное совпадение. Председатель ВЦИКа говорил о сложном узле, завязанном в Тобольске. "Уральцы... потерпели поражение", "Екатеринбургский Совет отозвал туда свой отряд и хотел увезти Романовых — ничего не вышло, охрана не дала". Ничего не вышло и у омичей. Свердлов указал и на численность противостоящих сторон. "Уральские отряды — приблизительно около 2000. Охрана около 250 человек. Там такая каша, надо скорее ее расхлебывать". Правда, есть и зацепка — в Москву приехал представитель охраны Матвеев, "жаловался на положение, на безденежье, на враждебное к ним отношение некоторых отрядов". Матвеева предупредили, что царя надо будет увозить и что ВЦИК направит туда специального комиссара.

Вот исходя из этого и ставился вопрос о полномочиях Яковлева. Уральскому Совету сам Свердлов собирался сообщить о его миссии, в Омский Совет — дать письмо, которое следует отправить с курьером, в Тобольск предварительно пойдет телеграмма, а позже следует всем предъявить мандат. "С солдатами охраны надо рассчитаться. А деньги у тебя есть?" — "Пять миллионов". — "Хорошо, — продолжал Свердлов, — возьмешь с собой сколько нужно".

Старым подпольщикам не нужно было напоминать о конспирации, но Свердлов это сделал. "Во всех твоих действиях — строжайшая конспирация. По всем вопросам, касающимся перевозок, обращайся исключительно ко мне. Вызывай по прямому проводу: Москва, Кремль, Свердлов. Но не раньше 12 часов ночи по-московски".

Надо было подумать и о транспорте. Сначала решили, что нарком путей сообщения В.Невский даст специальный поезд. Но ведь у Яковлева есть свой состав, с которым он должен вернуться в Уфу. Вот там-то и нужны будут классные вагоны, для чего следует дать телеграмму в Уфу. Нужно и оповещение по всей линии — от Уфы до Тюмени — о прохождении состава, который как можно скорее нужно пропустить к месту назначения.

На следующий день Яковлев снова пришел к Свердлову, причем "все формальности заняли не более 15 минут". На руках у чрезвычайного комиссара оказался мандат за подписями Ленина и Свердлова. Вспомните, что за время было, и вы поймете — с таким мандатом человек становился хозяином положения.

Еще и еще раз хочется вернуться к последним словам разговора в кабинете председателя ВЦИКа.

"Груз должен быть доставлен живым?

Товарищ Свердлов взял мою руку, крепко пожал ее и резко отчеканил:

— Живым. Надеюсь, выполнишь инструкции в точности. Все нужные телеграммы уже отправлены. Действуй конспиративно. Ну, прощай".

Запомним все это, если хотим объективно разобраться в действиях Яковлева.

В Уфе Яковлев сдал оружие и начал подбирать людей — "не только красноармейцам, даже своим помощникам я не говорил ни о месте, ни о цели поездки. Я только ставил вопрос: согласен такой-то товарищ ехать со мной в экспедицию, не задавая мне никаких вопросов — куда, зачем и почему. Предупреждал, что в пути возможны большие опасности. Возможно, многие назад не вернутся. Словом, никакой гарантии за полное сохранение жизни не давал никому".

Отряд удалось собрать быстро, в первую очередь из-за того, что костяк его составили бывшие боевики-подпольщики, во главе с Яковлевым нападавшие на транспорты с деньгами еще в царское время. "Я решил взять с собой не больше 100 человек хорошо вооруженных боевиков и 15 кавалеристов". Еще раз уточним, что они из Уфы и Симского завода.

В Екатеринбурге, прямо на вокзале, произошла встреча В.Яковлева с уральским облвоенкомом Ф.Голощекиным и заместителем председателя исполкома Уралсовета Б.Дидковским. Задушевного разговора не получилось. Уральцы явно переживали свое поражение — ведь "екатеринбургские комиссары пытались войти в соглашение с охраной Романовых о переводе последних в местную тобольскую тюрьму. Однако охрана категорически отказалась исполнить просьбу Уральского и Тобольского Советов". Так что дело выглядело гораздо хуже, чем представлялось в Москве. И не понятно, как расположены силы — ну, охрана вокруг царя. Вокруг охраны — отряды, желающие заполучить монарха с семьей, но не имеющие достаточной силы. А вокруг Тобольска — местные жители, которым совсем не нравятся наезжающие сюда отряды. Самый последний из них, прибывший из Омска, в пути имел стычки с крестьянами.

Очень уж хотелось уральцам самим заполучить императорскую семью, но было ясно — с их силами ничего не получится. Да и мандат у Яковлева не оставлял никаких сомнений — все отдано в руки представителя Центра. Как быть? И для своеобразного контроля посылают своего представителя. Им стал А.Авдеев. Ну ладно, что уж поделаешь. Авдеева немедленно впустили в вагон, и, простояв всего лишь полчаса, поезд ушел на Тюмень.

В Тюмени стали немедленно готовить 20 подвод, часть кавалеристов тут же отправились в важнейшие пункты на дороге в Тобольск, прибывшие с Яковлевым телеграфисты "оседлали" линию, протянутую в этот город (с самим комиссаром остался телеграфист Галкин, отвечавший за связь). Когда на следующий день Яковлев двинулся всего с 25 боевиками в Тобольск, то он знал, что по телеграфу не пройдет ненужное сообщение, что в каждой деревне готова смена в 20 подвод (дальше в своих воспоминаниях Яковлев пишет о тарантасах — вероятно, чтобы указать — им предоставлялось все лучшее, что могли бы найти крестьяне).

Дело в том, что опытнейший подпольщик, конспиратор, много лет проживший за границей, хорошо понял причину вражды к предыдущим отрядам. Они врывались в села, ни за что не платили, конфисковывали лошадей, повозки. Не удивительно — "опыт пришедших в Тобольск уральских и омских отрядов, которые крестьяне зачастую встречали огнем, не давали продуктов, не говоря уже о лошадях, я должен был учесть". Всем бойцам запретили брать что-либо без оплаты — "ни единого продукта, ни единой вещи". А об ямщиках и говорить нечего — рецепт был известен еще со времен князя Игоря — "никогда не отказывать им в чаевых на водку".

И машина закрутилась, точнее — колеса телег. "Стоило нам показаться на селе, уже 20 тарантасов стояли и ожидали нашего приезда". Действительно, как не ждать в богатых селах, где и продукты, и лошади были в достатке, но очень туго было со спросом и с наличностью, а тут едет комиссия и за все платит. Причем новенькими романовскими деньгами. Платит, особо не торгуясь, но и не разбрасываясь деньгами, да еще дает ямщикам на водку. Стоит напомнить, что Яковлев взял с собой 200 тысяч рублей — деньги даже в глуши обладали страшной силой, да еще и Свердлов напоминал, что солдатам не выплачено жалованье.

Солдаты и встретили на полпути к Тобольску — им ведь телеграфировали, когда Яковлев выезжает. Они подробно рассказали, что не выполняют ничьих требований о выдаче охраняемой ими семьи Романовых, и Яковлев тут же согласился — да, они правы, ведь только он послан правительством, а остальные все пытались сделать на свой страх и риск, без разрешения Центра. То, что представитель Москвы приехал с несколькими десятками солдат, их обрадовало — не наказывать едет. Жаловались и на безденежье — тут Яковлев отмалчивался, держась с осторожностью — ведь тот факт, что он может оплатить все, был наиболее выигрышным в будущих разговорах с охраной.

В Тобольске приехавшие сразу же остановились в доме, где помещался кабинет охраны, прямо напротив губернаторского дома — месте содержания Романовых. Сразу же явились начальник охраны Кобылинский, председатель комитета Матвеев (тот, что был у Свердлова), другие офицеры. Договорились о встрече со всем комитетом.

Начиналось все вроде бы мирно. Руководитель омских отрядов сообщил, что получил распоряжение во всем подчиняться посланцу Москвы. Уралец, председатель Тобольского Совета Хохряков тоже был настроен мирно. Но вот представитель Уральского Совета С.Заславский...

"Не успели мы еще закончить наши формальности, Заславский с места в карьер заявил:

— Ну, товарищ Яковлев, нам надо с этим делом кончать.

— С каким? — спросил я.

— С Романовыми!

Я насторожился. Значит все слухи о том, что есть отдельные попытки покончить на месте с Николаем II, имеют под собой почву!

— Товарищ Заславский, я имею определенные инструкции нашего правительства и приму все меры, чтобы их выполнить в точности.

— Ничего у вас, товарищ Яковлев, не выйдет, вам не выдадут Романовых. Мы уже пытались это сделать. Остается единственное средство: воспользоваться вашими полномочиями и силой напасть на охрану, разоружить ее. Мы сконцентрировали достаточное количество сил и вполне справимся с ними...

— Товарищ Заславский, вы возглавляете уральские отряды и, помоему, совершенно неправильно толкуете полученные вами от Ураль-

ского Совета инструкции... Здесь какое-то недоразумение или какая-то личная злая воля, преследующая свои цели...

Заславский окинул меня злобным взглядом и сквозь зубы процедил:

— Да, я должен вам подчиниться. Я дам своим людям соответствующее распоряжение".

Таково начало конфликта. Начало открытого столкновения, пусть только точек зрения, но все же столкновения. Понятен и подход Заславского — столько дней мучились, ничего не получилось, а теперь все берет в свои руки приезжий человек. Ну, и точка зрения Яковлева — мне поручено и я сделаю.

Вечером собрался комитет. Его представители, в основном, повторили все, что уже от солдат знал Яковлев. И о недоверии со стороны как Тобольского Совета, так и приезжих отрядов, и о безденежье. Вот тут и сыграли роль привезенные деньги — предложив оплатить все ведомости за все время пребывания в Тобольске, Яковлев полностью подчинил себе солдат. Стало ясно, что никакого сопротивления посланцу Москвы не окажут, наоборот, помогут ему. Видно было главное — солдатам надоело сидеть в Тобольске без дела, вдали от родных мест.

Яковлев торопил всех — и себя в первую очередь. Было ясно — надо поскорее уходить из Тобольска. И политическая ситуация могла измениться, и уральцы в любую минуту могли вмешаться в уже налаживающийся процесс увоза Романовых. Тем более, что, еще не сообщив будущим "подопечным" о готовящемся отъезде, Яковлев узнал неожиданную новость. Бойцам его группы стало известно, что "один из екатеринбургских отрядов имел какое-то совещание и решил так или иначе покончить с Романовыми, и если это не удастся в Тобольске, то намечено осуществить покушение между Тобольском и Тюменью".

Яковлев тут же отыскал Заславского.

"— Поздравляю вас, Яковлев, с успехом, — обратился он ко мне с ироническим приветствием". И когда услышал, что поздравлять-то не с чем, надо сперва выполнить поручение правительства, тот не стерпел: "Дадут ли вам его увезти, вот вопрос. А кроме того, товарищ Яковлев, если его и повезете, то дорогой может что-нибудь случиться". И тут же уточнил — "Только могу сказать определенно, если повезете Романовых, то не садитесь рядом с царем".

Это была угроза из угроз, причем не какая-то отдаленная во времени, а реальная, могущая проявиться через день-два. Яковлев, не потерявший присутствия духа, вытащил мандат и заставил Заславского прочитать его — "В тарантасе с Романовыми я буду находиться самолично". И тут же уточнил, что именно отряд Заславского будет обеспечивать безопасность перевозки царя от Тобольска до Иевлево.

Сам же Яковлев по телеграфу отдал распоряжение оставленному в резерве Гузакову — прибыть в Тюмень и немедленно выступить в путь к Тобольску, разместив бойцов от Тюмени до Иевлево, на второй половине пути к железнодорожной линии. Пытался соединиться со Свердловым, но того не было, у аппарата оказался нарком по делам продовольствия П.Теодорович. Поскольку сам Яковлев убедился, что наследник болен, то становился вопрос — ждать или везти лишь царя. Все понимали, что ждать нельзя. Значит, следовало увозить хотя бы царя. На следующий день Теодорович подтвердил, что Свердлов согласен — "Возможность, что придется везти только одну главную часть багажа, предвиделась вами и товарищем Свердловым еще ранее. Он вполне одобряет ваше намерение. Вывозите главную часть".

Вокзал станции Екатеринбург-I. *Архив.*

Итак, вывозить собирались одного царя. Но Александра Федоровна решительно заявила, что никуда Николая она не отпустит. Если выразить общий смысл ее заявления (по тому, как это излагали самые разные люди), то причина была вот в чем — как бы он (Николай) ничего не подписал. Речь, вероятнее всего, шла об акте отречения от престола, который, как считала императрица, царя буквально принудили подписать. И вот теперь увозят — с какой целью? Нет, она тоже поедет с мужем, да возьмет и одну из дочерей — Марию.

И охрана удивилась решению вывозить царя любой ценой. Яковлев успокоил солдат — все делается по приказу Москвы. Если же есть какие сомнения — пожалуйста, откомандируйте в составе отряда и своих людей. Пусть убедятся, что по пути с царем ничего не случится. Так с отрядом Яковлева поехали семь человек охраны.

Ранним утром, а точнее — еще ночью (4 часа утра 26 апреля 1918 года) по улицам спящего Тобольска двинулся поезд из 15 подвод. Все было рассчитано буквально по минутам. Заранее заблокировали место переправы, чтобы никто не мог раньше уехать из города, да и догнать — после отъезда не выпускали из Тобольска еще несколько часов. Впереди помчался специальный гонец. На каждой станции, где меняли подводы, перед приездом основной группы уже устанавливали такое же количество подвод, в таком же порядке. Одна колонна становилась рядом с другой — пересадка занимала 5—10 минут. И дальше. Деньги для ямщиков готовились заранее. Все это позволяло развивать наибольшую скорость.

Главным препятствием стала не раскисшая дорога и не вздувшиеся воды Тобола, через которые пришлось переправляться дважды. Опасность вновь исходила от екатеринбуржцев, охранявших станции до Иевлево. Гузаков, уже занявший своими бойцами путь от этого села до Тюмени, вырвался вперед и перехватил по дороге Яковлева. От одного из перебежчиков стало известно о готовящемся нападении. Так как после Иевлево опасаться не приходилось, то стало ясно — в этом селе может ждать неожиданность. Ночь прошла в тревожном ожидании, не спали самые видные боевики, дежурили бойцы с ручными гранатами. Но нападения не было, и после Иевлево всю ожидавшую на станциях охрану (отряд Гузакова) забирали с собой, отчего бойцов становилось все больше и больше.

Перед Тюменью отряд встретили местные руководители, и в 8 часов 27 апреля все приехали на железнодорожную станцию, где уже ждали

приготовленные вагоны. Яковлев сразу же бросился на телеграф. Удалось вызвать самого Свердлова. Как уверяет Яковлев, "на телеграфе я пробыл около пяти часов, пока определенно не сговорился со Свердловым, который дал мне инструкцию ехать в сторону Омска".

Вот это решение во многом и определило всю дальнейшую судьбу Яковлева. Повернув на Омск, он изменил план вывоза царя, ранее согласованный в Москве и Екатеринбурге, дал повод обвинить себя в том, что хотел... увезти Николая от гнева народа, спасти его или, тем лучше, передать родственникам — то ли немцам, то ли англичанам. Читая его записки, видим, что он всячески доказывает свою правоту, понимаем его, но впечатление общее — оправдывается. Но представим себе смелого, отчаянного человека, перед которым высшая революционная власть поставила задачу вывезти царя живым и который каждую минуту сталкивается с противодействием, оказываемым не менее преданными революции людьми. Главное для них было одно — добраться до Романовых. Что последует за этим — не являлось тайной еще тогда...

Не раз и не два потом пришлось Яковлеву доказывать свою правоту, но главное — в тот момент, когда Романовы все же оказались в Екатеринбурге. "Мне начали чинить форменный допрос", — писал позже Яковлев. Сам он — это свидетельствует и Быков — держался уверенно, предъявлял телеграфные ленты, копии переговоров со Свердловым. Позже Яковлев в другом месте снова напишет, что в архивах спрятаны ленты переговоров, свидетельствующие о его правоте, о разрешении Свердлова изменить маршрут. Этому можно верить — без столь мощного документального подтверждения уральцы не выпустили бы его восвояси, причем Б.Дидковский, отвечавший за посылку в Тобольск отрядов, не справившихся с заданием, небрежно бросил — пусть, дескать, они (т. е. центр) сами с ним разберутся.

По словам же Яковлева, провожая его на вокзал, Голощекин сказал: "Ваше счастье, Яковлев, что Ленин за вас! Все ваши действия он считает правильными!" Этому тоже можно поверить — ведь Уралсовет отбил по всей железнодорожной сети телеграмму, объявляющую Яковлева вне закона за похищение царя. Не может быть, чтобы это прошло мимо внимания Ленина, подписавшего мандат.

Но Яковлев был прав, уверяя, что "уральцы действительно рассердились и, вероятно, никогда не простят мне своей собственной

оплошности". Если бы только уральцы! В чехарде попыток оправдать расстрел Романовых первой причиной — о ней говорил еще Свердлов — было возможное освобождение царской семьи заговорщиками. Где только их не видели — они таились и в самом Тобольске, и в окрестностях, и на пути к Тюмени, и в самом Екатеринбурге, таились — а никто и не видел. Те же записки, которые перехватывались в Екатеринбурге, были просто "липой" — от имени безымянного "офицера" царю писал сам... Войков. Не просто провокация, а создание предпосылок для утверждения, что Романовы собирались бежать.

Собирались — и ничего не сделали? Вот тут-то и нашлось место для Романовых в вагоне Яковлева — так вот кто пытался их увезти, Яковлев не просто был еще жив — он находился в Китае, выполнял поручения Коминтерна (надо ли еще и еще раз повторять, что это было возможно лишь при неограниченном доверии к нему со стороны партии и чекистов!), еще только собирался вернуться в страну, а Соколов в своей книге уже писал о нем как о германском шпионе. И раньше и позже Соколова имя Яковлева упоминалось во всех воспоминаниях, связанных с последней поездкой царской семьи. И что удивительно — характеристику он получил не самую плохую, вот это и убеждало наших исследователей в том, что дело нечисто.

Глянем на эти характеристики. "Он вошел, бритое лицо, улыбаясь и смущаясь, спросил, доволен ли я охраной и помещением" (из дневника Николая II). "Комиссар Яковлев шел около государя к экипажу и что-то почтительно говорил ему, часто прикладывая руку к папахе" (Т.Мельник-Боткина). "Его (Яковлева) отношение к государю было исключительно предупредительно" (камердинер Волков). Это же надо подумать — вежливое и предупредительное отношение к царю, бритое лицо, почтительные разговоры. Как расходилось подобное отношение (и поведение!) с тем, что являли иные представители новой власти. И невдомек, что по-иному и не мог действовать человек высокой культуры — внешней и внутренней, учившийся в партийной школе на Капри, кстати сказать, созданной на "его" деньги, и проживший не один год за границей.

Об этой стороне личности Яковлева говорит многое, в том числе и организация "изъятия" Романовых, обеспечение буквально фельдъегерской скорости движения, а быстрее их никто на повозках и не ездил. Даже сама психологическая подкладка необычна — революционер,

член ВЧК берет в расчет не силу, а деньги, и именно этим обеспечивает себе свободный проезд. Он же сам говорит, что "опыт пришедших в Тобольск уральских и омских отрядов, которые крестьяне зачастую встречали огнем, не давали им продуктов, не говоря уже о лошадях, я должен был учесть". Это ли не свидетельство гибкости Яковлева как политика, умение правильно, не шаблонно решать новую задачу. Ясно — даже в своей среде он мог чувствовать недоверие.

Недоверие к личности распространилось и на возложенное на Яковлева дело. Ясно, что слишком зоркие глаза не могли не увидеть то, чего и в помине не было. В первую очередь — попытки "освобождения" Романовых.

Итак, вспомним — Яковлев пробыл немалое время на телеграфе, добиваясь связи со Свердловым. От него же, как уверял, — и в это можно поверить — получил разрешение увезти царскую семью в Омск. Сразу в сторону Сибири уйти было нельзя. Поэтому поезд двинулся на Урал, но через пару станций остановился, новый паровоз подцепили с другого конца, и поезд на полном ходу проскочил Тюмень. Путь на Омск открыт, ничто, казалось, не могло задержать.

Но это только казалось. К Тюмени подтянулся отставший отряд уральцев, нашел там растерянных земляков, отставших от поезда, и начал вызывать Екатеринбург. Там всполошились — нет сообщения о выходе поезда на Урал, тогда как о прибытии Яковлева в Тюмень уже известно. Узнав об отправке состава в Омск, уральцы забили тревогу. За подписью Белобородова по всей железной дороге пошла телеграмма, в которой Яковлев объявлялся изменником революции. Этим, по сути дела, ему подписали смертный приговор.

Яковлев догадывался о случившемся. Или по подозрительной возне на минуемых им станциях, или по какой-то другой причине, но догадывался. На одной из крупных станций перед Омском — Люблинской — он остановил поезд, занял телеграф и передал в Омск, что едет туда лично. Правда, в воспоминаниях он пишет — "ничего не знал о головотяпстве уральских мудрецов". Впрочем, может быть и так —ведь он из тех боевиков, что чувствовали опасность на расстоянии.

Поехали они с Фадеевым в одном вагоне. Омский вокзал был забит вооруженными людьми. Яковлев назвал себя и сказал, что ищет председателя местного Совета Косарева. Тот пробился через толпу.

" — Антон, ты ли это? — воскликнул от удивления подошедший Косарев.

— Здорово, Владимир. Так это ты председатель Омского Совета, — узнал я, наконец, своего старого товарища, с которым мы были вместе в партийной школе у Максима Горького на Капри.

— Скажи, дружище, чего это вы так ощетинились и даже пушки выкатили на платформу? — обратился я к нему за разъяснением.

— А это против тебя, контрреволюционера, — захохотал Косарев. И тут я впервые узнал от него, что Уральский Совет объявил меня за увоз Романовых изменником революции".

Пришлось не только разъяснять все окружившим их членам Совета, но пройти на телеграф. Там Яковлев получил от Свердлова указание повернуть обратно и возвращаться в Екатеринбург. Косарев тут же послал по линии телеграмму, аннулирующую уральское заявление об "изменнике". Гузакову, оставшемуся в поезде, предписали быть в полной готовности. Яковлев вернулся назад, паровоз прицепили и без всяких осложнений утром 30 апреля уже были в Екатеринбурге.

Не случайно Свердлов так беспокоился о конспирации. Слухи о том, что везут царя, достигли города, и на вокзале поезд встретила возбужденная толпа. Нынешним монархистам, молящимся за "убиенного царя-батюшку", следовало бы поинтересоваться, как встретили приезд Романовых — главных виновников всех бедствий, обрушившихся на страну. "В воздухе стоял шум, то и дело раздавались угрожающие крики: "Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!" Вот как встретил трудовой народ привезенных из Тобольска узников.

Охрана на платформе не сдерживала народ, Яковлеву пришлось выдвинуть свои караулы, приготовить даже пулеметы (!). Стоявший во главе толпы вокзальный комиссар кричал: "Яковлев! Выводи Романовых из вагона! Я ему в рожу плюну!" Еще миг — и толпа могла смять охрану. Яковлеву пришлось крикнуть, чтобы приготовили пулеметы. Толпа отхлынула, а вокзальный комиссар продолжал кричать, что он ничего не боится, и угрожать стоявшими на платформе неподалеку трехдюймовыми орудиями, которые кто-то уже готовил к бою.

Посланнику Яковлева удалось пробиться к начальнику станции, тот по соседней линии пустил товарный состав, отрезавший толпу на платформе от пятого пути, где стоял прибывший из Омска поезд. Но люди уже лезли через буфера, и нужно было решать — что делать? Не открывать же огонь по рабочим!

Выход нашли — поезд подали назад и остановили на станции Екатеринбург-II (ныне станции Шарташ). Сюда и подъехали на двух автомобилях представители Уралсовета. Его председатель Белобородов, только что объявлявший Яковлева изменником, посмотрел на привезенных и написал... расписку — едва ли не самый примечательный (и диковинный!) документ во всем "царском деле".

Вот как он выглядит.

"Екатеринбург. 30 апреля 1918 г.

Расписка

1918 года апреля 30 дня я, нижеподписавшийся председатель президиума Уральского областного Совета раб., кр. и солд. депутатов Александр Георгиевич Белобородов, получил от комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Василия Васильевича Яковлева доставленных им из Тобольска 1 (бывшего царя Николая Александровича Романова), 2 (бывшую царицу Александру Федоровну Романову) и 3 (бывш. вел. княжну Марию Николаевну Романову) для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге.

Белобородов."

Ниже поставлена подпись еще одного принимавшего — "Дидковский".

Ну что ж, история выражается в документах не хуже, чем в поступках людей. Уславливался же Яковлев, что будет называть все "грузом", вот, значит, привез "главную часть багажа" и получил расписку. Все честь по чести.

Но вслед за этим Яковлев потребовал собрать весь Уральский Совет, чтобы официально аннулировать ту злополучную телеграмму об измене. Несколько часов шло заседание, пока, наконец, Голощекин (его Яковлев везде выделяет с положительной стороны) не примирил собравшихся с мыслью, что все нужно кончить миром. Для историков это загадка — почему же все кончилось так мирно? Трудно отвечать, не имея копий лент о переговорах с Москвой, но определенно можно сказать лишь одно — изменение маршрута (в Омск) было сделано с ведома Свердлова. Уральцы, поднявшие шум, добились возвращения царской семьи на Урал, сюда был подключен и Ленин, но сам факт согласия Свердлова оставался. Оставались и факты, свидетельствующие о том, что уральцы стремились расправиться с Романовыми, о чем Свердлова поставил в известность Яковлев.

Только в этом случае Яковлев мог написать о встрече с Белобородовым — "Наша встреча была чрезвычайно сухая. Видимо, Москва дала им хорошую головомойку — это чувствовалось по каждому шагу. Все формальности передачи Романовых председателю Уральского Совета проделаны были молча". Отсюда и замечание Голощекина — "Ваше счастье, Яковлев, что Ленин за вас", и комментарий Яковлева — "от ярости уральцев меня спасло только имя Ленина". Ясно, что Ленин был в курсе происходившего. Уральцам, скорее всего, об этом сказал Свердлов, но такой факт ничего не меняет.

Еще одно подтверждение этому — окончание всей истории. Яковлев вернулся в Уфу, откуда был немедленно вызван в Москву. Там отчитался перед Свердловым, предъявил расписку и вернул мандат. Совнарком признал все его действия правильными и тут же назначил командующим Самаро-Златоустовским фронтом. Ясно, что, будь хоть капля какого-то сомнения, никакого назначения не состоялось бы... Тем более, что без малого через пару недель сам Свердлов, выступая на заседании ВЦИК по вопросу о Романовых, заявил: "Нами был отправлен отсюда специальный комиссар со специальным отрядом для приведения в исполнение нашего решения, и приблизительно недели полторы назад это решение было приведено к исполнению. Николай Романов ныне находится в Екатеринбурге вместе с женой и одной из дочерей".

Не сумев справиться с Яковлевым, уральцы сорвали злость на тех, за кого не могли заступиться ни Ленин, ни Свердлов. Сначала — на выехавших вместе с Романовыми придворных. Их было не очень много — основную часть вывозимых из Тобольска составляли слуги — Чемодуров, Трупп, Иван Седнев, Демидова и другие. Был здесь и Боткин. Но много или мало — а придворные были. Их сразу же отправили в тюрьму. В поезде находились и семь человек из той охраны, которая ранее не давала никому подступиться к Романовым. Гнев пал и на них — солдат тут же разоружили. Но, судя по воспоминаниям, оставили в живых, в отличие от сопровождавших.

Два автомобиля тронулись от станции Екатеринбург-II. В передней рядом с шофером П.Самохваловым сел Б.Дидковский, на заднем сиденье — царь, царица и Мария. Во второй машине, как бы подстраховывавшей первую, находились шофер С.Загоруйко, рядом с ним Ф.Голощекин, сзади — А.Белобородов и А.Авдеев. Машины помчались к Ипатьевскому дому.

ДОМ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Во всей истории расстрела царской семьи есть один молчаливый свидетель, позже тоже уничтоженный. Это Дом особого назначения — мы уже говорили о нем. Речь шла о его последних часах, а стоит сказать и о том, как начался его "звездный час".

И здесь снова встает подтверждение важного тезиса — нет, заранее Екатеринбург не готовился к приему царственных арестантов. Судя по всему, миссия Хохрякова не просчитывалась как прямая возможность вывоза царя на Урал со всеми последствиями. И последующего заключения, подготовки охраны.

Готовить Дом особого назначения начали лишь тогда, когда царская семья была уже на колесах, после того, как Яковлев из Тюмени повернул поезд не на Екатеринбург, а на Омск. Случилось это в 5 часов утра 28 апреля, в 10 часов все на Урале знали о случившемся, в полдень приняли решение о месте заключения царской семьи. Был вызван в Совет горный инженер Н.Ипатьев, которому в 24 часа приказано было освободить дом, оставив в нем лишь необходимые вещи, все личное имущество сложив в кладовой, которую при нем же и опечатали. Ушел Ипатьев из дома в 3 часа дня 29 апреля.

Во всей литературе подчеркивается, что выбирали дом по принципу пригодности для охраны, обособленности от других зданий. Но называлась иная кандидатура, а Ипатьевский дом был просто хорошо знаком многим членам Совета. Уверен, что большинство из них не раз бывали здесь, пользуясь гостеприимством того, кто, по выражению М.Касвинова, "разбогател на горных промыслах, на казенных подрядах". Все это частично верно, не говорится лишь о главном — Ипатьев являлся известнейшим на Урале общественным деятелем, кадетом. Из всех действующих лиц екатеринбургской драмы он не знал лишь царскую семью и сопровождающих ее. С остальными не просто знаком лично, с ними работал, вот почему и можем утверждать, что в его доме бывали те, кто решал судьбу узников.

Судите сами: сразу же после свержения самодержавия в Екатеринбурге создали комитет общественной безопасности. В него вошли представители всех партий, всех основных политических движений города. В КОБе (так сокращенно назывался комитет) председательствовал Л.Кроль, лидер кадетов города. Он являлся управляющим электростанцией "Луч", в числе рабочих которой можно было встретить и эсеров, и большевиков. Царские власти преследовали Кро-

Ипатьевский дом. *Фото В.Ветлугина.*

ля за резкую критику существующего строя, не раз высылали его. Для многих нынче это звучит удивительно, ведь, по общепринятым канонам, кадеты были слугами самодержавия.

Исполнительную секцию (т.е. по-нынешнему исполком) возглавил эсер А.Кощеев. Разные должности заняли анархист П.Жебелев, большевик А.Воробьев, кадеты А.Ардашев, Н.Ипатьев, большевики А.Парамонов, С.Мрачковский. В митинговую комиссию (была и такая) вошли большевики — прапорщик П.Быков, военфельдшер Я.Юровский. Имена — как на подбор, лучшего сочетания не придумаешь!

Работая вместе, встречаясь каждый день, они, конечно же, не могли не поддерживать контактов. И без сомнения, если не все, то добрая половина бывала в Ипатьевском доме. Уж кадеты-то, друзья по партии, не могли пройти мимо. Трудно поверить, что члены КОБа и от других партий иногда не посещали дом на косогоре.

Первые дни свободы, за которую, хоть и по-разному, боролись все политические партии. Радость, послепобедная эйфория и митинги, митинги, митинги. Дошло до того, что вынесли решение — из 30 дней месяца оперный театр отдать под спектакли на 10 дней, а 20 отвести под митинги и собрания. Закончилось это быстро.

Уйдет защищать революцию с отрядом анархистов рядовой 108-го запасного полка П.Жебелев, А.Воробьев станет редактором "Уральского рабочего" и напишет интересные воспоминания о жизни царской семьи в Екатеринбурге, о том, как сообщили в Москву о расстреле! Вихрь революции сметет нотариуса А.Ардашева — двоюрод-

ного брата В.И.Ленина, в подвале дома Ипатьева история свершит свой безжалостный суд, погибнет в огне Гражданской войны И.Малышев, А.Парамонов станет председателем Свердловского окрисполкома, отсидит в сталинских лагерях, но успеет все-таки пожить на свободе после реабилитации. С.Мрачковский будет репрессирован, именем братьев Быковых названа одна из улиц Свердловска (П.Быков и написал "Последние дни Романовых"), Я.Юровский командовал расстрелом царя и сам стрелял в него и наследника.

Вот чем кончилось общее ликование по поводу обретенной свободы. Одни, свергнув царя и царизм, пытались сразу же строить новое общество, другие — развивать революцию дальше, третьи мечтали о "высшей фазе", диктатуре пролетариата. Что из этого вышло — мы знаем...

Не известно, как реагировал Ипатьев на приказ убраться из своего дома, но выполнил его беспрекословно. С момента февральской революции прошло более года, в городе хозяйничали не члены КОБа, а члены президиума Уральского Совета. Что было спорить. Да вдобавок заявлено — реквизиция временная. Забегая вперед, стоит сказать, что за пару дней до отступления красных из города ключи от опустевшего дома действительно вручили Ипатьеву.

Итак, дом изъяли (реквизировали) в три часа дня 29 апреля, когда литерный поезд номер 42 еще добирался до Омска. Похоже, окончательное решение о задержании царя приняли лишь после того, как Яковлев неожиданно повернул в Сибирь вместо того, чтобы ехать на Урал. Приняв решение о судьбе венценосной семьи, Совет одновременно и решал проблему — где же ее разместить?

Как выглядел дом? Видели его миллионы людей, но давайте доверимся описанию, оставленному одним из очевидцев событий, произведение которого ни разу не цитировалось до сих пор. Говорю о В.Матвееве, авторе книги "Золотой поезд". Кто читал книгу Н.Соколова, помнит рассказ о расшифровке телеграмм, отправленных из Екатеринбурга в ЦИК. Там приводятся тексты двух депеш, подписанных лично Белобородовым, — в обеих речь идет о "золотом поезде", вывозившем реквизированные ценности перед наступлением белочехов. Телеграммы эти появились в тексте книги не случайно — их зашифровали тем же шифром особой секретности, что и телеграммы о судьбе царя и его семьи. Вот так выяснились две проблемы, беспокоившие Уральский Совет.

Матвеева назначили комиссаром “золотого эшелона”, и всем ясно, что случайному человеку подобное не доверят. Он и не случаен в революции — “именем его отца, коммуниста, умершего в 1927 году, названы были в Перми улица и несколько культурных учреждений”, как сообщалось в предисловии к его книге. Сам он в ночь с 21 по 22 октября 1917 года принимал участие в захвате телефонной и телеграфной станции в Новом Петергофе, был в Перми комиссаром учреждений, начальником красногвардейских отрядов в Екатеринбурге — первым комиссаром эвакуированной сюда Академии Генерального штаба. Выполнив задание по вывозу с Урала ценностей, Матвеев работает в тылу белых, потом начподивом (начальником политотдела дивизии) 31-й туркменской дивизии. Едва оправившись от ранения, становится ни много ни мало, а ответственным секретарем “Известий”, позже работал в Ленинграде в издательстве художественной литературы. Ну как мог пройти мимо внимания “компетентных органов” такой человек? В 1935 году Матвеев погибает.

“Золотой поезд” хоть и художественная книга, но написанная очевидцем на фактическом материале. Вот как автор (в книге он Ребров, а Белобородов — Голованов) увидел дом Ипатьева.

“Дом инженера Ипатьева стоял на Вознесенской площади, открывая собой небольшую улочку, круто спускавшуюся к Исетскому пруду. На площади он терялся и был незаметен. Полутораэтажный особняк был обнесен свежим тесом, который не давал возможности с улицы видеть, что происходит внутри, а из особняка — что делается на улице. Часовые были расставлены на улице и внутри, за забором.

Они просмотрели пропуска. Вызвали коменданта.

Комендант вышел в рабочей блузе, с топором в руках.

— Это ты что? — спросил удивленно Голованов.

— Тополя укорачиваю. Разрослись перед самыми окнами, — ответил комендант, махнув топором на срубленные ветви.

Ребров и Голованов прошли через маленькую калитку, потом через переднюю дверь и очутились в прихожей особняка. Сразу налево от лесенки помещалась комендантская, в ней каждый день дежурили один из членов областного исполкома и комендант.

За комендантской белела еще вторая дверь. Около нее еще от инженера Ипатьева осталось стоять огромное медвежье чучело с раскрытой пастью. Чучело вдруг шевельнулось, и из дверей вышел волосатый широкий человек в просторной одежде и пошел к выходу.

— Поп.

— Зачем он здесь? — спросил Ребров коменданта.

— По праздникам служит обедню.

Голованов провел Реброва через несколько комнат, и они вошли в столовую. Вокруг обеденного стола сидели пять женщин. Это были Романовы. Они, очевидно, только что пообедали и еще не успели ничем заняться. На столе стоял остывший самовар, везде — пустые чашки. Две молодые женщины расставляли шахматы. Одна вязала. Пожилой, заросший бородой и баками, довольно толстый мужчина разгуливал взад и вперед по комнате, насвистывая марш “Преображенец”. Красное, немного одутловатое лицо его с темными мешками под глазами, было в морщинах. Гладкие, зачесанные волосы местами выцвели. В зубах торчала прямая тонкая трубка, поблескивавшая золотым кольцом по середине мундштука. В ней дымилась тонкая папироса. Серый летний штатский костюм сидел на бывшем царе непривычно, мешковато, как новый. Увидев в дверях комнаты коменданта и Голованова, царь остановился и как-то слишком поспешно зачастил:

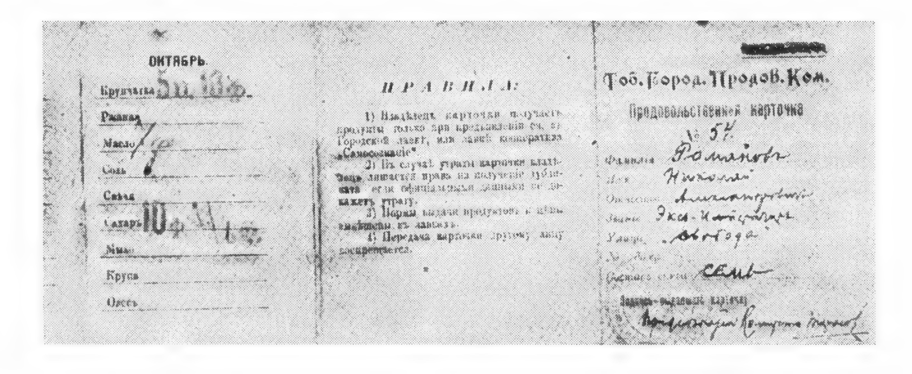
— Здравствуйте. Пожалуйста. Войдите.

Жидкие бесцветные глаза его забегали по углам комнаты с одного предмета на другой.

— Представьте, — вдруг заговорил царь, обращаясь к коменданту и Голованову, и вытащил из кармана газету: — Здесь пишут, что не ладится с железными дорогами. Я думаю, что у нас в России все-таки можно наладить транспорт.

— Что же ты не наладил? — усмехнулся комендант.

Царь сконфузился и замолчал. Жена и дочери Николая молча взглянули на вошедших. Высокая, худая, вся в темном, похожая на

ОКТЯБРЬ.

Крупчатка 5ф. 18ф.

Ржаная

Масло

Соль

Свѣча

Сахаръ 10ф

Мыло

Крупа

Овесъ

ПРАВИЛА:

1) Владѣлецъ карточки получаетъ продукты только при предъявленіи ея въ Городской лавкѣ, или лавкѣ кооператива „Самосознаніе".

2) Въ случаѣ утраты карточки владѣлецъ лишается права на получение [illegible] если официальными данными не докажетъ утрату.

3) Нормы выдачи продуктовъ и цѣны [illegible] въ лавкахъ.

4) Передача карточки другому лицу воспрещается.

[redacted]

Тоб. Город. Продов. Ком.

Продовольственная карточка

№ 54

Фамилія Романовъ

Имя Николай

Отчество Александровичъ

Званіе Экс-Императоръ

Улица Свободы

Семья [illegible]

Завѣдующій выдачей карточекъ

Председатель Комитета [illegible]

учительницу немецкого языка, царица резко поднялась, отшвырнув с колен рукоделие, и что-то сказала Николаю по-английски. Она, очевидно, просила передать какую-то просьбу Голованову.

Николай колебался. Потом, подойдя ближе, сказал:

— Нас стесняют. Не пускают в церковь. Передали не все вещи. В Тобольске мы пользовались свободой. Временное правительство...

— Не забывайте, гражданин Романов, что вы не в Тобольске и не в распоряжении Временного правительства, — сухо прервал его Голованов.

— Да, да, да, — снова затараторил царь и растерянно затеребил левый ус, — но я прошу вас только возвратить нам наши вещи...

Царица, сердито отвернувшись, вышла в свою комнату. Дочери последовали за ней. Внимание Реброва давно привлекала развернутая на столе книга. Он подошел взглянуть на нее. Книга была заложена небольшой, потрепанной картонкой, согнутой втрое. Ребров взял закладку — она оказалась тобольской продовольственной карточкой.

Тоб. город. продов. ком.
продовольственная карточка
№54
фамилия: Романов
Имя: Николай
Отчество: Александрович
Звание: экс-император
Улица: "Свобода"
№ дома...
Состав семьи: семь
Подпись выдавшего карточку...
Председатель комитета Тарасов

На обороте — пометки о выдаче продуктов и правила пользования карточкой.

Ребров, заложив карточку обратно, перелистал раскрытую книгу и в изумлении повернулся к Голованову: на столе лежал том "Дома Романовых", изданный к трехсотлетию династии.

Голованов пошел дальше по коридору, оставив в комнате растерявшегося царя. Он вывел Реброва на террасу, где торчал невидимый из-за перегородки пулемет. Все было как будто бы в порядке и не вызывало подозрений.

— Ну, что скажешь? — спросил Голованов.

— То же, что и раньше: скучно стеречь бывших царей".

Вот такая длинная-предлинная цитата. Однако художественное мастерство писателя-очевидца создало в этом отрывке обобщенную картину жизни царской семьи. Давайте еще раз посмотрим на то, что и как мы узнали о жизни узников Ипатьевского дома.

Царь — в штатском костюме, с трубкой в зубах, насвистывает марш, читает книги и газеты, растерян, пытается сориентироваться — что происходит в России, отсюда и вопрос о транспорте. Кстати, при нем-то поезда ходили...

Ответ Голованова на "ты" — "Чего же ты не наладил?"

Царица — сухая, в черном, говорит с близкими по-английски. Требует сама и требует, чтобы царь поговорил с Головановым (т.е. Белобородовым). Царица, как известно из воспоминаний, возмущалась, еще только ступив на порог Ипатьевского дома, у нее решили проверить сумочку. Претензии она высказывала не раз, чаще всего на английском или французском языках, да так, что был случай — доктор Боткин отказался переводить...

Дочери — послушны, занимались рукоделием, встали и ушли вместе с матерью.

О сыне ни слова — Алексея кормили в его комнате. Кстати, о еде — семья царя только что кончила есть, стоял самовар. Сведения в эмигрантской литературе, что царскую семью морили голодом, опровергаются и записями в дневнике царя, и показаниями, которые дали Соколову монашки, носившие еду из монастыря.

Есть еще свидетель — сам Николай II.

В своем дневнике он хорошо отзывался о еде. В его дневниках этому вопросу посвящены такие строки: "Еда была отличная и поспевала вовремя... Еда была обильная, как все это время, и поспевала в свое время...".

Охрана — надежная. Комендант на месте, обрубает ветки тополям, у входа требуют пропуска, хотя Голованова (т.е. Белобородова) явно знают. И не пускают сразу, а вызывают коменданта, который и сопровождает гостей. Упоминается о часовых — внутри и за забором, о пулемете на террасе.

Все, все здесь соответствует фактам, которые можно узнать из воспоминаний, книг Быкова, Соколова и Касвинова. Такое не выдумаешь и не спишешь — лишь личное знакомство с происходившими событиями может дать столь точную картину. Ясно, ведь пишет очевидец.

Даже такая деталь, как встреча с попом, документальна. Вопреки всем заявлениям и вчерашних, и нынешних монархистов и черносотенцев (нынешних можно бы взять в кавычки — для них это не кредо, а средство политической борьбы) о том, что царю-батюшке даже помолиться не давали, серьезные исследователи говорят об ином. Тот же Соколов приводит свидетельство из протокола допроса священника о том, как он вызывался по просьбе царской семьи совершить последование обедницы. "Он там написал, что служили какую-то обедницу", — пояснил пришедший". Обратите внимание на слово "написал" — что, царь обращался в письменном виде к Юровскому или тот записывал его просьбы?

Когда священника Сторожева ввели в дом, первым стал говорить с ним Юровский. "На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: "Они просят обедницу". Как видно, это было действительно исполнение просьбы царской семьи.

И еще раз Сторожев вел службу в Доме особого назначения. Был перед этим приглашен другой священник, но в последнюю минуту вновь явились за Сторожевым. Судя по дальнейшему, он понравился коменданту, может быть, тем, что не вел в первый приход никаких разговоров (сам Юровский стоял в углу во время обедницы). И вновь произошел такой вот разговор.

"Войдя в комнату, я сказал Юровскому: "Сюда приглашали духовенство, мы явились, что мы должны делать?" Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: "Обождите здесь, а потом будете служить обедницу". Я переспросил: "Обедню или обедницу?" "Он написал обедницу", — сказал Юровский".

Видите — и на этот раз "написал". Значит, было что-то, связанное с записями, но больше ни в одном документе, которые пришлось читать, о письменных пожеланиях царя не удалось найти ни слова.

Мы немного отвлеклись в сторону, рассматривая зафиксированный Матвеевым факт присутствия в доме священнослужителя. Но это, повторю, лишнее доказательство того, что автор "Золотого эшелона" не просто находился в те дни в Екатеринбурге, откуда увел эшелон, а и лично был в Ипатьевском доме. Может быть, и не раз — вряд ли столько ярких деталей могло запомниться с одного посещения. Ведь уже видно — все, что написано Матвеевым, является подлинной, хотя и несколько усредненной картиной того, как проходило время в Доме особого назначения.

Но наступил день, Матвеев увез поезд с золотом, платиной, драгоценными камнями. В расстреле царской семьи он не участвовал, последним прорвавшимся в Екатеринбург паровозом вернулся к тем, кто уже готовился отступать. Ему же предстояло остаться в тылу у белых.

"— Спасибо. Телеграфируйте Запрягаеву, что я уже у чехов, — сказал Ребров. — А что с Николой? — вспомнил вдруг он.

— Шестнадцатого расстреляли, а опубликовали вчера, — указал Голованов на номер "Уральского рабочего" от 23 июля".

Да, и это верно. Так что и здесь Матвеев не отходит от истины.

Мы так подробно остановились на малоизвестном читателям произведении, чтобы показать, какие еще материалы не вовлечены в исторический обиход. Подчас переписываем из статьи в статью одну и ту же цитату, ссылаемся на один и тот же материал, тогда как в нашей литературе есть еще не поднятые пласты документального материала. Документального ли? — переспросит иной читатель. Да, ведь если бы Матвеев не выводил в книге главного ее героя — Реброва, а сам бы рассказал о том, что лично видел в Ипатьевском доме — кто бы усомнился в документальности? Рассказ очевидца, ничего не поделаешь. Так что не стоит терять из виду книгу В.Матвеева "Золотой поезд", она в целом интересно рассказывает о Гражданской войне на Урале.

Определив, какой дом подойдет для заключения царской семьи, его начали приспосабливать. В первую очередь обнесли забором, да не простым, а двойным. Оба забора превышали высоту окон второго этажа. Так что увидеть, что происходит в доме, было невозможно, равно как и рассмотреть из дома происходящее на улице. Между заборами все время находилась охрана, равно как и в саду, в двух будках. Всего снаружи находилось восемь (!) постов. Внутри — два основных: у входа в верхний этаж и возле уборной. Позже, с ужесточением режима, число постов увеличили.

Охрана полностью состояла из рабочих. Правда, вначале снаружи караулили красноармейцы, внутри — рабочие завода Злоказова (19 человек, по подсчетам Н.Соколова), позже снаружи дом охранял отряд рабочих Сысертского завода — 35 человек плюс еще 21 человек из числа злоказовских рабочих. Внутренняя охрана жила прямо в доме, наружная, когда ее увеличили, переселилась в дом напротив. Это не случайно — посты были четко распределены

между группами, и никогда наружная караульная группа не дежурила внутри.

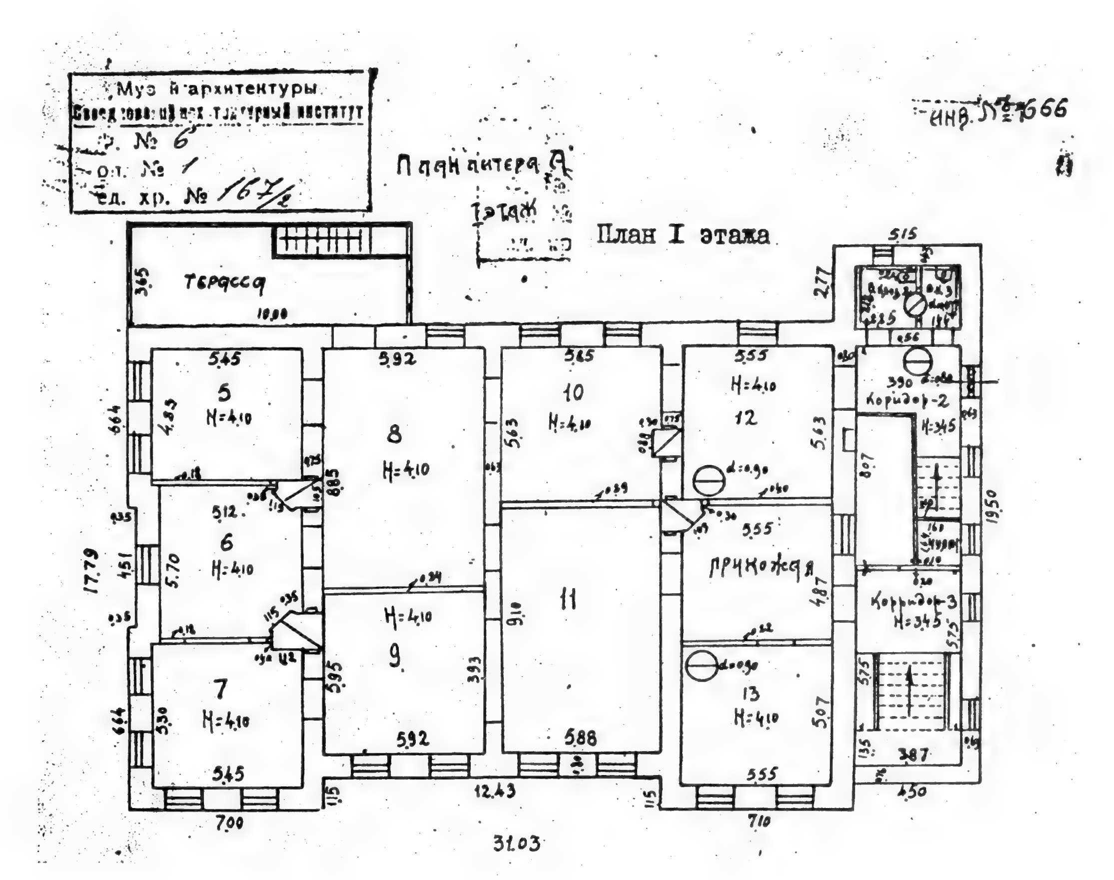
Подобное распределение имело свои плюсы — каждый из караульных знал товарищей не только в лицо, но и по голосу. Вооружение имели очень слабое — винтовки, наганы, ручные бомбы (гранаты). На террасе, обращенной к пруду, установили пулемет. И к нему было считанное число лент (да и патронов тоже). Приходилось учить прямо на "рабочих местах", то есть на посту.

"Стоят люди у пулемета, а стрелять из него не умеют... Делаем мы так: ставили к пулемету пост и тут же принимались его учить, как с этим оружием обращаться", — так позже писал сам А.Авдеев.

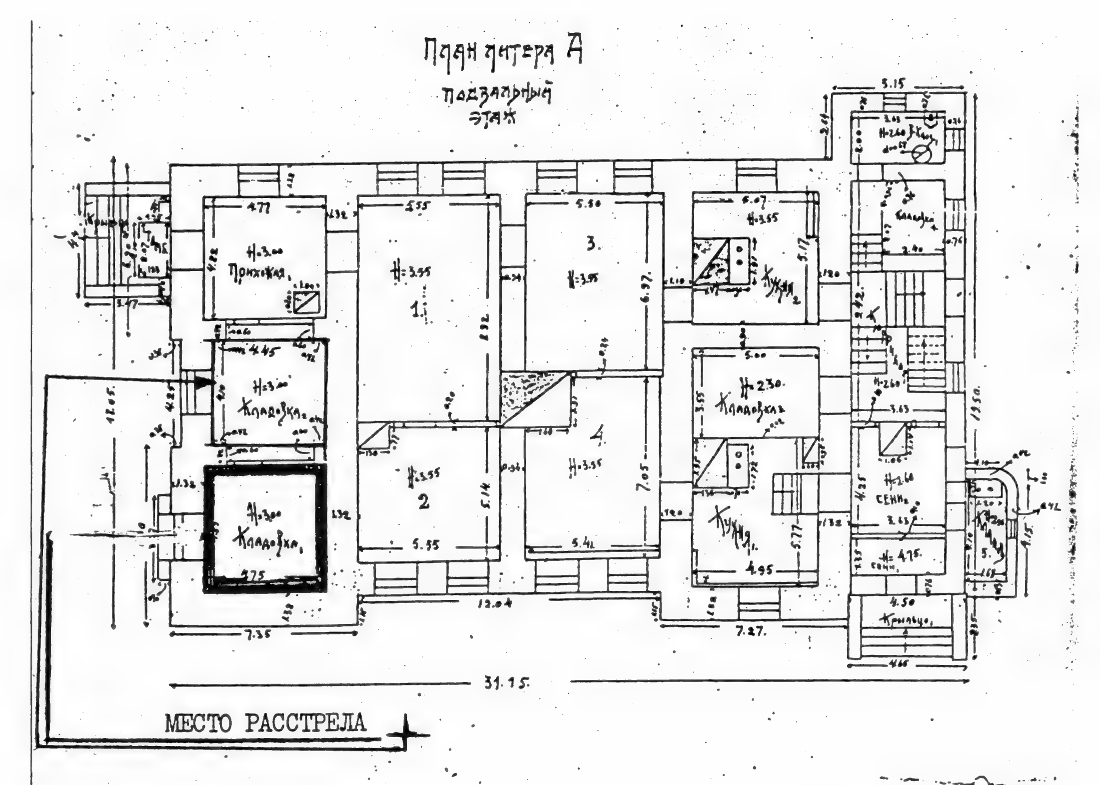
Это тот самый Авдеев, который был послан Уралсоветом вместе с отрядом Яковлева в Тобольск. Можно вспомнить и отрицательную характеристику, которую посланец ВЦИКа дал своему "контролеру". Причина вполне понятна — Авдеев выполнял волю Уралсовета, его уверенность, как надо поступить с Романовыми, расходилась с мнением Яковлева. Считается, что характеристика, данная впоследствии Авдеевым своему антагонисту, во многом определила судьбу Яковлева. И не удивительно — Авдеев все его поступки считал предательскими, "путешествие" в Омск расценивал как попытку освобождения царя. И прочее, и прочее. Заряда ненависти хватило бы не на одного Яковлева.

Их разъединяло не только отношение к царю. Вспомним биографию Яковлева — эксы, добыча денег, устройство партийных школ и учеба в них, поездки по Европе, а также весь тот внешний вид, собранность, вежливость, отличавшие его от окружающих. А окружающие и были такими, как Авдеев — комиссар фабрики Злоказова. Он руководил созданным на ней "деловым советом".

Интересно, что даже следователь Соколов, записывая рассказ рабочего той же фабрики Анатолия Якимова, отметил враждебное отношение Авдеева к Яковлеву. "На митинге же, который он тогда собирал, он нам рассказывал, что вместе с Яковлевым он ездил за Царем в Тобольск. Что это был за Яковлев, я сам не знаю. Авдеев его поносил и говорил нам, что Яковлев хотел увезти Царя из России и повез его для этого в Омск. Но они, т.е. екатеринбургские большевики, все это узнали и не допустили увоза Царя, сообщив о намерении Яковлева в Омск. Смысл его речи был именно тот, что Яковлев держал руку Царя, а он, Авдеев, вместе с больше-

Музей архитектуры
Свердловский архитектурный институт
ф. № 6
оп. № 1
ед. хр. № 167/2
План литера А
этаж
План I этажа
инв. № 1666
терасса
коридор-2
прихожая
коридор-3

План литера А
Подвальный этаж
Прихожая
Кладовка
Кладовка
Кухня
Кладовка
Кухня
Сени
Крыльцо
31.15
МЕСТО РАССТРЕЛА

виками охраняет революцию от Царя. Про Царя он тогда говорил со злобой... Из его слов можно было понять, что за эту его заслугу перед революцией, т.е. за то, что он не допустил Яковлева увезти Царя, его и назначили комендантом дома особого назначения".

Понятно, эти слова можно дезавуировать, ведь Якимов говорил это на допросах и мог кое-что подать в выгодном для себя и желательном для следователя свете. Но могло быть и так, что все являлось правдой. Вспомним, как Уралсовет требовал царя к себе, вспомним, что Авдеева, по сути дела, "приставили к Яковлеву", и мы можем поверить — его новый пост находился в прямой зависимости от поведения при перевозке царя.

Нам несколько легче разбираться в людях того времени — знаем их дальнейшие судьбы. Тот же Авдеев в начале июля 1918 года будет отстранен от занимаемого поста, как считают многие, за послабления, даваемые царской семье. Доживет до конца своих дней на скромной работе, ничем не выделяясь от окружающих. Останется в памяти историков как автор мемуаров о Николае и его семье, их вывозе из Тобольска и пребывании в Екатеринбурге. Ну, это потом, а пока что он, гордясь своей новой должностью перед товарищами по заводу, приглашает их в Дом особого назначения — "Я вас всех свожу в дом и покажу Царя".

В этом весь он — боец первого призыва. Безжалостный к врагам, бескомпромиссный, но сохранивший какую-то наивность, желание немного прихвастнуть своей властью. И, разумеется, считающий, что все получили по заслугам — не дал Яковлеву увезти царя.

А тот, которого Авдеев не дал увезти, находился в доме за двумя заборами. Именно сюда подъехали две автомашины, взявшие пассажиров на станции Екатеринбург-II. Напомним, в них были царь, царица и Мария. Позже подвезли остальных сопровождавших — Боткина, Чемодурова, лакея Ивана Седнева и горничную (комнатную девушку) Демидову. Князя В.Долгорукова тут же отправили в тюрьму. Позже туда отправили лакея Ивана Седнева и дядьку царевича Алексея — Нагорного.

При привозе "второй партии груза" — Алексея, его сестер и оставшихся возле них лиц — картина повторилась. Снова всех подвезли к дому, где вновь произвели "сортировку" — впустили царских детей, Труппа, Харитонова и маленького Седнева. Татищева, Гендрикову, Шнейдер и Волкова увезли в тюрьму.

Теперь подсчитаем все еще раз — с царской семьей остались доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп, комнатная девушка Демидова и поварский ученик Леонид Седнев, в последний день перед расстрелом уведенный из Ипатьевского дома и поэтому спасшийся. Все остальные разделили участь царя, царицы, их сына и четырех дочерей.

Расстреляли Долгорукова, Татищева, Гендрикову, Шнейдер и Нагорного. Спаслись доктор Деревенько (он жил в городе и навещал царевича, у которого был лечащим врачом), Буксгевден и Эрсберг. Сбежал из-под расстрела Волков, его (еще до падения Екатеринбурга) вместе с Гендриковой и Шнейдер вывезли в Пермь, там держали в тюрьме, а 22 августа вывели в лес, где Волков и сумел скрыться, хотя вслед ему и стреляли. Остались на свободе иностранцы — учителя Жильяр и Гиббс, они вместе с Эрсберг, Тутельберг, Зенотти, Теглевой, Волковым, Кобылинским и Биттнер участвовали в экспертизе вещей, собранных Соколовым и его предшественниками в районе Коптяков.

Итак, двери Ипатьевского дома открылись. По словам свидетеля, Голощекин произнес фразу, вошедшую в историю: "Гражданин Романов, вы можете войти". (О том, что никогда не сможет выйти, разумеется, не говорилось).

О пребывании царской семьи в Екатеринбурге написано много — от книг, ныне активно переиздаваемых в стране, до давно забытых свидетельств и воспоминаний. Поднять все это — значит, взять на себя труд писать огромное исследование на очень резко очерченную рамками тему. В наши задачи это не входило. Поэтому можно ограничиться лишь отрывками из протоколов допросов бойцов внешней и внутренней охраны, попавших в руки колчаковцев, а также воспоминаний лиц, близких к царю.

Вот как характеризуются главные лица драмы и ситуации с их участием.

Царь. "Царь по внешнему виду все время был спокоен, ежедневно с детьми выходил гулять в сад... Царь с виду был здоров и не старел, седых волос у него не было... Однажды он спросил его, "как дела, как война, куда ведут войско", на это он ему ответил, что война идет между собой, русские с русскими дерутся между собой. Никакого издевательства над Царем и его семейством не делалось и никаких оскорблений и дерзостей не допускалось" (Медведев). "Царь был уже не

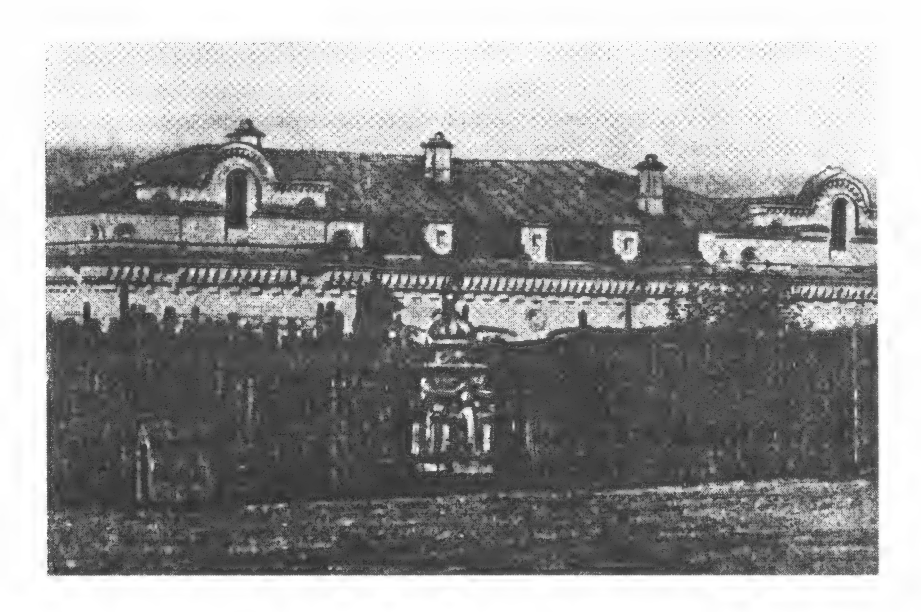
молодой... Глаза у него были хорошие, добрые... Мы, бывало, в своей компании разговаривали про них и все мы думали, что Николай Александрович простой человек, а она не простая и, как есть, похожа на Царицу. На вид она была старше его. У нее в висках была заметна седина, лицо у нее было уже женщины не молодой, а старой. Он перед ней означался моложе" (Якимов). "Нельзя было сказать, что он арестованный, так непринужденно весело он себя держал... Доктор Боткин говорил, что Николай Александрович вообще никогда не был таким полным" (Авдеев).

Царица. "Супруга царя начинала седеть и была худощава... Супруга Царя в сад не выходила, а выходила лишь на парадное крыльцо к тыну, окружавшему дом, а иногда сидела возле сына, который обычно сидел в коляске" (Медведев). "Царица была, как по ней заметно было, совсем на него (Царя — *Э.Я.*) непохожая. Взгляд у нее был строгий, фигура и манера ее были, как у женщины гордой, важной" (Якимов).

Дети. "Сын Алексей ходить не мог, у него болела нога, и его выносили в сад на руках, выносил его на руках всегда сам Царь, который вообще всегда сам ходил за ним" (Медведев). "Такая же, видать, как Царица, была Татьяна. У нее вид был такой же строгий и важный, как у матери. А остальные дочери Ольга, Мария и Анастасия важности никакой не имели. Заметно по ним было, что они очень простые и добрые" (Якимов). "Дочери учатся у Харитонова готовить и по вечерам месят муку, а по утрам пекут и хлеб" (сам Николай).

Жизнь. "Вставали они утром часов в 8—9. У них была общая молитва. Они все собирались в одну комнату и пели там молитвы. Обед у них был в 3 часа дня. Все они обедали вместе в одной комнате, т.е. я хочу сказать, что вместе с ними обедали и прислуга, которая была при них. В 9 часов вечера у них был ужин, чай, а потом ложились спать... Государь читал, Государыня также читала или вместе с дочерями вышивала что-нибудь или вязала... Гуляли они в день часа полтора" (Проскуряков).

Еда. "Пищу для царской семьи первое время носили из советской столовой, находившейся на Главном проспекте; пищу эту носили из столовой женщины и девушки, от коих принимал караул у парадного крыльца, в дом они не входили... На пищу приносили суп, котлеты, белый хлеб, мясо и молоко. Потом разрешено было варить пищу повару их, который и приготовлял пищу" (Медведев). "Утром вся

семья пила чай — к чаю подавался черный хлеб, оставшийся после вчерашнего дня, часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного совета рабочих депутатов; обед состоял из супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты" (Чемодуров). "Тут матушка Августина приказала нам с послушницей Марией идти в дом Ипатьева и нести туда четверть с молоком. Мы ее отнесли. Было это 5 июня по старому стилю. Потом мы так и стали носить разную провизию царской семье. Носили яйца по два десятка, сливки, сливочное масло, иногда мясо, колбасу, редис, огурцы, ботвинью, разные печенья (пироги, ватрушки, сухари), орехи. Как-то сам Авдеев сказал нам, что Император нуждается в табаке. Так и сказал тогда — "Император". Мы и табаку достали и носили"... (послушница Антонина).

Абзац, посвященный еде, самый большой из описывающих жизнь царской семьи в доме Ипатьева. Это не случайно: каковы ни были бы условия содержания заключенного (арестованного, интернированного — как хотите), но еда, ее качество и объем всегда говорят о строгости или гуманности режима. Конечно, полная разруха еще не наступила, но вряд ли тогда дело с питанием на Урале обстояло лучше, чем до начала мировой войны и революции. А подишь ты —

мясной суп, жаркое, котлеты, не говоря уже о приношениях из монастыря — ведь даже не верится, что было такое изобилие в нашем краю. И все это ответ на заявления о том, что царя и всю семью морили голодом, ограничивали в еде.

Конечно, ограничения были. Резко сократили время пребывания на открытом воздухе, не дали возможности Николаю заниматься любимым делом — пилкой дров. Вероятно, мешало и обыкновенное человеческое любопытство, ведь записал же Николай в дневнике: “Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас... Какая-то старуха, а затем мальчик лезли к забору, смотрели на нас через щель; их всячески отгоняли, но все при этом смеялись...”.

Хоть это и подлинная запись Николая, думается, что не все было безоблачно. Когда после отступления красных провели осмотр Ипатьевского дома, то на стенах обнаружили весьма скабрезные надписи и соответствующие им рисунки. Ну, что на это скажешь? И полсотни лет спустя Высоцкий констатировал, что “в общественном парижском туалете есть надписи на русском языке”. Своеобразная традиция, что ли. И выпить любили охранники — это позднее дало право выставлять Авдеева чуть ли не закоренелым алкоголиком. Верить этому не стоит — просто раскрепостился человек и стал позволять себе гораздо больше, чем следовало. Еще бы — от него зависел сам царь. “Авдеев, бывало, говорил, что его просили о чем-либо, и он отказал. Это отказывание ему доставляло видимое удовольствие”, как позднее утверждал Якимов. Можно понять и это. Головы и не таких людей кружились от сознания, что они могут решать чьи-то судьбы, что в их руках находится жизнь и смерть тех, перед которыми недавно трепетали. И что теперь они навсегда стали хозяевами положения. Соблюдение каких правил хорошего тона можно было в той обстановке требовать от слесарей, токарей, кузнецов? Не пишу “от бывших” — ведь, находясь в отряде и считаясь красногвардейцами, они по-прежнему оставались заводчанами. Даже зарплату получали в двух листах: “за пребывание в доме особого назначения они получали особое содержание из расчета 400 рублей за месяц, за вычетом кормовых. Кроме того, они и на фабрике получали жалованье, как состоящие в фабричном комитете или деловом совете” — так показывал Якимов.

В качестве курьеза можно указать на занятия... музыкой. В доме был рояль. Охранник Логинов говорил знакомой женщине, а та по-

вторила на допросе его слова — "что княжны учили их играть на какой-то музыке". Седнев и Нагорный сидели в камере с князем Львовым, вспоминая разговоры, тот позже цитировал их — "По вечерам Княжон заставляли играть на пианино". Ну, музыка предполагает и пение. Что исполняла охрана? "Пели они все "Вы жертвою пали в борьбе роковой", "Отречемся от старого мира", "Дружно, товарищи, в ногу" (Якимов).

Если учесть, что пели в нижнем этаже, а царская семья жила на втором, то получится картина, хорошо известная нам по фильму "Собачье сердце". Интересно, читали что-нибудь его авторы в соответствующей литературе или просто догадались? Я говорю об исполнении песен о тяжкой доле...

В июле изменилось многое. Движение чехословаков к Екатеринбургу привело к тому, что на Дом особого назначения особое внимание обратили с двух сторон. Естественно, в белых частях, наступавших вместе с легионерами на столицу Красного Урала, не могли не знать о пребывании там царской семьи. То же самое заботило и представителей советской власти, чьим карательным органом была местная чрезвычайная комиссия. ЧК не только осуществляла общий надзор, несомненно, что она имела своих людей и в составе охраны.

Историки сходятся во мнении, что одним из них мог быть Медведев, начальник караула, пойманный белыми и давший едва ли не наиболее четкие показания о самом расстреле. Себя он сам называл разводящим, но из показаний других охранников ясно — за караул отвечал именно он. Так вот, считается, что Медведев первым забил тревогу по поводу благодушия охраны, выпивок и прочих мелочей в нарушении режима.

Чекисты не замедлили провести очень строгую проверку, выявили "разложение", а точнее — простое разгильдяйство. Авдеева отстранили, его помощника Мошкова даже арестовали. Внутреннюю охрану "почистили" и приплюсовали к внешней. Взамен в Дом особого назначения откомандировали десять человек, так называемых "латышей". Пишу "так называемых", ибо, судя по всему, никто из них латышом (по национальности) не был.

О национальном вопросе в "царском деле" хочется поговорить особо. Большевиков (в этот период) национальность не интересовала — все решала преданность рабоче-крестьянскому делу, интернационализму. Случись в то время на нашей территории марсианин,

рьяно стоявший на позициях мировой революции, у него были бы все шансы занять руководящее место, может быть, даже в ЦК. Но марсиане (если они были) держались в стороне, а в Советах всех уровней заседали русские и евреи, поляки и украинцы, латыши и немцы, венгры и австрийцы.

Противоположную (от большевиков) сторону интересовал национальный вопрос. Особенно в таком аспекте — кто же убил царскую семью? Для черносотенцев все было ясно — виноваты евреи. Это можно услышать и сейчас, когда антисемитизм поднял голову и "вышел из окопов". Ясно, что следователь Соколов не мог пройти мимо такой проблемы. Но, будучи честным человеком, он на страницах своей книги, по сути дела, дает отповедь "специалистам"-антисемитам.

Опубликовав список рабочих Сысертского и Злоказовского заводов (а это 75 человек), он тут же заключает: "Только братья Мишкевичи и Скорожинский были, вероятно, польской национальности. Все остальные охранники были русские". Вот так, а о национальности Яковлева, Авдеева, Медведева вопрос и не стоит. Интересно, что пофамильный состав практически соответствует и нынешнему, уральскому. Автор взял в руки список охраны и увидел, что среди ему знакомых (по фамилиям) жителей областного центра находится более трех четвертых списочного состава. Путилов — кто не знает писателя Бориса Путилова, Клещев — учился с Д.Клещевым, Дерябин — жил на улице Серафимы Дерябиной, Вяткин С., Вяткин Ф. — у одного из редакторов многотиражек это псевдоним, знаю туристов Корякина и Смородякова, в редакции со мной работает Сидоров, Медведев был директором турбазы "Исеть"... Список можно продолжить — практически все фамилии бойцов охраны и до сих пор характерны для жителей Урала.

Соколов тщательно подчеркивает, что Я.Свердлов — еврей, равно как и Юровский, а вот национальность Б.Дидковского ему не известна. Но известно, что царскую семью расстреляли Юровский, Ермаков, Никулин, Медведев (хоть он и отпирался на допросах) и группа "латышей". Кстати, характеризуя отряд красноармейцев, которыми командовал военный комиссар Верх-Исетска Ермаков, Соколов пишет: "Все эти люди были русские, преимущественно жители Верх-Исетска, где большевистская пропаганда была весьма сильна". Лучшей характеристики не придумать!

Итак, осталась группа “латышей”. В кавычках — ибо к жителям Латвии они никакого отношения не имеют. Всех, не знавших русского языка, в то время звали латышами. На самом деле, в последние дни внутренняя охрана Ипатьевского дома состояла из австро-венгров. Так что состав “расстрельщиков” без всяких натяжек являлся в полном смысле слова международным, а по терминологии того времени — интернациональным.

Группа ранее размещалась в здании ЧК — бывшей гостинице “Американская”. Оттуда переехала в дом Ипатьева, там жила, там же ей варилась еда. Ужесточение режима, конечно же, почувствовали “жильцы дома Ипатьева”, как именовали царскую семью. Меньше времени отводилось на прогулки, окна одели в решетки, теперь не с кем было перекинуться словом — у австро-венгров дисциплина не хромала.

Но жизнь продолжалась. Царская семья читала, пела духовные песни, играла в карты. Партией в безик закончился и вечер 16 июля. Через несколько часов доктор Боткин стал будить всех — в городе ожидается беспокойство, второй этаж опасен, надо сойти вниз...

КАК ЭТО БЫЛО

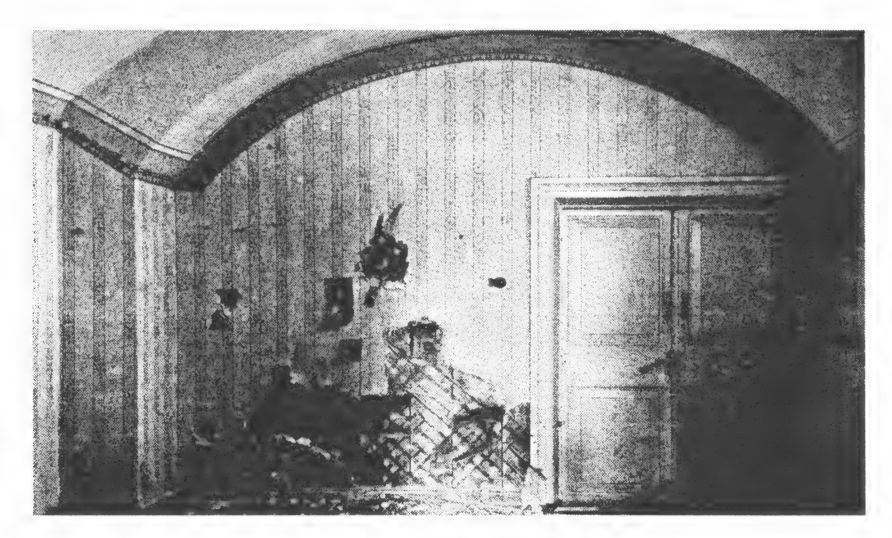
“Как это было?” — самый типичный вопрос при рассказе о расстреле царской семьи. И отвечать на него можно по-всякому. Крайних ответов два. Об одном написал Э.Радзинский, встретившийся с сыном участника расстрела М.А.Медведева — Михаилом Михайловичем. Тот вспомнил слова заместителя Я.Юровского — Г.П.Никулина: “Не надо все это смаковать. Пусть эти подробности уйдут вместе с нами...”

Есть и другая крайность — описывать случившееся, громко голося о зверствах большевиков. Так поступают ныне многие авторы. Но стоит немного отойти в сторону и как можно спокойнее рассказать о том, что произошло в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Рассказать словами свидетелей. Есть они? Да. Это сам Я.Юровский, комендант Дома особого назначения. Это Павел Медведев — начальник охраны дома. Это часовые Клещев и Дерябин, сообщившие своему товарищу А.Якимову о расстреле. Его рассказ дошел до нас.

Юровский писал свою “Записку” для историка М.Покровского, позже академика АН СССР, а в то время заместителя наркома просвещения (есть и иное мнение — Покровский сам записал воспоминания Юровского). Писал по свежим следам — в 1920 году, через два года после событий. Павел Медведев и Анатолий Якимов рассказывали внимательному слушателю еще более свежую историю — не прошло и года. Допрашивали их Сергеев и Соколов, последний и сохранил в своей книге их ответы.

Стоит попытаться даже объединить, сгруппировать все три рассказа очевидцев. Можно написать и “участников”, но это слово здесь не совсем уместно. Юровский — участник и, конечно, очевидец, Медведев заявил, что он очевидец, но не участник — в решающий момент якобы находился во дворе, хотя своей жене сообщил о личном участии в расстреле. Что же касается Анатолия Якимова, то его друзья видели сцену расстрела через окно — в это поверили и белогвардейцы.

Вот такой получился расклад. Участник, участник или очевидец — и друг очевидцев. Первый писал свою “Записку” в ореоле славы, сознавая историческую значимость происшедшего. Два других были арестантами и, вероятнее всего, понимали, что живыми им не выйти. Первый как мог усиливал свою роль, другие максимально отказывались от участия в этом деле. Первый пишет “Записку” от третьего лица и

везде себя называет "ком" (не коммунист, а комендант), другой говорит о себе — "я вышел", третий рассказывает о случившемся со слов двоих товарищей, несших во дворе караульную службу.

Итак: Я.Юровский. С самого начала идут слова, которые не могут не изумить любого внимательного историка, но на них до сих пор почему-то никто не обращал внимания. Вот начало "Записки":

"16.7 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Р-ых (Романовых)". Словно уточняя это, Юровский дописал сбоку: "Николая сначала (в мае) предполагалось судить — этому помешало наступление белых".

И далее:

"16-го в шесть часов вечера Филипп Г-н (Голощекин) предписал привести приказ в исполнение. В 12 часов должна была приехать машина для отвоза трупов..."

"...Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в $^{1}/_{2}$ второго. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были сделаны все приготовления, отобраны 12 человек, в том числе семь (чернилами исправлено на "шесть". — *Э.Я.*) латышей с наганами, которые должны были привести приговор в исполнение. 2 из латышей отказались стрелять в девиц".

Теперь Павел Медведев. "Вечером 16 июля я вступил в дежурство, и комендант Юровский в восьмом часу приказал отобрать в команде

и принести ему все револьверы системы наган у стоявших на постах и у некоторых других. Я отобрал револьверы — всего 12 штук и принес их в канцелярию коменданта. Тогда Юровский сказал: “Сегодня придется всех расстрелять, предупреди команду, чтоб не тревожились, если услышат выстрелы”. Я догадался, что Юровский говорит о расстреле царской семьи, живших при ней докторе и слугах, но не спросил, кем и как постановлено... Часам к десяти я предупредил команду, чтобы они не беспокоились, если услышат выстрелы. О том, что предстоит расстрел, я сказал Ивану Старкову”.

Показания Анатолия Якимова свидетельствуют, что предстоящая “операция” была известна многим, если не всей команде. “Клещев с Дерябиным рассказали нам следующее: к ним на посты приходили Медведев с Добрыниным и предупредили, что в эту ночь будут расстреливать царя. Получив такое известие, они подошли к окнам. Клещев к окну прихожей нижнего этажа, окно это, обращенное в сад, находится как раз напротив окна, где было убийство. Дерябин встал к другому окну”.

Итак, начало положено. Пора приниматься за дело.

Я.Юровский: “Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: “Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Р-ых из верхнего этажа в нижний”. Одевались $^1/_2$ часа. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из нее была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Р-вы ни о чем не догадывались. Ком. (это слово будет еще повторяться, оно сокращение слова “комендант”, так Юровский в третьем лице называет сам себя. — *Э.Я.*) отправился за ними лично один и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Ник. (олай) нес на руках А-я (Алексея. — *Э.Я.*), остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, А. (Александра) Ф. (Федоровна) спросила: “Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?” Ком. велел внести два стула. Ник. посадил на один А-я, на другой села А.Ф. Остальным ком. велел встать в ряд. Когда стали — позвали команду. Когда вошла команда, ком. сказал Р-ым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил всех расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, потом, как бы опомнившись, обернулся к ком. с вопросом: “Что? Что?” Ком. наскоро повторил и при-

казал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай более ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все это длилось несколько секунд".

П.Медведев: "Часов в двенадцать ночи по-старому (в третьем часу по-новому) Юровский разбудил царскую семью. Объявил ли он, для чего их беспокоит и куда должны пойти, не знаю... Приблизительно через час вся царская семья, доктор, служанка и двое слуг встали, умылись и оделись. Еще прежде, чем Юровский пошел будить царскую семью, в дом Ипатьева приехали из ЧК два члена. Один — Петр Ермаков (родом с Верх-Исетского завода, а другой неизвестный мне)... Часу во втором ночи вышли из своих комнат царь, царица, четыре царских дочери, доктор, повар и лакей. Наследника царь нес на руках. Государь и наследник одеты были в гимнастерки с фуражками на головах. Государыня и дочери в платьях без верхней одежды. Впереди шел государь с наследником. При мне не было ни слез, ни рыданий и никаких вопросов. Спустившись по лестнице, вошли во двор, а оттуда через вторую дверь в помещение нижне-

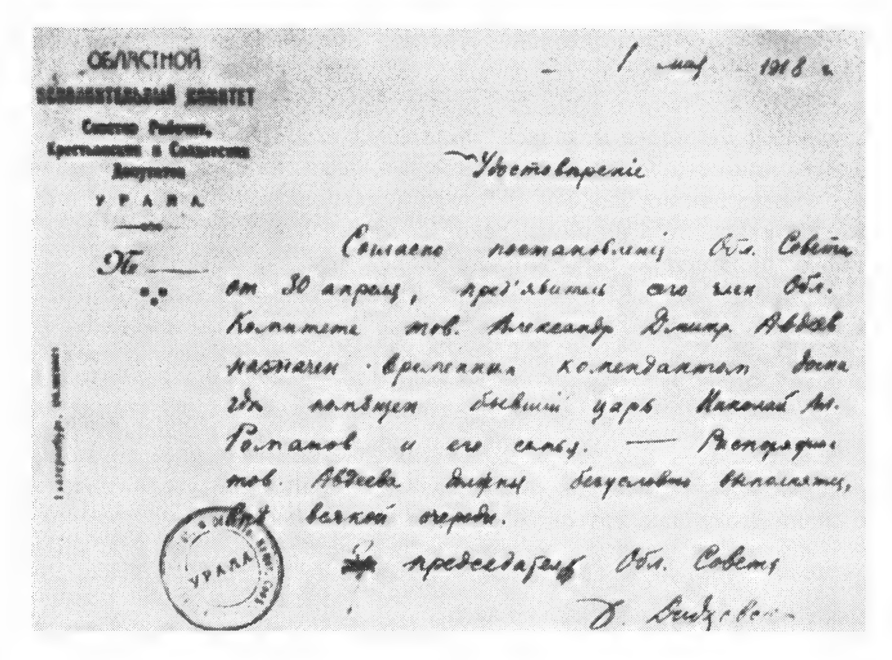
го этажа. Привели их в угловую комнату, смежную с опечатанной кладовой. Юровский велел принести стулья.

Государыня села у той стены, где окно ближе к заднему окну арки. За нею встали три дочери. Государь сел в центре, рядом наследник, за ним встал доктор Боткин. Служанка — высокого роста женщина, встала у левого косяка двери, ведущей в кладовую. С ней встала одна из дочерей. У служанки была в руках подушка. Маленькие подушечки были принесены царскими дочерьми, одну положили на сиденье наследника, другую — государыне. Одновременно в ту же комнату вошли одиннадцать человек: Юровский, его помощник Никулин, двое из ЧК и семь "латышей". Юровский сказал: "Сходи на улицу, посмотри, нет ли там кого и не будут ли слышны выстрелы", — я вышел во двор и услышал выстрелы".

Теперь рассказ Якимова. "В скором времени в комнату со двора вошли люди. Впереди Юровский и Никулин, за ними государь, государыня и дочери, а также Боткин, Демидова, Трупп, повар Харитонов. Наследника нес Николай. Сзади шли Медведев и латыши, которые были выписаны Юровским из чрезвычайки, они разместились так: в комнате справа от входа находился Юровский, слева от него стоял Никулин, латыши стояли рядом к самой двери, сзади от них стоял Медведев. Дерябин видел через окно часть фигуры и главным образом руку Юровского. Он видел, что Юровский говорит что-то, маша рукой. Что именно он говорил, Дерябин не мог передать. Он говорил, что ему не слышно было слов. Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал: "Николай Александрович, Ваши родственники пытались Вас спасти, но этого им не пришлось, и мы вынуждены Вас сами расстрелять". Тут же за словами Юровского раздалось несколько выстрелов..."

Так шли приготовления к расстрелу. Неудивительно, что царь в роковую минуту ничего не мог сказать — ведь никто не ожидал подобной развязки. Все казни королей, великих полководцев как-то обставлялись, создавалась (хотя бы!) видимость суда. И шли в подвал люди спокойно — нет, чего-чего, а такую развязку не то чтобы ожидать, предположить было нельзя.

Я.Юровский: "Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Ник. был убит самим ком-ом наповал. Затем сразу же умерли А.Ф. и люди Р-ых...

ОБЛАСТНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Советов Рабочих,
Крестьянских и Солдатских
Депутатов
УРАЛА.

№ ___

1 мая 1918 г.

Удостоверение

Согласно постановлению Обл. Совета от 30 апреля, предъявитель сего член Обл. Комитета тов. Александр Дмитр. Авдеев назначен временным комендантом дома где находится бывший царь Николай Ал. Романов и его семья. — Распоряжения тов. Авдеева должны безусловно выполняться, вне всякой очереди.

Председатель Обл. Совета

А. Белобородов

УРАЛА

А-й, три из его сестер, фрейлина и Боткин были еще живы. Их пришлось пристреливать. Это удивило ком-та, так как целились прямо в сердце... Когда одну из девиц пытались заколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж. Благодаря этому вся процедура, считая проверку (щупание пульса и т.д.), взяла минут двадцать. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, выстланный сукном, чтоб не протекла кровь".

П.Медведев: "Когда же вернулся в дом, прошло две-три минуты и, зайдя в ту же комнату, увидел, что все члены царской семьи лежат на полу с многочисленными ранами на телах. Кровь текла потоками. При моем появлении наследник был еще жив — стонал. К нему подошел Юровский и два или три раза выстрелил в него в упор. Наследник затих. Картина вызвала во мне тошноту. Перед убийством Юровский раздал всем наганы. У Юровского, кроме своего револьвера, был маузер. По окончании Юровский послал меня в команду за людьми, чтобы смыть кровь в комнате. Трупы выносили на носилках, сделанных из простынь, натянутых на оглобли, взятые от стоящих во дворе саней. Шофером был злоказовский рабочий Петр Люханов".

А вот что увидели стоящие у окна: "...Вслед за выстрелами раздался женский визг, крики нескольких женских голосов. Расстреливаемые стали падать один за другим: первым пал царь, за ним наследник... Демидова металась, закрываясь подушкой... Была ли она ранена или нет пулей? Но, по их словам, была она приколота штыками... Когда они все лежали, их стали осматривать, некоторых из них достреливать... Но из лиц царской фамилии называли только Анастасию, приколотую штыками. Когда все лежали, кто-то принес — надо думать, из верхних комнат — несколько простынь. Убитых стали заворачивать в них и выносить в грузовой автомобиль. В автомобиль положили сукно из кладовой, на него трупы и сверху накрыли тем же сукном"...

Итак, мы попробовали действовать как в период самого обычного следствия — три человека, занимавшие самые разные позиции, рассказывают об одном и том же факте. Главный свидетель говорит о своих поступках, другие — об этом же, но увиденном со стороны. Все показания, данные в разное время и при совершенно отличных обстоятельствах, сходятся в том, как были расстреляны царская семья и оставшиеся верными ей люди.

КУДА ДЕТЬ ТРУПЫ?

Теперь еще один поворот — а что же с трупами? Расстрелять легче всего, а вот как избавиться от столь страшных "вещественных доказательств" содеянного?

Вернемся к записке Я.Юровского:

"Ком-ту (коменданту. — *Э.Я.*) было поручено только привести в исполнение приговор, удаление трупов и перевозка лежала на обязанности тов. Ермакова (рабочий Верхне-Исетского завода, партийный товарищ, б (ывший) каторжанин). Он должен был приехать с автомобилем и был впущен по условному паролю "трубочист". Опоздание автомобиля внушило коменданту сомнения в аккуратности Ермакова, и ком. решил проверить сам всю операцию до конца. Около трех часов выехали на место, к-е (которое) должен был приготовить Ермаков за Верхне-Исетским заводом. Сначала предполагалось везти на автомобиле, а после известного места на лошадях (т.к. автомобиль дальше проехать не мог, местом выбранным была брошенная шахта)..."

Прервем здесь рассказ Юровского. Нужно, наверное, уточнить, почему именно на Ермакова была возложена задача не менее, а, пожалуй, намного более сложная, чем расстрел. Стрелять могли все, а вот спрятать... Сам Юровский, хоть и жил в Екатеринбурге несколько лет, не знал его окрестностей так, как мог знать житель Верх-Исетского завода. Вот почему сам Ермаков записал: "...когда позвали меня, то мне сказали на твою долю выпало счастье расстрелять и схоронить, так, чтобы никто и никогда их трупа не нашел под твою личную ответственность, что мы доверяем, как старому революционеру.

Поручение я принял и сказал, что будет выполнено все точно, подготовил место, куда вести и как скрыть, учитывая все обстоятельства важности момента политического". Вот так написано собственноручно (подтверждается орфографией), искренне и с явным желанием дать правильную картину происходившего. И веришь автору, что на его долю "выпало счастье расстрелять". Чем может быть для революционера участие в казни тирана? Только счастьем! Это сейчас мы можем недоумевать, иронизировать, возмущаться. Прошло более семи десятков лет, изменились оценки случившегося, стали иными точки зрения. Только помня это, и следует спокойно относиться к подобным рассказам. Продолжим чтение "Записки":

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Орган Уральского Областного и Екатеринбургск. Комитетов Р. К. П.

№ 114 (241) Вторник 23 июля 1918 г. Цена одного № 20 коп.

Капиталисты и помещики: русские, союзные и немецкие хотят удушить рабоче-крестьянскую революцію и восстановить царское самодержавіе. Соціал-предатели из лагеря врагов Советской власти помогают им.

Контр-революціонныя банды во главе с царским генералом Алексеевым наступают на красную столицу Урала, но им не победить уральских рабочих и крестьян.

Белогвардейцы пытались похитить бывшаго царя и его семью.

Их заговор был раскрыт. Областной Совет Рабочих и Крестьян Урала предупредил их преступный замысел и расстрелял всероссийскаго убийцу.

Это первое предупрежденіе. Врагам народа также не достичь возвращенія к самодержавію, как им не удалось заполучить в свои руки коронованнаго палача.

Казнь Николая кроваваго.

В Холопии.

“Проехав Верхне-Исетский завод в верстах 5, наткнулись на целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т.д. Это были рабочие (члены Совета, исполкома и т.д.), к-ых приготовил Ермаков. Первое, что они закричали: “Что же вы нам их неживыми привезли?!” Они думали, что казнь Романовых будет поручена им. Начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых. Тут и обнаружилось, что на Татьяне, Ольге, Анастасии были надеты какие-то особые корсеты. Решено было раздеть трупы догола, но не здесь, а на месте погребения. Но выяснилось, что никто не знает, где намеченная для этого шахта. Светало. Ком. послал верховых разыскивать место, но никто ничего не нашел. Выяснилось, что вообще ничего приготовлено не было: не было лопат и т.д. Так как машина застряла между деревьев, то ее бросили и двинулись поездом на пролетках, закрыв трупы сукном. Отвезли от Екатеринбурга на шестнадцать с половиной верст и остановились в полутора верстах от деревни Коптяки. Это было в 6—7 часов утра. В лесу отыскали заброшенную старательскую шахту (добывали когда-то золото) глубиной три с $^1/_2$ аршина. В шахте было на аршин воды. Ком. распорядился раздеть трупы и разложить костер, чтобы все сжечь. Кругом были расставлены верховые, чтобы отгонять всех проезжающих. Когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями, — в отверстие были видны бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Ком. решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охране несколько человек часовых и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию... Сложив все ценное в сумки, остальное, найденное на трупах, сожгли, а сами трупы опустили в шахту. При этом кое-что из ценных вещей (чья-то брошь, вставная челюсть Боткина) было обронено, а при попытке завалить шахту при помощи ручных гранат, очевидно, трупы были повреждены и от них оторваны некоторые части — этим ком. объясняет нахождение на этом месте белыми (к-рые потом его отрыли) оторванного пальца и т.д. Но Р-ых не предполагалось оставлять здесь — шахта заранее была предназначена стать лишь временным местом их погребения. Кончив операцию и

← **Фотоплакат А.Грахова.**

оставив охрану, ком. часов в 10—11 утра (17 уже июля) поехал с докладом в Уралисполком, где нашел Сафарова и Белобородова. Ком. рассказал, что найдено, и выразил сожаление, что ему не позволили в свое время произвести у Р-ых обыск. От Чукаева (пред. горисполкома) ком. узнал, что на 9-й версте по Московскому тракту имеются очень глубокие шахты, подходящие для погребения Р-ых. Ком. отправился туда, но до места не сразу доехал, из-за поломки машины. Добрался до шахты уже пешком, нашел действительно три шахты, очень глубокие, заполненные водой, где и решил утопить трупы, привязав к ним камни. Так как там были сторожа, являвшиеся неудобными свидетелями, то решено было, что одновременно с грузовиком, который привезет трупы, приедет автомобиль с чекистами, который под предлогом обыска арестует всю публику. Обратно ком. пришлось добираться на случайно захваченной по дороге паре.

Задержавшие случайности продолжались и далее. Отправившись с одним из чекистов на место верхом, чтобы организовать все дело, ком-т упал с лошади и сильно расшибся (а после также упал и чекист). На случай, если бы не удался план с шахтами, решено было

Сейчас это художественное училище им. И.Шадра
Фото Б.Полякова (снимок вверху).
До революции — Американская гостиница.
В 1918 году здесь находилась Уральская областная ЧК
(снимок слева, угловое здание. Архив.).

трупы сжечь или похоронить в глинистых ямах, наполненных водой, предварительно обезобразив их до неузнаваемости серной кислотой.

Вернувшись, наконец, в город к 8 часам вечера (17), начали добывать все необходимое — керосин, серную кислоту. Телеги с лошадьми, без кучеров были взяты из тюрьмы. Рассчитывали выехать в 11 вечера, но инцидент с чекистом задержал, и к шахте с веревками отправились только в двенадцать с половиной ночью с 17 на 18-е. Чтоб изолировать шахты (первую старательскую) на время операции, объявили в деревне Коптяки, что в лесу скрываются чехи, лес будут обыскивать, чтоб никто из деревни не выезжал ни под каким видом. Было приказано, если кто ворвется в район оцепления, расстрелять на месте. Между тем рассвело (это был уже третий день, 18-го). Возникла мысль: часть трупов похоронить тут же у шахты. Стали копать яму, почти выкопали, но тут к Ермакову подъехал его знакомый крестьянин, и выяснилось, что он мог видеть яму.

Пришлось бросить дело. Решено было везти трупы на глубокие шахты. Так как телеги оказались непрочными, разваливались, ком-т отправился в город за машинами — грузовик и две легких, одна для

чекистов... Смогли отправиться в путь только в 9 вечера, пересекли линию ж.д. в полуверсте, перегрузили трупы в грузовик. Ехали с трудом, вымащивая опасные места шпалами, и все-таки застревали несколько раз. Около четырех с половиной утра 19-го машина застряла окончательно. Оставалось, не доезжая до шахт, хоронить или жечь. Последнее обещал взять на себя один товарищ, фамилию ком. забыл, но он уехал, не исполнив обещания. Хотели сжечь А-я (Алексея. — *Э.Я.*) и А.Ф., но по ошибке вместо последней сожгли фрейлину. Потом похоронили тут же под костром останки и снова разложили костер, что совершенно закрыло следы копания. Тем временем вырыли братскую могилу для остальных. Часам к семи утра яма аршина в два с половиной глубины и три с половиной в квадрате была готова. Трупы сложили в яму, облив лица и вообще все тела серной кислотой, как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения (яма была неглубока). Забросав землей и хворостом, сверху положили шпалы и несколько раз проехали — следов от ямы и здесь не осталось. Секрет был сохранен вполне — этого места погребения белые не нашли".

Весь текст "Записки" цитируется по статье Э.Радзинского в "Огоньке" (№21 — 1989), равно как и следующий отрывок из книги "Как погибла царская семья", изданной в 1977 году в Калифорнии ("Огонек", №2 — 1990). Написал эти воспоминания И.Майер — бывший член Уральского облисполкома. Майер — австриец, один из тех военнопленных, которые не только приняли Октябрь, но и активнейшим образом участвовали в революции. Их было много: чехов, словаков, немцев, австрийцев, венгров... Наиболее талантливые входили в состав местных властей в тех городах, где их застали события. Таким был Майер.

"В этой части леса должны были находиться четыре, почти одинаковой величины сосны, которые население называло "Четыре брата". Немного на запад от дороги находились старые шахты, оставшиеся с тех пор, когда здесь еще разрабатывалась железная руда. Эту заброшенную часть леса выбрал Юровский для выполнения своей работы уничтожения. Когда мы приехали на нашей коляске, то горело несколько костров, вокруг которых сидели красноармейцы.

Голощекин, Белобородов, Войков и Юровский стояли в группе отдельно, недалеко от которой Ермаков спал около костра.

Мертвые лежали еще завернутые в шинельное сукно на краю шахты. Чего все они ждали, не было совсем понятно. Во всяком случае, казалось, все делается очень медленно. Только после того, как Мебиус резкими словами начал торопить Юровского, появилось немного жизни в различных группах.

Ермаков был разбужен, и он с Войковым начали разворачивать мертвых из шинельного сукна и их раздевать, причем они внимательно осматривали одежду. Юровский положил свою фуражку на землю, и туда они складывали все драгоценности, которые находились у мертвых. Действительно, царица и дочери имели большое количество драгоценностей на теле. Они, наверное, надеялись с этими драгоценностями куда-нибудь убежать...

Я стоял приблизительно в 30 шагах от них. Все мертвые были раздеты за исключением Наследника, у которого они, должно быть, не предполагали найти никаких драгоценностей. Мы стояли до тех пор, пока не столкнули мертвых в шахту".

Вот так уменьшается число свидетелей. Если о факте уничтожения царской семьи есть показания многих участников расстрела, то о первой фазе захоронения — попытке засыпать трупы в шахте — говорят Юровский и Майер, причем очень схоже, а дальше уже повествует один Юровский. Именно от него мы узнаем, что в одном месте захоронены останки Алексея и фрейлины (это, конечно же, Демидова — комнатная девушка царицы), а остальные в другом. Причем Алексея и фрейлину (так в записи — на самом деле комнатную девушку) сожгли.

Есть деталь, похоже, объясняющая, почему Юровский в "Записке" говорит о себе в третьем лице. Когда речь идет об убийстве Царя, там все описано прямо: "Ник был убит самим ком-ом наповал". А если повествуется о перевозке, раздевании, изъятии драгоценностей с трупов — здесь все весьма неопределенно: "Тут и обнаружилось, что... были надеты какие-то особые корсеты", "решено было раздеть трупы догола", "когда стали раздевать одну из девиц", "команда приступила к раздеванию и сжиганию". Понять это, конечно, можно — расстрел (личный! — как уверяет Юровский) царя для революционера не просто выполнение долга, это подвиг! А вот манипуляция с трупами — это даже не все большевики могли понять. Вспомните, два так называемых "латыша" отказались стрелять в дочерей царя.

В своих же воспоминаниях Майер дает очень яркие картинки происходившего — “Когда мы вошли (в подвал), Войков был занят обследованием расстрелянных, не остался ли кто-нибудь еще жив. Он поворачивал каждого на спину. У Царицы он взял золотые браслеты, которые она носила до конца”. (Именно о них царица писала в дневнике: “Оставили только два браслета, которые я не могла снять”). Далее становится ясно — в лесу раздевали трупы и собирали найденные драгоценности Ермаков с Войковым, а Юровский положил свою фуражку на землю и туда складывали все драгоценности, которые находились у мертвых.

Нет, это, конечно, не те подробности, которыми можно гордиться. Одно дело — расстрел царя, ладно, пусть даже всей семьи, другое — обыск трупов. Отсюда и появившаяся анонимность — “было решено”, “команда приступила”. И не догадывался комендант, что так точно запомнит сцену Майер.

Кстати, а откуда он взялся? Давайте еще раз вернемся к сцене расстрела. П.Медведев считал так: “Юровский, его помощник Никулин, двое из ЧК и семь латышей”. Итого: 11 человек, не считая самого Медведева, который на допросе отказывался от своего участия в цареубийстве. Но его жена с его слов показала: “стрелявших было 12 человек”. Теперь Я.Юровский — “отобрано 12 человек”, но “латышей” не семь, как напечатано первоначально на машинке, а шесть, как исправлено чернилами. Вот еще показания: “Впереди Юровский и Никулин... сзади шли Медведев и латыши, которые были выписаны Юровским из чрезвычайки”. Тут опущены два человека из ЧК, о которых Медведев говорит так: “Один — Петр Ермаков (родом с Верх-Исетского района), а другой неизвестный мне”.

Смотрите, нигде нет ни малейшего упоминания о присутствии в доме кого-либо, не принимавшего участия в расстреле. Юровский предупреждает Медведева, что будет происходить вечером, приводит с собой латышей, прибывают двое из ЧК, потом эти же люди расстреливают узников Ипатьевского дома. Помните: “... вся процедура взяла минут двадцать. Потом стали выносить трупы”. И далее о “раздевании и сжигании” — “оставив на охране нескольких человек часовых и 5 человек команды”. Нигде нет ни слова ни о Майере, ни о Войкове. Места им нет в этой истории — расстреляли и сразу увезли трупы. Потом “команда приступила...”.

Но не лжет же Майер — ему это совсем не к лицу. И вот здесь мы можем задать сами себе вопрос — а насколько точны воспоминания коменданта Дома особого назначения? Что он скрыл в своей "Записке", а что, наоборот, выпятил? И с какой целью делал это?

До сих пор мы принимали на веру воспоминания всех участников "Екатеринбургского дела", как говорилось позже. И считали — если кто-то из них увидел запомнившуюся до конца жизни картину, то это и есть. Но смотрите, как все меняется при попытке более-менее точно разобраться в том, сколько же посторонних было в доме (Ясно, что посторонними нужно назвать не узников и не охрану, а тех, кто прибыл для участия в расстреле.). Считая с Медведевым, их было 12 человек, ладно, пусть даже 11. Но откуда же взялся Войков, проверявший пульс? Его не упоминает никто, а ведь бойцы знали в лицо членов президиума Уралсовета — все они по очереди дежурили в доме.

Где был Войков? За дверьми — ждал расстрела? Это явно о нем Юровский, делая расчет времени, упоминал, когда писал — "вся процедура, считая проверку (щупание пульса и т.д.), взяла минут двадцать". Приехал тютелька в тютельку после свершившегося? Но кто же знал точное время — разбудили, дали время на сборы, свели вниз и тут же прикончили. И так точно рассчитать, чтобы приехать именно к моменту расстрела и тут же проверять трупы?

Получается, что Юровский в "Записке" сознательно вывел Войкова "за скобки"? Но о нем молчат и другие свидетели, в частности те, чьи показания использовал Соколов. Ладно, может быть, Юровский сделал это с учетом перехода Войкова в Наркоминдел. Ведь позже Войкова назначат послом в Польшу, а ее правительство потребует доказательств, что будущий посол лично не замешан в убийстве царской семьи. Придется солгать, и поляки выдадут агреман на принятие Войкова послом, потом Коверда застрелит его...

Вот поэтому молчал Юровский? Но почему ни слова не сказали остальные? Они что — видели в подвале всех, кроме Войкова? Но он-то не был единственным "незамеченным", находились там и иные.

Как в доме оказался сам Майер? И сам ли — он же пишет: "когда мы вошли в (подвал)". Сколько этих "мы"? Кто они? Дело в том, что Войков был областным комиссаром снабжения. Это довольно большая величина в тогдашней иерархии Советов. Может, именно ему поручили курировать расстрел, хотя, повторяю, очень не ясно, когда же

он прибыл в дом и где в нем находился. Майер же — австрийский военнопленный — являлся просто членом исполкома. Ему-то что было делать в эти роковые минуты? Не отвечал ли он за группу так называемых "латышей"? (О них еще будет разговор). Но кто это "мы"? Войков был уже в подвале, не с ним спускался Майер. С кем же?

Одно ясно. Начав уточнять подробности "Екатеринбургского дела", мы увидели, что в воспоминаниях участников есть серьезные противоречия. И чем больше вникать в них, тем яснее, что очевидцы не просто по-своему описывают увиденное, они видят иное... Это относится даже к кульминации расстрела — выстрелам, произведенным в царя и наследника.

КТО СТРЕЛЯЛ, КУДА СТРЕЛЯЛ?

Давайте вспомним фразу, сказанную по иному поводу, но подходящую вполне: "Кто стрелял, куда стрелял?" Эта фраза из "Василия Теркина". Действительно, если кто-то услышит выстрел, его может заинтересовать: кто стрелял, куда стрелял? А если известно, что выстрелами убита царская семья, то уж тем более хочется узнать — кем из стрелявших конкретно?

Сначала этот вопрос кажется даже некорректным. Ясно же, что царя лично застрелил Я.Юровский. В его "Записке" прямо говорится: "Ник. был убит самим ком-ом наповал". Есть еще одно свидетельство Юровского, хранящееся в Свердловске, там те же самые слова: "В это время он (царь. — *Э.Я.*) повернулся к Александре Федоровне, я выстрелил в него, он повалился, тут же началась стрельба...". Как видно, хоть и несколько разными словами, но описывается одна и та же ситуация. Это подтверждает и боец охраны дома А.Стрекотин: "С последними словами "Ваша жизнь кончена" тов. Юровский мигом вытащил револьвер и выстрелил в царя. Последний от одного выстрела моментально свалился с ног. Одновременно с выстрелами тов. Юровского начали беспорядочно стрелять и все присутствующие".

Проходит девять лет, приближается 10-летие расстрела. Прекрасно понимая историческую значимость этого факта, Я.Юровский пишет заявление:

"В Музей революции.

Директору музея товарищу Мицкевичу.

Имея в виду приближающуюся 10-ю годовщину Октябрьской революции и вероятный интерес для молодого поколения видеть вещественные доказательства (орудия казни бывшего царя Николая II, его семьи и остатков верной ему до гроба челяди), считаю необходимым передать музею для хранения находившиеся у меня до сих пор два револьвера: один системы кольт номер 71905 с обоймой и семью патронами и второй системы маузер за номером 167177 с деревянным чехлом-ложей и обоймой патронов 10 штук. Причины того, почему два револьвера, следующие — из кольта мною наповал был убит Николай, остальные патроны одной имеющейся заряженной обоймы кольта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая, которые забронированы в лифчики из сплошной массы крупных бриллиантов, и странную живучесть наследника, на которого

мой помощник израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести наследника нужно, вероятно, отнести к слабому владению оружием или неизбежной нервности, вызванной долгой возней с бронированными дочерьми).

Бывший комендант Дома особого назначения в городе Екатеринбурге, где сидел бывший царь Николай с семьей в 1918 году (до расстрела его в том же году 16.07), Яков Михайлович Юровский и помощник коменданта Григорий Петрович Никулин свидетельствуют вышеизложенное:

Я.М.Юровский, член партии с 1905 года, номер партбилета 1500. Краснопресненская организация.

Г.П.Никулин, член ВКП(б) с 1917 года, номер 128185. Краснопресненская организация".

Вроде бы все? Не просто рассказ или статья в газете, а заявление в Музей революции да еще подписанное самым "партийно-официальным" способом — с указанием номера партбилета. И все же тут можно задать ряд вопросов — по заявлению получалось, что в царя стрелял Юровский, а в наследника — Никулин? А ведь, как рассказывал Медведев, Алексей еще стонал и Юровский "два или три раза выстрелил в него в упор". Следовательно, это после того, как Никулин "израсходовал целую обойму". Или к тому времени (1927 год) четко распределились роли — Юровский взял на себя царя, а помощнику выделил Алексея. Речь может идти и не о самом расстреле, а о последующем рассказе. Все соответственно должности — что коменданту, а что его помощнику. Выходит, один выпустил не менеее 17 пуль? Не многовато ли?

Почему — "не менее", ибо подсчитать точнее можно, лишь осмотрев оружие. Речь идет о двух обоймах. О маузере ясно — 10 патронов. А вот кольт... Юровский пишет — "два револьвера", маузер — пистолет. Кольты же и пистолеты, и револьверы. Странно, что опытнейший чекист называет пистолет револьвером...

Ладно, не будем углубляться в эту сторону вопроса. Ибо в таком случае вспомним и о странном приказе коменданта — собрать револьверы системы наган. Тогда как у самого "два револьвера" да браунинг у помощника. А у "латышей" не было личного оружия? Небезоружны и чекисты — у Ермакова, например, маузер. Вот ведь ситуация — как только начинаешь разбираться с фактами, так еще больше запутываешься...

Могут спросить, почему так много говорится об оружии? Да потому, что орудие казни порой тоже несет большой заряд информации. Говорят, что в Париже в музее показывают гильотину, которую зовут "королевской". Думаю, ясно, почему. Широко известна фотография американского сержанта, через плечо которого перекинута связка петель — это "человек из Нюрнберга", а снимок сделан после процесса. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Юровский сдал, а музей принял маузер и кольт, это же действительно реликвии, с какого бока ни подходи. Пусть одни видят в них орудие революционной мести, другие — цареубийства, но, думается, никто не оспаривает историческую значимость, кому не нравится, можем уступить — если не историческую, то, в любом случае, музейную ценность личного оружия коменданта Дома особого назначения.

И одновременно в Музей революции поступает браунинг М.Медведева. Тоже историческое оружие? Давайте все по порядку.

Разыскивая материалы о событиях в Екатеринбурге, Э.Радзинский вышел на М.М.Медведева, сына М.А.Медведева, члена Уральской коллегии ЧК, в те далекие годы находившегося в самом центре событий. Отца давно не было в живых, но М.М.Медведев хорошо помнил многие разговоры с ним и, оказывается, был свидетелем небывалого — магнитофонной записи рассказа отца и Г.Никулина, состоявшейся в 1964 году. До того момента о существовании документальной записи знали лишь единицы (она полностью не опубликована до сих пор).

Разумеется, М.М.Медведева интересовал вопрос — кто же убил царя? Вот как передавал его рассказ Э.Радзинский. "Я, — продолжал Медведев, — спросил Никулина: расстрел начался с залпа или это была беспорядочная стрельба? Никулин ответил: беспорядочная стрельба. Тогда я спросил его: кто же сделал первый выстрел? Он ответил: Ваш отец, Михаил Александрович Медведев — он выстрелил первым и убил царя".

Так на сцену выходит еще одно действующее лицо — хотя мы знали, конечно, об участии Медведева в расстреле, но "заявка" на самого царя прозвучала впервые. Вот какой диалог состоялся далее у Радзинского с Медведевым.

"— Значит, царя убил ваш отец? И вы знали об этом?

— Разумеется. Отец рассказывал. И не только отец. Я уже говорил: у нас часто собирались участники Екатеринбургского дела.

— Но ведь была, наверное, какая-то договоренность заранее — кто в кого должен был стрелять?

— Разумеется, была. И договоренность была такая: Петр Ермаков, верх-исетский комиссар, получил право застрелить царя, Юровский — царицу, Никулин должен был стрелять в Алексея, отец — в Марию... При этом была договоренность: целить в сердце, чтоб не причинять излишних мучений.

Но когда они реально вошли в комнату, отец оказался как раз напротив царя, Никулин напротив Алексея, Юровский напротив царицы. Отец никогда не видел Николая так близко, и он рассматривал его, пока Юровский читал бумагу.

И когда Юровский закончил, отец выстрелил в царя и убил его первой пулей. Кстати, свой браунинг он сдал потом в Музей революции.

— Это был тот самый браунинг?

— Это был именно тот самый браунинг".

Так появляется второе (по счету) лицо, претендующее на право первого выстрела. Конечно, уже после того, как этот выстрел был сделан. Есть, конечно, отличие — Юровский писал сам о своем поступке и факт этот тут же свидетельствовал Никулин, о Медведеве же рассказал его сын, но опирался он на магнитофонную запись, сделанную для истории. Итак — Я.Юровский, М.Медведев. Кто следующий?

В том же 1927 году сдал в свердловский музей свой маузер П.З.Ермаков. Как и полагалось, составили по этому поводу соответствующий документ — о принятии револьвера (опять револьвер, а не пистолет?) "системы "маузер", которым, по свидетельству Ермакова, был расстрелян царь". Здесь же приводится и номер оружия — 161474. Маузер, несомненно, вещь историческая, пистолет до недавнего времени находился в специальном стенде в главном здании Свердловского историко-краеведческого музея (Вознесенская церковь). Даже когда шел ремонт здания (вторая половина 80-х годов) и для экспозиции оставили лишь часть первого этажа, то пистолет не убрали.

Интересно, что дважды его похищали и оба раза удавалось вернуть в экспозицию. Но тут вопрос — а этот ли маузер вернули. Дело в необычности внешнего вида оружия — на нем "номер и заводские знаки спилены", как особо подчеркнули в своем историческом очер-

ке Д.Боровиков и Д.Гаврилов. Они же попытались исследовать историю пистолета — нашли утверждения Ермакова в том, что оружие у него с первой российской революции 1905—1907 годов, потом до 1917 года лежало зарытое в земле. Авторы не верят этому. Приводится и мнение, что маузер мог быть изготовлен в 1920 году, и тогда сам Ермаков осуществил подлог. А если все дело в краже? Ведь по акту значится, что пистолет имел номер, и он там же приводится. После кражи оружие не нашли, поместили "дубль", но номер уничтожили, чтобы не было расхождения с уже имевшимися документами, в частности актом.

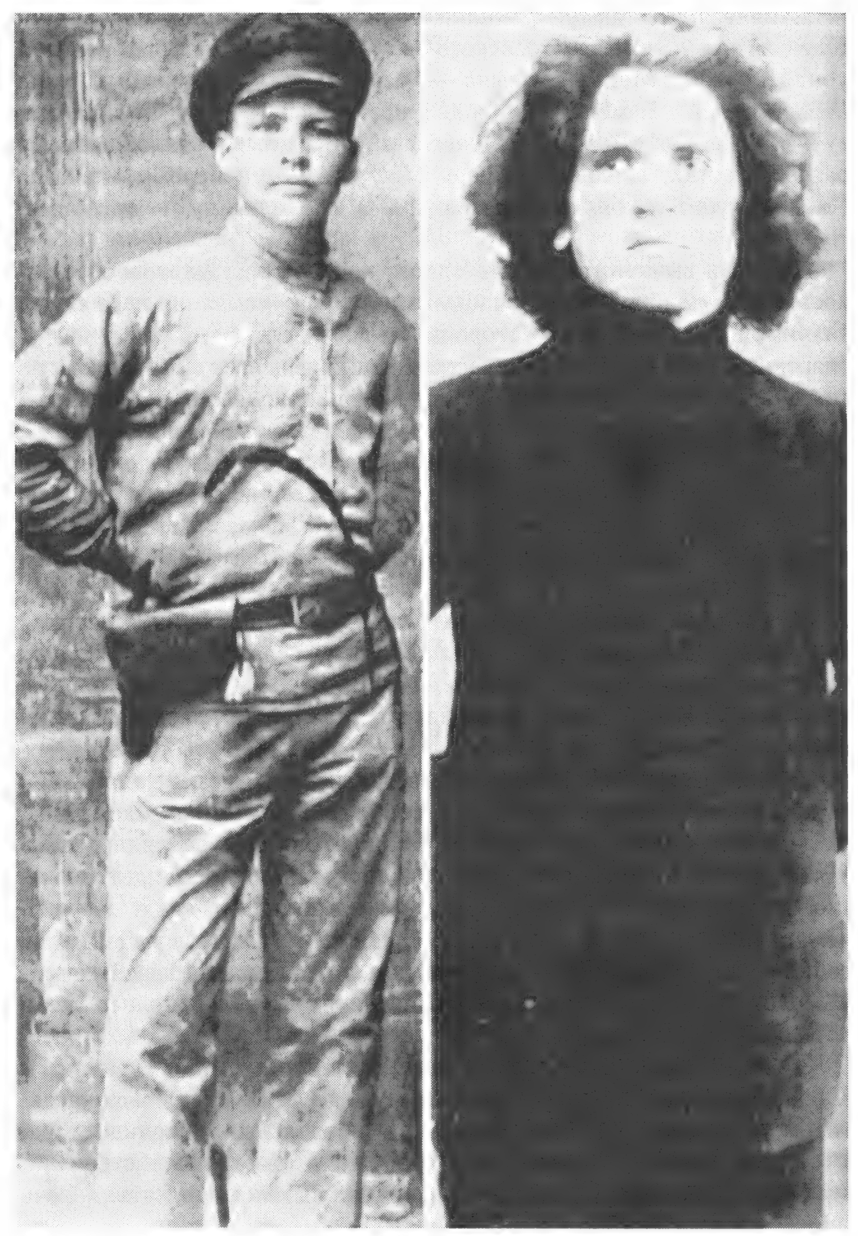
Теперь о том действии, в котором маузер сыграл свою кровавую роль. Дадим слово Ермакову: "... я спустился книзу совместно с комендантом, надо сказать, что уже заранее было распределено кому и как стрелять, я взял себе самого Николая, Александру, доч, Алексея, потому что у меня был маузер, им можно верна работат, астальны были наганы... Тогда у Николая вырвалась фраза: как нас никуда не повезут, ждать дальше незя, я дал выстрел внего упор. Он упал сразу." (Специально текст не правился, он дан по рукописи). Как видите, Ермаков тоже утверждает, что именно он расстрелял царя. Лично, в упор. Об этом не только писал в воспоминаниях, а и рассказывал на встречах с коллективами заводов и фабрик, особенно часто — в музее, на пионерских слетах, кострах, куда, для большей идеологизации воспитания, призывали столь заслуженного человека.

Лгал ли Ермаков? Этот вопрос останется открытым. И вот почему. Как помните, в разговоре с Радзинским Медведев-сын прямо говорил о распределении ролей: "Ермаков... получил право застрелить царя, Юровский — царицу, Никулин — Алексея." Потом же, в подвале, царская семья спутала все планы — не так стала перед исполнителями. Но о предварительной договоренности сообщает и Ермаков — "уже заранее было распределено кому и как стрелять, я взял на себя самого Николая..." Здесь нет никакого противоречия.

Но кто же выстрелил в царя? Каждый из троих — Юровский, Медведев, Ермаков — заявлял, что именно он. У каждого находилось основание так заявлять — за Юровского была и должность (старший среди расстрельщиков), и объективные свидетельства, полученные, например, следователями, за Медведева свидетельствовали его товарищи, за Ермакова — сам Медведев, утверждавший, что заранее был оговорен порядок расстрела.

Я.Юровский и Г.Никулин (вверху), П.Медведев и П.Ермаков (справа). *Архив.*

Думается, что так три фамилии и нужно оставить. Именно все три. Еще раз процитируем Юровского — "из кольта мною был наповал убит Николай", Медведева-сына — "отец выстрелил в царя и убил его первой пулей", Ермакова — "я дал выстрел внего упор, он упал сразу". Видите, как сходятся все рассказы, сделанные в разное время, в разных местах, в одном — царь был уничтожен первым, наповал ("наповал убит", "убил его первой пулей", "он упал сразу" — три свидетельства).

Попытки вычленить кого-то одного не дают результатов. У Ермакова много неясностей в воспоминаниях, приписывание себе более значимой роли — но и со стороны свидетельствуют, что ему выпал "царский жребий". На записи воспоминаний речь идет о Медведеве, но там присутствует и Никулин, а он раньше подписывал вместе с Юровским документ о передаче оружия в музей, значит, солгал хоть раз, когда? Можно поколебать даже версию Юровского — свидетели в первую очередь смотрели на него, читавшего постановление о расстреле, они же видели, как он вынул оружие, но один ли стрелял, первым или одновременно грянули выстрелы, и каждый из стрелявших целился в царя...

Могло такое быть? Вполне, ведь не случайно царя убили первым, а Демидова "все металась, стараясь прикрыться подушкой". Подушка против пуль наганов, маузера, кольта? Просто не в нее первую целились. И все. А есть еще свидетельство, тоже приводимое Соколовым, — "тут же, в ту же минуту за словами Юровского раздалось несколько выстрелов". И далее: "расстреливаемые стали падать один за другим. Первым пал, как они говорили, Царь, за ним Наследник, Демидова же, вероятно, металась. Она, как они оба говорили, закрывалась подушкой". Видите, и в этих показаниях речь идет о "нескольких выстрелах", причем расстрел, по сути дела, идет по уровню значимости: царь, наследник. А комнатную девушку Демидову добили уже потом, когда было покончено с главными героями драмы. Потом — это через несколько секунд, тут же, но все же в порядке очередности.

О том, что рано или поздно, но такой спор произойдет, думал и Юровский. Много лет спустя, в Свердловске, выступая перед партактивом, он говорил: "... Надо сказать, что отдельные товарищи стараются рассказывать, что они убили Николая. Может быть, и стреляли, это верно, сказать трудно, что тот или иной пытался стрелять..." Речь

шла явно о Ермакове, ведь он в Свердловске считался цареубийцей, и не узнать этого в свой приезд Юровский не мог. Но слова можно отнести ко всей ситуации.

Так что на вопрос, кто же убил царя, думаю, можно ответить только так: первыми выстрелили в него Юровский, Медведев и Ермаков.

Когда эти строки были уже написаны, появилось еще одно свидетельство о расстреле царя — “Цареубийца — мой отец”. Опубликовано оно в “Совершено секретно” (№8 — 1993), то есть через месяц после того, как довольно широко отмечалось 75-летие “екатеринбургского дела”. Подзаголовок гласил: “Сын отстаивает право отца на первый выстрел”.

Ясно, что речь идет об уже упомянутом Михаиле Медведеве, рассказавшем Радзинскому об участии его отца в расстреле. Интересно — в этой публикации фамилия довольно неумело маскируется — так, под письмом сына Н.Хрущеву стоит: “Искренне ваш Михаил М.”, сам же он именуется “М.А.М. — член партии большевиков с 1911 года, ответственный сотрудник ЧК”, “большевик-чекист М.А.М.”, “Михаил Александрович М.” Так длится до самого конца повествования, но уже в начале, цитируя воспоминания этого вроде бы неведомого нам М.А.М., автор вскрывает его фамилию.

По этим воспоминаниям, Я.М.Юровский, отвечая на вопрос, кто будет участвовать в расстреле, ответил так: “Я и мой помощник Григорий Петрович Никулин... Итак, четверо: Медведев, Ермаков, Никулин и я”. И дальше от автора: “Я.М.Юровский, Ермаков и я идем в Дом особого назначения... здесь нас ждал чекист Григорий Петрович Никулин”. Итак, “Я” — это Медведев (не путать с Павлом Медведевым — начальником караула, допрошенным Н.Соколовым). Нам это, правда, известно и ранее — ведь только его сын (по Радзинскому) утверждал не просто участие отца в расстреле, а его главенствующую роль — убийство самого царя.

И еще одно — как помните, в своих заявлениях в музеи и Юровский, и Ермаков подчеркивали историческую значимость личного оружия, орудия казни. Не избегнул этого и Медведев, правда, не он сам, а его сын написал приведенное в “Сов. Секретно” письмо к Хрущеву, в котором выражал надежду, “что товарищи из Вашего секретариата в ЦК КПСС помогут мне изготовить подобающую деревянную коробку необходимых размеров для совместного хранения

исторического пистолета, двух обойм, 70 патронов к нему и текста воспоминаний..." Оружие, упомянутое здесь, — "пистолет системы браунинг №389965, из которого отец в ночь на 17 июля 1918 расстреливал в Екатеринбурге последнего русского царя Николая Второго и его семью..."

Не будем цитировать те строки воспоминаний, где речь идет об обсуждении плана ликвидации, организации перевода узников в подвал и о прочем. Остановимся лишь на описании первого момента расстрела.

"— Так нас никуда не повезут? — спрашивает глухим голосом Боткин.

Юровский хочет ему что-то ответить, но я уже спускаю крючок и всаживаю первую пулю в царя. Одновременно с моим вторым выстрелом раздается первый залп латышей и моих товарищей справа и слева. Юровский и Ермаков тоже стреляют в грудь Николая II почти в упор. На моем пятом выстреле Николай II валится снопом на спину".

Ну что же — если не считать естественного (для чекиста Медведева) утверждения, что именно он первым выстрелил в царя, все соответствует ранее известному о нем. Правда, фраза о том, что "нас никуда не повезут?" приписывается и Николаю II, но это в данном случае не существенно. Существенно следующее — сын Медведева ведет далее целую исследовательскую работу, считая, что воспоминания отца нужно дополнить фактическим материалом. Им может быть только оружие.

Тут Медведев-сын начинает подсчет систем оружия и приходит к выводу, что первым мог выстрелить только его отец. Дескать, из браунинга можно стрелять сразу, а маузер надо вынуть из деревянной кобуры, кольт — из кожаной, у нагана сперва взводится курок... — "никто не мог выстрелить раньше отца просто по техническим причинам".

Остановиться бы на этом Медведеву-сыну, но, как это часто бывает, зуд "исследовательства" влечет его все дальше и дальше, и всплывает такое, что хоронит ранее сделанные выводы. Почему-то решив, что все пули пробивали свои жертвы насквозь, Медведев-сын решает сверить свои выводы с расположением пулевых отверстий в стенах (все они описаны Соколовым). И тут начинается такое...

“По показаниям очевидцев уточняю, кто где стоял. “Правофланговым” Николай Второй (в военной фуражке на голове). За его спиной, чуть левее к арке, лакей императрицы Трупп... Было решено стрелять по мужчинам. Пули точно “сфотографировали” это: четыре пулевых отверстия в стене расположены выше всех. Вот, все четверо: Трупп, Николай, доктор Боткин, повар Харитонов”. Чего здесь больше: самоуверенности или элементарного непонимания ситуации? Четверо мужчин стоят — и четыре отверстия? По одному на брата? И все? Но ведь, по воспоминаниям отца — “на моем пятом выстреле Николай II валится”. Тут же “Юровский и Ермаков также стреляют в грудь Николая II почти в упор”. И еще ниже: “Мы с Ермаковым щупаем пульс у Николая — он весь изрешеченный пулями, мертв”. Это пишет отец — сын же довольствуется пулей.

Конечно же, это пуля отца — “там, где стоял Николай, следователи вынули пулю от бельгийского браунинга”. Догадались от чьего? Ну да, браунинг был лишь у Медведева. А где же остальные четыре (“на моем пятом выстреле”)? Застряли в теле? Не проще ли предположить, что в стене находилась пуля, не попавшая в цель? А те, что попали, там и остались. Да, теперь вспомним и слова из “Записки” — “отнести к слабому владению оружием”.

Выдвинув на первый план своего отца, Медведев-сын должен был как-то дезавуировать действия Юровского. В ход идут опять же найденные следователями пули — отсюда рождается: “А стрелял ли вообще глубоко уважаемый Яков Михайлович? Единственную пулю от американского кольта... вынули из пола комнаты расстрела. Стало быть, Юровский стрелял из своего кольта (точно, единственный раз, как он сам пишет) в человека, лежавшего на полу. Был ли этот человек Николаем Вторым, покажет экспертиза”.

И здесь концы с концами никак не сходятся. О том, что Юровский стрелял в еще стоящего царя, писал Медведев-отец, а из письма Юровского в музей явствует еще и то, что “из кольта мною наповал был убит Николай, остальные патроны одной имеющейся снаряженной обоймы кольта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая”. Вот откуда пуля в полу! Достреливание. А Медведев-сын уверен, что все пули проходили насквозь и запечатлели на стене и на полу картину расстрела.

Можно еще раз сослаться на Соколова — в кострище у Ганиной ямы найдены выплавившиеся из пуль, находившихся в сжигаемых

телах, кусочки свинца... Думается, что это уже лишнее — и без этого ясна поставленная Медведевым-сыном задача: "Цареубийца — мой отец!"

Мы же можем лишь повторить тот вывод, который сделали раньше: первыми выстрелили в царя Юровский, Медведев, Ермаков.

Закончить же рассказ о "споре расстрельщиков" хочется вот чем. Радзинский так цитирует Медведева-сына и свой уточняющий вопрос: "Отец выстрелил в царя и убил его первой пулей. Кстати, свой браунинг он сдал потом в Музей. — Это был тот самый браунинг? — Это был именно тот самый браунинг". Но из последней публикации ясно, что отец ничего не сдавал, ибо сын писал Хрущеву об "историческом наследстве". И сам предлагал отдать оружие. Так чему верить — рассказу наследника или его же обращению в ЦК КПСС?

БРИЛЛИАНТЫ ДЛЯ... ПРОЛЕТАРИАТА

Во многих исследованиях нашел отражение факт расстрела царской семьи. Но, независимо от них, дело это всплывало и в художественной литературе, особенно связанной с чекистской тематикой. Ну, взять хотя бы произведение Ю.Семенова "Бриллианты для диктатуры пролетариата".

Не вдаваясь в оценку художественных достоинств книги, хочется все же сказать, что автор взял на себя неблагодарную роль романтизирования работы ЧК. Герои его (Дзержинский, Бокий, не говоря уже о главном — Исаеве) ведут умные разговоры о совести и чести, сюда же прикладываются резолюции Ленина, и создается картина высокоинтеллектуального коллектива, озабоченного судьбой Родины и революции.

Конечно, это так, если не помнить кое-какие детали. Бокий, к примеру, один из создателей ГУЛАГа, он сопровождает Горького в его путешествии на Соловки. Книга "очеловечивает" своих героев, показывает их не в просто выгодном, а в гротескно-выгодном свете, кажущемся таким неестественным в наши дни. Что делать — все свои произведения Семенов создавал в то время, когда этой организации хотелось выглядеть в глазах потомков наиболее респектабельно. Она же и помогала — консультацией ли, допуском к материалам...

Не надо забывать, что писал Семенов после первой волны реабилитации "пламенных революционеров", когда стало возможно говорить о репрессированных чекистах, но не о их жертвах. Тот же Максим Исаев (в романе), находясь в Ревеле, проверяет своего собеседника Таганцева. И тут же вспоминает: "За Таганцевым ЧК уже полгода вело наблюдение, как за возможным лидером петроградского контрреволюционного подполья, и Максиму Максимовичу было важно посмотреть реакцию Вахта — об этом просили ребята из Петрочека. "Нитку с ним имеет, — отметил Исаев...".

Сейчас мы знаем, что Таганцев "ни в чем не виноват". И читать, как главный положительный герой хотя бы думает (пусть не говорит) плохо о невинном человеке...

Так о чем "Бриллианты для диктатуры пролетариата"? О "Деле Гохрана" — хищениях в Государственном хранилище ценностей РСФСР. Вещь реальная, как, в большинстве, реальны и люди, ставшие героями книги. Один из них — наш старый знакомый Яков Михайлович Юровский.

Председатель УралЧК Ф.Лукоянов. *Архив.*

“Яков Юровский был крепок, высок и красив сильной южной красотой. Даже зимой казалось, что лицо его тронуто загаром.

— Садитесь, товарищ Юровский, — сказал Феликс Эдмундович. — Мы пригласили вас в связи с очень неприятным, а потому особенно ответственным делом. Мне помнится, вы уже имели дело с драгоценностями.

Юровский чуть кивнул головой, и улыбка сошла с его лица — оно окаменело, ожесточилось, и поэтому стало видно, как оно морщинисто и бледно под его врожденной смуглостью.

Он имел дело с бриллиантами. Это было в восемнадцатом, когда он получил приказ расстрелять царскую семью. Это было в подвале. Он попросил членов царской семьи сесть на стулья, тесно приставленные друг к другу. Все знали, что в ссылке Юровский был фотографом, и поэтому, когда он попросил Романовых сесть потеснее, казалось, он будет их фотографировать. А за каждым из Романовых стоял красноармеец с наганом в кармане. И когда Юровский сказал — быстро, скороговоркой — о приговоре, никто ничего толком не понял —

загрохотали выстрелы, но пули вдруг стали свистеть в комнате, и высверкнуло голубым, красным, холодно-белым и дробно застучало по бетонным стенам...

Только потом поняли: царевны зашили в бюстгальтеры бриллианты. Пули срикошетили, бриллианты покатились на пол, рассыпаясь диковинными зернами по серому бетону".

Здесь правда только одна — расстрел. И подвал не бетонный, и пол деревянный, и не думала царская семья, что ее станут за полночь фотографировать. Никакие бриллианты не прыгали по полу, а о бюстгальтерах узнали лишь в лесу, перед уничтожением трупов.

Интересно другое. Из этого получается, Семенов читал "Записку" Юровского, где тот говорит о рикошетирующих пулях. Но вопрос не в этом — интересно, что в роман о похищении бриллиантов из государственного хранилища органически вошел один большой абзац, а по сути историческая мини-новелла о царских драгоценностях, вывезенных августейшей семьей в Тобольск, а позже и в Екатеринбург. О тех бриллиантах, которые и сейчас волнуют всех, а не только историков. Что уж говорить о 1918 годе.

Действительно, драгоценности не могли не волновать представителей местных властей. Это отметила и Александра Федоровна в своем дневнике (отрывки из него в своем переводе опубликовал Э.Радзинский — "Огонек", №2 — 1990).

"21/4 июня. Екатеринбург... Затем они (Я.Юровский и Г.Никулин. — *Э.Я.*) заставили нас показать все драгоценности, которые у нас были. Молодой помощник все тщательно переписал, затем они их унесли (куда? насколько? зачем? — не известно!). Оставили только два браслета, которые я не смогла снять".

"22/5 июня. Комендант предстал перед нами с нашими драгоценностями, он оставил их на нашем столе (опечатанными) и будет приходить каждый день смотреть, чтобы мы не раскрывали ящичек".

О том, что драгоценностями интересовались все, кому не лень, свидетельствует вот такой факт. П.Войков выступал перед рабочими мартеновского цеха Верх-Исетского металлургического завода. Среди вопросов — очень много о царе. В том числе и такой — "Куда делись бриллианты?" Последовал ответ — "Бриллианты изъяты комиссией Уральского Совета по акту, запечатаны и сданы на хранение до особого распоряжения".

Как видите, здесь уже сосредоточены все основные “точки опоры” — с одной стороны, интерес самого простого люда именно к царским бриллиантам, то есть к ограненным алмазам, камням самой высокой ценности, с другой стороны — готовность ответа: да, мы понимаем запрос, но дело в том, что Уралсовет уже позаботился о бриллиантах.

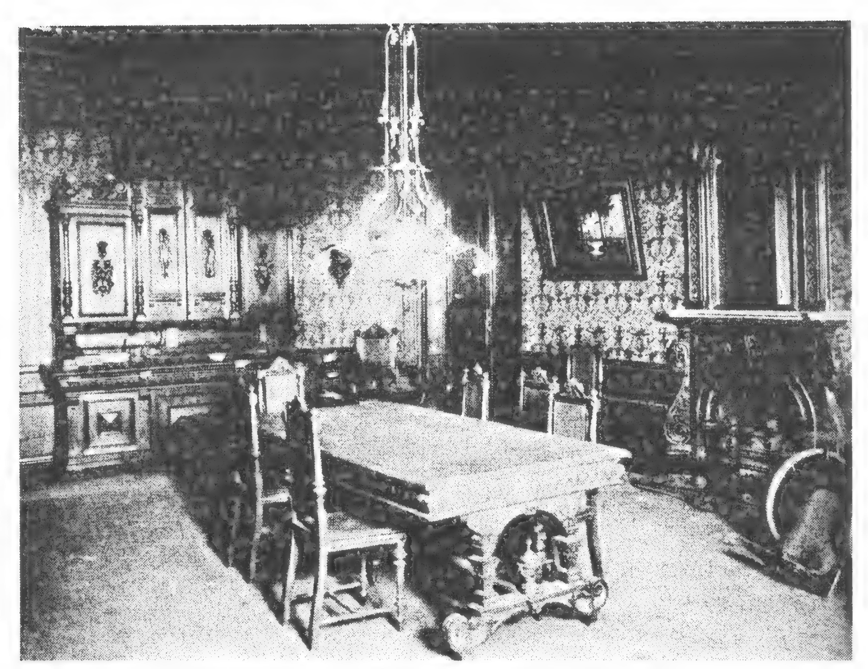
Заботы о драгоценностях теперь, когда мы знаем все происходящее, нам понятны. Если царица недоумевала, зачем отбирать ее личную собственность, то для Уралсовета это было народное достояние, а для рабочих же, особенно из числа охранявших августейшую семью, стало именно личным их достоянием, а не чьим-нибудь там. Отсюда и строки в”Записке” Я.Юровского:

“Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, выстланный сукном, чтобы не протекала кровь. Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов, пока продолжалась переноска (трупы выносили по одному). Под угрозой расстрела все похищенное было возвращено (золотые часы, портсигар с бриллиантами и т.д.)”.

Был еще очевидец этого случая, оставивший свои воспоминания. Это был боец охраны дома А.Стрекотин. Вот его слова: “При выносе трупов некоторые из наших товарищей из охраны стали оснимывать находящиеся на трупах разные вещи, как то: часы, кольца, браслеты, портсигары и другие вещи. Об этом сообщили тов. Юровскому, и он поспешил вернуться вниз. В это время уже выносили последний труп. Товарищ Юровский остановил нас и предложил нам добровольно сдать снятые с трупов разные вещи. Кто сдал полностью, кто часть, а кто и совсем ничего не сдал”.

Смотрите, как расходятся описания происходившего после расстрела и как они разнятся. Вроде бы факт один и тот же — трупы стали обирать. Юровский пишет, что “все было возвращено”, а Стрекотин заявляет — “...кто часть, а кто и совсем ничего не сдал”. Кому верить? Конечно, Стрекотину. Юровский не видел, кто конкретно стал “оснимывать”. Стрекотин же был в числе тех, кто мог сказать о себе — “остановил нас и предложил нам добровольно...” Именно “нам”. И “добровольно”, тогда как Юровский уверяет, что “под угрозой расстрела”.

Конечно, можно иметь претензии к товарищам по борьбе, которым очень приглянулись царские вещи, но грозить расстрелом — это уж слишком! Просто-напросто на практике реализовывался лозунг “Экс-

Столовая в Ипатьевском доме. На таком столе после расстрела могли лежать драгоценности царской семьи. *Архив.*

проприация экспроприаторов", а проще, по-русски — "Грабь награбленное". Но это было только началом.

Когда расстрелянных вывезли в лес и автомобиль не мог двинуться дальше, "начали перегружать трупы на пролетки, тогда как нужны были телеги. Это было очень неудобно. Сейчас же начали очищать карманы — пришлось и тут пригрозить расстрелом и поставить часовых" (Юровский). Вот же несознательный народ — идут исторические минуты уничтожения царской семьи, а они "начали очищать карманы". Да, кстати, а кто же эти "они"? Ворье, жулики, ну, темные обыватели, наконец?

Нет, кроме рабочей охраны, той, которая еще в доме Ипатьева прекратила кражи только под угрозой расстрела, здесь был "целый табор — человек 25 верховых, в пролетках и т.д. Это к(отор)ых приготовил Ермаков". Как видно, классовая ненависть распространялась и на личные вещи покойных.

И это еще не все. “Когда расставили часовых, разожгли костер, стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями, — в отверстиях видны были бриллианты. У публики явно разгорелись глаза. Ком. (“ком” — сокращенное от слова “комендант”, так сам называет себя Юровский. — *Э.Я.*) решил сейчас же распустить всю артель, оставив на охране несколько человек часовых и 5 человек команды. Остальные разъехались. Команда приступила к раздеванию и сжиганию. На А.Ф. оказался целый жемчужный пояс, сделанный из нескольких ожерелий, зашитых в полотно... Бриллианты тут же переписывались, их набралось около полупуда. Это было похоронено на Алапаевском заводе в одном из домиков в подполье. В 19-м году откопано и привезено в Москву.”.

Вот в последнее не поверю — дело было к утру 17 июля, до отъезда в Москву Голощекина оставалось полтора дня, за это время Юровский дважды возвращался в город — так что же, драгоценности все время оставались в Екатеринбурге? Зачем? Неделю после расстрела шла эвакуация советских учреждений, в эти дни уехали и члены Уралсовета, а золото и бриллианты продолжали находиться в городе? И что — нужно было отвозить ценности в Алапаевск и там прятать? В городе, где уничтожили великих князей и где белые, которые явно придут и сюда, начнут поиски?

То, что написано выше, касается драгоценностей только в комнате и на трупах. Но ведь и в обиходе царской семьи находилось немало иных ценных вещей. Вот что показывал П.Медведев: “В три ночи все было кончено. Юровский ушел в свою канцелярию, а я к себе в команду. Проснулся часу в девятом утра и пришел в комендантскую комнату. На всех бывших в комендантской комнате столах были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали драгоценности, отобранные у царской семьи перед расстрелом, и бывшие на них золотые вещи...

Утром 18-го ко мне приехала жена, и я с нею уехал в Сысертский завод раздать деньги семьям служивших в команде”.

Специально, цитируя показания П.Медведева, данные им на следствии у Сергеева, оставил я последнюю строку. Не хотелось, чтобы команда, охранявшая царя и принимавшая (хоть и косвенно) участие в расстреле, выглядела группой бандитов, каких-то отщепенцев. Нет, это были глубоко верящие в свое дело люди, дисциплинированные, с высоким чувством ответственности. За примером недалеко ходить:

17 июля Медведев подбирает со стола деньги, затем находит и присваивает серебряные вещи, а 18-го увозит (один! — жена не в счет) в Сысерть деньги — зарплату всей команды. Ведь будь хоть какое-то сомнение в его честности, поручили бы ему отвезти деньги? Кстати, и о них — выдавалась зарплата, ее отвозили семьям, что-либо украсть — об этом и речи не могло быть. А вещи (и драгоценности) царской семьи — так это же наше народное. Не зазорно поэтому и "очищать карманы" покойных, как вполне искренне написал Я.Юровский.

Но вернемся к тому, с чего началось это отступление. Было ли что-то такое? Снова "Записка", в которой после удивления автора из-за того, что Алексей, три из его четырех сестер, фрейлина и Боткин были еще живы, а ведь целили прямо в сердце, сообщается: "Удивительно было и то, что пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате. Когда одну из девиц пытались доколоть штыком, то штык не мог пробить корсаж". Далее, при перевозке трупов "обнаружилось, что на Татьяне, Ольге, Анастасии были надеты какие-то особые корсеты". Перед сожжением, "когда стали раздевать одну из девиц, увидели корсет, местами разорванный пулями, — в отверстии видны были бриллианты".

Вроде бы все логично обоснованно. Но вот все же неувязки — во-первых, так называемые "корсеты" надеты на трех сестрах, а живы были еще Алексей, Боткин и Демидова. Похоже, дело в умении стрелять, а не в тех "бронежилетах", которые якобы берегли дочерей царя. Во-вторых, по уверению Я.Юровского, "пули от наганов отскакивали от чего-то рикошетом и как град прыгали по комнате". Вот уж во что не поверю, так в это. Люди, когда-либо стрелявшие из нагана, знают страшную убойную силу его тупых пуль. Тем более страшную, что стреляли с расстояния метра, а то и меньше. Если же такие пули действительно рикошетировали и "как град прыгали", они не могли не задеть кого-нибудь из стрелявших. "Прыгали по комнате" — и никто не ранен, даже не царапнуло?

Похоже, эта романтическая вставка появилась вот почему — о корсажах с драгоценностями знали все (после расстрела, конечно, когда это обнаружилось), знали и о том, что, несмотря на отчаянную пальбу в упор, из 11 человек на месте убито было лишь пятеро, шестерых пришлось достреливать и прикалывать штыками. Почему — это не объяснить и сейчас. Вот и родилась версия о драгоценностях, от которых отскакивали пули...

СООБЩЕНИЕ В МОСКВУ

Самое главное было сделано. Оставалось лишь поставить в известность Москву. О том, как это происходило, поведал всем редактор газеты “Уральский рабочий” В.Воробьев, разумеется, редактор тех грозных лет. В 1928 году он опубликовал в журнале “Прожектор” статью “Конец Романовых”. Судя по всему, был хорошим журналистом и прекрасно понимал значение самых разных мелких деталей, мимо которых проходили другие. Достаточно вспомнить хотя бы историю о том, как Николай II подписался на... партийную газету.

Николай II поинтересовался, какие газеты выходят в Екатеринбурге, у дежурного члена Исполкома Совета (каждые сутки дежурил кто-либо из членов Исполкома). На этот раз его собеседником оказался редактор “Уральского рабочего”. Тот объяснил, что есть две газеты — партийная “Уральский рабочий” и “Известия” местного Совета.

“— Партийная — это что? Что большевики издают?

— Большевики.

— Как бы устроить, что я мог эту газету получать?

— Очень просто: взять и подписаться на газету. Будете получать ее через коменданта.

— Как же мне подписаться?

— Я редактор этой газеты. Дайте мне денег, и я сам для вас выпишу газету.

Николай деловито осведомился, сколько стоит на месяц “Уральский рабочий”, и тут же в саду вручил мне подписную плату”.

Вот такие детали рассыпаны по всему повествованию. Вроде бы и в лоб объясняющие судьбу Романовых, но так четко рисующие атмосферу тех дней, характеры действующих лиц. В.Воробьев вспоминал и о том, что произошло после расстрела, как сам узнал о случившемся.

“Увозить бывшего царя было некуда, да и везти его было далеко не безопасно. И на одном из заседаний Облсовета мы решили Романовых расстрелять... На следующий день утром я получил в президиуме Облсовета для газеты текст официального сообщения о расстреле Романовых.

— Никому не показывай, — сказали мне, — необходимо согласовать текст сообщения о расстреле с центром...

Я был обескуражен: кто был когда-либо газетным работником, тот поймет, как мне хотелось немедленно, не откладывая, козырнуть в

газете такой редкой сенсационной новостью — не каждый день случаются такие события, как казнь царя...

Я поминутно звонил по телефону — узнавал, не получено ли уже согласие Москвы на опубликование... Лишь на другой день, то есть 18 июля, удалось добиться к прямому проводу Свердлова... К аппарату сел сам комиссар телеграфа. Белобородов начал докладывать ему то, что надо передать Москве".

Понятно, что такое важное сообщение мог передавать только комиссар. Как писал В.Воробьев, все находились в возбуждении — "было очень не по себе, когда они подошли к аппарату: бывший царь был расстрелян постановлением президиума Облсовета и было неизвестно, как на это "самоуправство" будет реагировать центр..."

Для многих это свидетельство непричастности центра к расстрелу — дескать, только власть на местах могла принять столь жесткое решение, реализовать его и лишь после всего информировать Москву о случившемся. Не спорим — время было такое, что на согласование действий с центральной властью часто не было возможности. Ну, и что же центральная власть?

"...Затаив дыхание, мы качнулись к выползавшей из аппарата ленте, на которой точками и черточками замаскировались чеканные, почти металлические звуки свердловского голоса.

— Сегодня же доложу о вашем решении президиуму ВЦИКа. Нет сомнения, что оно будет одобрено... Извещение о расстреле должно будет последовать от центральной власти, до получения его от опубликования сообщения воздержитесь...

Мы вздохнули свободней, вопрос о самоуправстве можно было считать исчерпанным..."

Вот весь текст первого сообщения о расстреле царя. Да, именно одного царя. Обратите внимание, что дата ошибочна, считается, что сказалось, вероятно, волнение тех, кто не только так успешно уничтожил семью, но даже обманул самую главную власть — ведь в Москву передавались, мягко говоря, "неточные сведения".

"Председателю Совнаркома тов. Ленину, председателю ВЦИК тов. Свердлову.

Из Екатеринбурга, у аппарата президиум обл. Совета рабоче-крестьянского правительства.

Ввиду приближения неприятеля к Екатеринбургу и раскрытия ЧК большого белогвардейского заговора имевшего целью похищение быв-

шего царя и его семьи точка документы в наших руках точка постановлению президиума областного Совета в ночь на 16 июля расстрелян Николай Романов точка семья его эвакуирована в надежное место по этому поводу нами выпускается следующее извещение ввиду приближения контрреволюционных банд красной столице Урала и возможности того запятая что коронованный палач избежит народного суда скобки раскрыт заговор белогвардейцев пытавшихся похитить его самого и его семью и найдены компрометирующие документы будут опубликованы скобки президиум областного Совета исполняя волю революции постановил расстрелять бывшего царя Николая Романова запятая виновного в бесчисленных кровавых насилиях против русского народа в ночь на 16 июля 1918 года приговор этот приведен в исполнение семья Романовых содержавшаяся вместе с ним под стражей интересах охраны общественной безопасности эвакуированы из города Екатеринбурга точка президиум облсовета точка просим ваших санкций редакции данного документа документы заговора высылаются срочно курьером Совнаркому и ЦИК извещение ожидаем у аппарата просим ответ экстренно ждем у аппарата...".

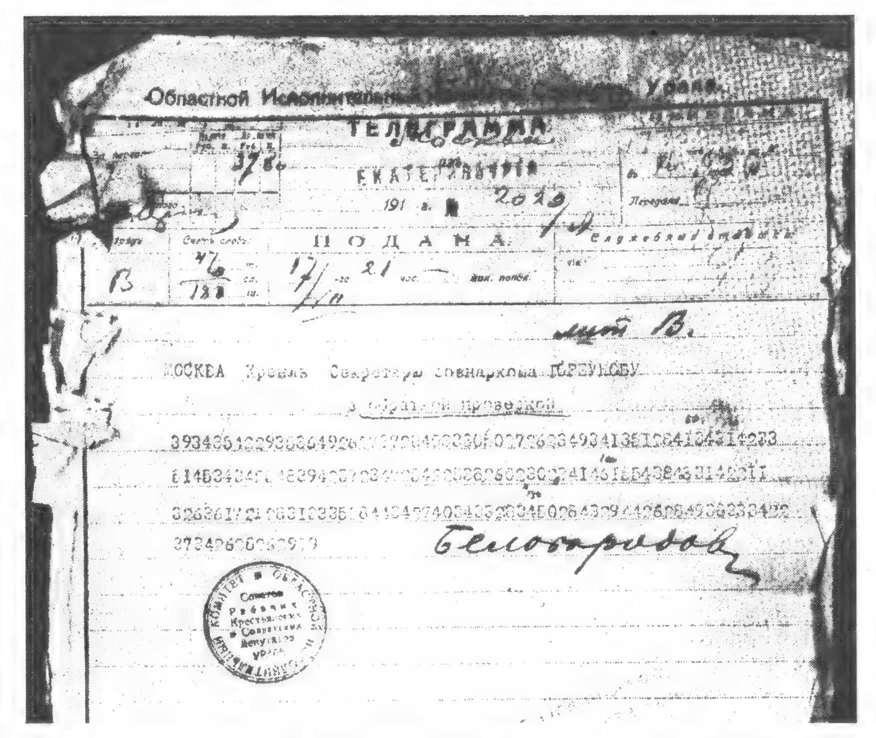
Вот на эту-то телеграмму и получили екатеринбургские большевики ответ от Я.Свердлова: "доложу о вашем решении... оно будет одобрено". Председатель ВЦИК и не думал, что кто-то будет протестовать против казни царя. Тем более, что "семья эвакуирована...".

Но есть и другой факт. Н.Соколов утверждает, что еще утром 17 июля пошла другая телеграмма. Шифрованная, трудная для прочтения, но все же ставшая достоянием не только тех, кому она была адресована.

"Москва. Кремль.Секретарю Совнаркома Горбунову.

Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу, официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов.".

Если принять эту телеграмму на веру, а нет оснований подозревать следователя в фальсификации, то поневоле приходишь к мысли, что все случившееся было не самоуправством, а четким выполнением заранее обговоренного плана. Если подобная телеграмма ушла в Москву рано утром после расстрела, то откуда там знали, что царь уже убит? Или заранее было известно, что главу должна постигнуть подобная участь, а телеграмма лишь подтвердила это. В таком случае вывод один — спланирована была акция на самом высшем уровне, а выпол-

Областной Исполнительный ... Урала.
ТЕЛЕГРАММА
ЕКАТЕРИНБУРГ
ПОДАНА
Счет слов
Служебные отметки
МОСКВА Кремль Секретарю Совнаркома ГОРБУНОВУ
с обратной проверкой
Белобородов

Текст зашифрованной телеграммы в Москву, в которой говорится о том, что “семейство постигла та же участь”. *Архив.*

нена руками местных большевиков. Но они же и расширили рамки акции, добавив в список жертв и всю семью. Подобное явно не предполагалось заранее, но местной власти центр во многом был не указ. Раз так — это и должно получить высочайшее одобрение. И получило.

“Протокол №1. Выписка из заседаний ВЦИКа от 18.7.1918. Слушали: сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга).

Постановили: По обсуждении принимается следующая резолюция: ВЦИК в лице своего президиума признает решение облсовета правильным. Поручить тт. Свердлову, Сосновскому, Аванесову составить соответствующее извещение для печати. Опубликовать об имеющихся во ВЦИК документах (дневник, письма).”

Это сухие строчки протокола. Есть и более художественные рассказы. Например, как это сделал В.Милютин в 1924 г., описывая сцену в Совете Народных Комиссаров.

"При обсуждении проекта о здравоохранении, во время доклада т. Семашко, вошел Свердлов и сел на свое место, на стул позади Ильича. Семашко кончил. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищ Свердлов просит слова для сообщения.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим ровным голосом, — получено сообщение, что в Екатеринбурге расстрелян Николай. Николай хотел бежать. Чехо-словаки наступали. Президиум ВЦИК постановил одобрить.

Молчание всех.

— Перейдем теперь к постатейному чтению проекта, — предложил Ильич.

Началось постатейное чтение".

Теперь вспомним строки из протокола ВЦИК. "Поручить тт. Свердлову, Сосновскому, Аванесову подготовить соответствующее извещение для печати". Оно было? Да, следы можно отыскать и в книге Соколова. Дело в том, что в Екатеринбург пришла телеграмма из Москвы, найденная позже в здании Уральского областного Совета. Вот она:

"19 июля. Состоявшемся 18 июля первом заседании Президиума ЦИК Советов председатель Свердлов сообщает полученное прямому проводу сообщение областного Уральского Совета расстреле бывшего царя Николая Романова. Последние дни столице Красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имеющих целью вырвать рук Совет. власти коронованного палача. Ввиду этих обстоятельств президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение 16 июля. Жена, сын отправлены в надежное место. Документы раскрытом заговоре высланы в Москву специальным курьером".

Еще раз стоит прочитать текст, переданный Белобородовым в Москву, и сравнить его с вышеприведенным. Они если не совпадают слово в слово, то по общему смыслу идентичны (даже ошибка в дате). Ясно, что "соответствующее извещение" опиралось на уральс-

кий текст. А теперь давайте еще раз (по дням) разберем хронику событий.

Ночь с 16 на 17 июля — расстрел царской семьи.

Утро 17 июля — телеграмма (шифрованная!) о том, что "все семейство постигла та же участь".

Первая половина 18 июля — разговор со Свердловым.

Вечер 18 июля — информация Свердлова во ВЦИКе о случившемся.

19 июля — дата первого сообщения бюро печати при ВЦИКе, оно распространялось телеграфно, вероятно, это было нелегко сделать, отчего в сам Екатеринбург телеграмма пришла лишь 21 июля. Было ведь сказано уральцами: "— просим ваших санкций редакции данного документа", на что последовал ответ: "— Извещение о расстреле должно будет последовать от центральной власти, до получения его от опубликования сообщения воздержитесь...".

Итак, 21 июля пришла телеграмма.

22 июля в городе широко распространялась весть о расстреле Романовых. На заводах и фабриках порой проходили летучие митинги. Как позже писал Ермаков: "Состороны рабочих было встречено бурным выражением восторга было принята намитингах резолюции которых говорилось Казнь Николая Кровавого служит грозным предостережением буржуазной монархической контрреволюции, пытающейся затопить в крови рабоче крестьянскую революцию." (Сохранена орфография подлинника. — *Э.Я.*).

Задержка телеграммы привела к небывалому — случившееся в Екатеринбурге стало известно в Европе раньше, чем в самом городе. Уже 21 июля французская "Матэн" сообщает: "Париж. 20 июля. Агентство Гавас передает. Русское Советское правительство распространяет радиограмму, излагающую обстоятельства смерти бывшего императора в соответствии с полученными этим правительством сведениями от Уральского Совета. Ввиду того, что силы контрреволюции вознамерились освободить Николая II, о чем свидетельствует и организованный ими заговор, ныне разоблаченный, Уральский Совет решил: расстрелять бывшего царя. В ночь на 17 июля приговор приведен в исполнение".

Как видно, агентство Гавас вполне точно передало распространявшееся по радио на Европу сообщение, идентичное телеграмме, "имевшей хождение" только внутри Советской России. Да и что иного

могли опубликовать парижские газеты, отрезанные от каких-либо источников информации, кроме официальных. А судьба бывшего императора им была не чужда — как писал М.Касвинов, 17 июля та же "Матэн", рассказывая о положении в России, особое внимание уделила ситуации в районе Екатеринбурга, где шло наступление чехословаков и казачьих частей. Совпадение, конечно же, можно объяснить и случайностью — французов-де интересовали ранее принадлежавшие им рудники и заводы, но, согласитесь, две такие информации подряд в одной и той же газете наводят на определенную мысль.

И, наконец, 23 июля — газета "Уральский рабочий". Номер, вошедший в историю. Номер, начинающийся большой статьей "Казнь Николая Кровавого". Ей предпослана "шапка" — по сути дела, официальное заявление о расстреле. Процитируем его полностью:

"Капиталисты и помещики: русские, союзные и немецкие хотят удушить рабоче-крестьянскую революцию и восстановить царское самодержавие. Социал-предатели из лагеря врагов Советской власти помогают им.

Контр-революционные банды во главе с царским генералом Алексеевым наступают на красную столицу Урала, но им не победить уральских рабочих и крестьян.

Белогвардейцы пытались похитить бывшего царя и его семью.

Их заговор был раскрыт. Областной Совет Рабочих и Крестьян Урала предупредил их преступный замысел и расстрелял всероссийского убийцу.

Это первое предупреждение. Врагам народа также не достичь возвращения к самодержавию, как не удалось заполучить к себе в стан коронованного палача".

Вот такое вступление. Собственно, оно уже и рассказало о случившемся. Поэтому последующая статья "Казнь Николая кровавого" (в заголовке "кровавого" — с маленькой буквы), по сути дела, лишь "расшифровка" того, о чем мы уже узнали. Но, как всегда бывает, при составлении текста второпях проскакивают мелкие "блошки", дающие порой пищу для размышлений. Причем не по причине написанного, а по желанию читающего.

Многое привлекало уральцев в статье Сафарова. Написана она образным, ярким языком в духе митинговых выступлений того времени, но гораздо лучше любых газетных материалов. Это и не удивительно, ведь автор статьи принадлежит не просто к революционной

элите Урала, но и к наиболее образованной части большевиков. Выходец из интеллигентной семьи, он еще четырнадцатилетним гимназистом вступил на революционную стезю. Два ареста и с 1913 года — за границей. И не просто, а рядом с Лениным, который, например, послал его на международную конференцию в Берне с... Инессой Арманд. С Лениным же Сафаров и вернулся в Россию в апреле 1917 года.

Вот что он писал: "Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца. Историей ему давно был вынесен смертельный приговор... Народный суд над коронованным убийцей опередил замыслы контрреволюционеров. Воля революции была исполнена, хотя при этом были нарушены многие формальные стороны буржуазного судопроизводства и не был соблюден традиционный исторический церемониал казни "коронованных особ". Рабоче-крестьянская власть и в этом случае проявила крайний демократизм: она не сделала исключения для всероссийского убийцы и расстреляла его наравне с обычным разбойником".

Какие слова!.. Зная накаленность тех дней, понимаешь все, что хотел выразить автор — уверенность в своей правоте, пренебрежение к мнению "со стороны", стремление наиболее ярко донести до читающего сам факт случившегося, ничуть не скрывая его. И зачем только чехи и казаки теряли время на проверку версий — а вдруг не убит, а вдруг то ли увезенный в поезде, то ли отправленный на аэроплане. Разве такое может обманывать?

Но образная риторика Сафарова, верно, не очень понималась окружающими и, в первую очередь, читателями этой передовицы в "Уральском рабочем". Вот как она заканчивалась: "Нет более Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: вы поставили ставку на императорскую корону.

Она бита.

Получите сдачи — одну пустую коронованную голову!"

Прочитали это обыватели и задумались — а почему речь идет о голове? Ведь вроде бы прямо написано — большевистская власть "расстреляла его". А тут голова, да еще и пустая. И рождалась, ширилась легенда о голове. Сначала только об императорской, затем добавили головы его супруги и детей. Отрубили... Нет, не только отрубили, но и увезли... Увезли в Москву...

Вот так реагировали горожане на сообщения о факте расстрела главы царской семьи, на красочный стиль статьи Сафарова.

В заключение — реакция на это же охраны дома: “Через несколько дней после расстрела появилась заметка в местной Екатеринбургской газете, что “царь Николай-2-й расстрелян, а его семья отправлена в надежное место”. Эта заметка была для команды юмором...” (А.Стрекотин).

МИФ О ЦАРСКОЙ ГОЛОВЕ

Каждое великое деяние, каждый катаклизм истории вызывает свои мифы. Не может быть движения, понятного сразу двум сторонам, принимаемого как единый путь, единое действие. Что-то в поступках противника может показаться непонятным, загадочным, для объяснения этого придумываются причины, не совсем ясные даже тем, кто их выдумал. Вот так и рождаются мифы.

Один из них начал свою жизнь через несколько дней после расстрела царской семьи. В книге М.Дитерихса можно прочитать и о рождении мифа, и о его, так сказать, документальном "оформлении".

"После свершения преступления 19 июля 1918 года вечером Исаак Голощекин поехал в специальном вагоне-салоне в Москву, причем с собой вез в салоне три тяжелых не по объему простых ящика, в которых, по его словам, были образцы снарядов для Путиловского завода. Останавливался он в Москве опять-таки у Якова Свердлова, пробыл пять дней и в том же вагоне поехал в Петроград, но ящиков с ним уже не было. Это были самые обыкновенные дощатые укупорочные ящики. С его пребыванием в Москве среди мелких служащих Совнаркома... распространился слух, что Исаак Голощекин привез в спирту головы бывшего царя и членов его семьи..."

Подобная версия очень широко смаковалась на Западе, и ныне, шагнув и на страницы наших изданий, заставляет задумываться неискушенных читателей. Действительно, что с них — большевиков — взять. Сколько нынче на них вылито грязи, что вполне возможно допустить и такое. Убить-то убили, так почему бы не отрубить головы. А раз отрубили, то не случайно — надо отчитаться. Перед кем? Ясно — перед Лениным, Троцким, Свердловым, короче — перед Кремлем.

Под такое утверждение нужны были какие-то вещественные доказательства. Для начала вспомнили цитату из статьи Сафарова в "Уральском рабочем" — "Казнь Николая кровавого" (в заглавии именно так — "кровавого" с маленькой буквы). Вот что в ней писалось: "Нет больше Николая Кровавого, и рабочие и крестьяне с полным правом могут сказать своим врагам: вы поставили ставку на императорскую корону? Она бита. Получите сдачу — одну пустую коронованную голову..." Видите — голову!

О том, что подобные версии широко ходили на Западе, свидетельствует и М.Касвинов. По его словам, эмигрант Брешко-Брешковский описал эту сцену примерно вот так, как пересказывает ее сам Касвинов:

“Юровский и Ермаков в июле восемнадцатого года представили Президиуму ВЦИК головы казненной царской четы. Оказывается, стараниями Соколова была раскрыта тайна, будто бы большевики в первые годы революции практиковали такую форму отчетности о проделанной работе, как предъявление начальству отрубленных голов.

На представленные головы вышестоящие комиссары косятся недоверчиво. Но Юровский настаивает: “Каких доказательств вы еще можете требовать? Вот ее императорское величество, вот его императорское величество...” И Юровский опустил головы до земли...”.

Описывается (хоть и в изложении Касвинова) так, как будто дело шло сразу же после казни. Как с Людовиком и его супругой — тогда палач, высоко подняв, демонстрировал всем присутствующим каждую “отдельно взятую” голову. Таков был обязательный ритуал казни — казни на гильотине. Обычай французский и, вероятно, хорошо известный пребывающему в эмиграции русскому писателю. Он и сложил (причем довольно неуклюже) французский обычай показывать головы казненных — точнее, свежеказненных, хотя это и звучит кощунственно, с головами, отрубленными много дней назад, то есть привезенными в Кремль. По легенде, головы привезли в спирте. Так что, Юровский вытаскивал их из упаковки?

Еще о спирте. Вот стихи Н.Денисова:

В стране содом. И все — в содоме.
Пожар назначен мировой.
И пахнет спиртом в Совнаркоме —
Из банки с царской головой.
Примкнув штыки, торчит охрана.
Свердлов в улыбке щерит рот.
И голова, качаясь пьяно,
К столу Ульянова плывет...

Но все это косвенные рассказы, сплетни, слухи. Нужны были свидетели. Как сообщила “Неделя” (№26, 1990), подобное заявление делал знаменитый Илиодор (знаменитый на Западе, у нас почти не известный). Илиодор был иеромонахом, позже не только сбросившим сан, но и перешедшим на сторону большевиков. Перешедшим в “квадрате” — Илиодор стал... чекистом. Позже еще раз сменил окраску — сбежал за границу. Там, разумеется, стал выступать с разоблачениями — жить-то надо.

“В 1934 году выходившая в Румынии газета “Наша речь” напечатала рассказ Илиодора о том, как в 1919 году он видел в Кремле заспиртованную голову Николая II” — это из упомянутой “Недели”.

В.Родиков в “Инженерной газете” привел интересный факт. Его знакомый историк Н.Борисов работал в Праге в славянской библиотеке. Там читал и эмигрантские издания прошлых (довоенных) лет. В каком-то из журналов один из невозвращенцев, друг председателя ВСНХ В.Куйбышева, рассказал вот такую историю. Якобы после смерти Ленина авторитетнейшая комиссия (Дзержинский, Куйбышев, Сталин) вскрыла его личный сейф. И — о ужас! — обнаружила стеклянный сосуд с головой Николая II. (Впрочем, может быть, и не ужас — все перечисленные лица должны бы знать о таком “документе”).

Что делать с головой? Как всегда в чрезвычайных ситуациях, дело уладило ОГПУ. Группа арестантов замуровала голову в кремлевской стене — учтите, с внутренней стороны, прах героев революции замуровывали с внешней. После этого арестантов ликвидировали, таким образом старались сохранить тайну.

Казалось бы, что еще надо?! Видный деятель революции подтверждает тайну: голова царя была привезена в Кремль, там залежалась в сейфе Ленина и где-то в 1924 году оказалась замурованной в кремлевской стене. Но как же быть тогда с другими “сведениями”, усиленно распространявшимися в печати?

В 1951 году в Париже вышла книга С.Мельгунова “Судьба Императора Николая II после отречения”. В ней можно прочитать вот что: “Отметим одну такую фантастическую “быль”, которая в основе своей создана была разговором местных жителей и которая служила как бы эпилогом к екатеринбургской драме. Упомянуть о ней стоит уже потому, что распространение ее связано с именем капитана Б., помогавшего ведению следствия Соколова, — по крайней мере на него, на его авторитетное свидетельство ссылается в 29-м г. автор статьи в парижском “Русском времени”, впервые на столбцах эмигрантской прессы рассказавшей этот апокриф. Дело идет не более и не менее как о том, что в Москву среди вещественных доказательств, имевших отношение к убийству в д. Ипатьева, была доставлена в особой “кожаной сумке” стеклянная колба, наполненная красной жидкостью, в которой находилась голова казненного императора”.

Сам Мельгунов якобы не поверил в 1921 году тому самому капитану Б. — Булыгину. Но потом прочитал в "Франкф. Кур." от 20 ноября 1928 г. статью "Судьба царской головы". В ней некий пастор Курт-Руфенбюргер со слов свидетеля рассказывал о сожжении в 1918 году полученной из Екатеринбурга царской головы. Тот же Мельгунов, как ни странно, уточнял, что голову в спирту в 1919 году видел Илиодор, получивший за сенсационное сообщение 1000 долларов.

Статья в "Франкфуртском курьере", вероятно, широко перепечатывалась в других изданиях. Достоянием нашего читателя она стала под названием "Тайна головы императора" ("Лит. Россия", №32, 1991). С.Рыбас нашел ее в архивах, в газете "Ганноверише Анцайгер" от 7 декабря 1928 г. Это явно та самая статья, ибо все, о чем говорил Мельгунов, есть в ней, включая личность свидетеля. Да и даты совпадают.

Сначала автор говорит: "Всем известно, что большевики убили Императора Николая II со всей его семьей 18 июля 1918 года в городе Екатеринбурге". Москва же, получив сведения о перехваченной телеграмме — "Царь со всей семьей увезен своими приверженцами в надежное место", — немедленно потребовала от Белобородова вещественных доказательств. В ответ на эту телеграмму был получен 26 июля запечатанный кожаный чемодан, в котором находилась голова государя".

Ленин якобы тут же собрал наиболее приближенных к нему лиц — Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Дзержинского, Каменева, Калинина и Петерса. Они все подписали протокол (?!), что действительно привезена голова царя. И тут же встал вопрос: что с ней делать? Зиновьев и Бухарин предложили сохранить ее в музее, но большинство высказалось за уничтожение. Погода, конечно же, была соответственной. Вспомните, что писал это якобы пастор, и поймете смысл нагнетания страстей: "Покрапывает дождик, за Москвой-рекой виден пожар, мимо нас несется кремлевская пожарная команда, церковные колокола бьют в набат. Крыленко шепчет: "Тени старой России оплакивают своего бывшего Властелина". Раздается гром, молния, и я вижу, как один из присутствующих крестится, Крыленко восклицает: "Черт возьми, едва я не сделался виновником этого несчастья!"

Увлекательное начало, не правда ли? Напомним, что Крыленко потом был наркомом юстиции и именно ему пришлось бы вести предполагавшийся процесс. Но будем читать дальше.

“...Их было человек 20. Между ними Эйдук, Смирнов, Бухарин, Радек с сестрой и несколько других. Немного погодя появляется Петерс с Балабановой, за ними следуют Коллонтай, Лацис, Дзержинский и Каменев... Последним появляется Троцкий. При его появлении на стол ставят 4-угольный чемодан. Троцкий здоровается с присутствующими, испытующе смотрит на них и затем, переговорив с Дзержинским и Бухариным, приказывает открыть чемодан...”

Идет описание, как столпились собравшиеся, как реагировали женщины — “с одной из женщин сделалось дурно”, о чем переговаривались возле стола с чемоданом.

“Теперь и я имею возможность рассмотреть содержимое чемодана. В нем оказался толстый стеклянный сосуд с красноватой жидкостью; в жидкости — голова Императора Николая II. Мое волнение до такой степени велико, что я с трудом могу узнать знакомые черты. Но сомнений быть не может: перед нами находится голова последнего русского Царя — доказательство страшного злодеяния, совершенного 10 дней назад у подножия Уральского хребта. Этот ужас испытывают и все остальные. Слышатся замечания. Бухарин и Лацис удивляются тому, что Царь так рано поседел, и действительно волосы на голове и бороде белы. Возможно, что это — последствия последних трагических минут перед мученической кончиной, жертвой которой он пал вместе со своей супругой и своими возлюбленными детьми. Возможно, что это — последствия войны, революции и долгого заточения”.

О царе — все. Последний абзац статьи о том, как Троцкий потребовал от присутствующих подписать протокол, после чего “Троцкий приказывает поднести сосуд к пылающей печи. Все склоняют головы, невольно расступаясь, но это только на одно мгновение: настоящие коммунисты не могут показывать свои внутренние переживания.”

Вот и все, о чем говорилось в статье “Тайна головы императора”. Такое большое место мы уделили ей по одной причине — как ясно из книги Мельгунова, до сих пор на нее ссылаются в эмигрантской среде, а после публикации в нашей стране будут ее цитировать и у нас. И еще — везде передаются слухи и сплетни, здесь же законченный рассказ очевидца. Но очевидца ли?

Начнем с самого начала, но не будем цепляться за ошибку в дате — 18 июля вместо 17-го. Посмотрим на ситуацию: Москва затребовала подтверждение, и ей тут же прислали голову царя. Но, вероятно,

заранее знали, что надо прислать? Иначе что же получается — расстреляли, схоронили или сожгли, а уже потом по запросу достали голову? Нет, ответ может быть только один: голову для посылки готовили заранее, если готовили...

Поверим "Тайне..." — сжигалась лишь голова царя. А как же с утверждениями, что Юровский демонстрировал еще и голову царицы? А.Дитерихс написал: "головы бывшего царя и членов его семьи". Куда же делись остальные?

В статье — "кожаный чемодан". А у Дитерихса — "три тяжелых не по объему простых ящика". Что-то не сходится по числу мест поклажи, о которой так уверенно говорят, что она содержала в себе головы. Да и вес — "тяжелый не по объему". Что здесь может быть "не по объему", если речь идет о заспиртованной голове? Стекло, спирт, голова — это предметы обычного, привычного для нас веса, и удивить никого не могли бы.

Удивляет требование Троцкого подписывать протоколы — "что они были свидетелями виденного". Зачем это? Или к 1928 году, когда писалась статья, уже всем было известно пристрастие укрепившейся власти к бюрократическому оформлению каждого акта? И без протокола нельзя даже сжечь голову царя?

И, наконец, последнее — даты. Из статьи видно, что голову царя (пусть одного, без семейства) привезли в Москву, показали всему большевистскому начальству и сожгли. Время — лето 1918 года, даже точнее — раз привезли 28 июля, то сожгли не позже начала августа. Что же тогда видел Илиодор в 1919 году? Что нашел Куйбышев сотоварищи в сейфе Ленина после его смерти в 1924 году?

И здесь не сходятся концы с концами. Вот почему ясно, что легенда о царской голове дала толчок своеобразному фольклору. Начало везде одно: расстреляли, а для доказательства содеянного тут же отправили голову. Все это так или иначе укладывалось в рамки одной-единственной даты — где-то около 18 июля. Кто после нее поехал в Москву? Голощекин, 19-го. Повез что-то необычное? Ящики. Все, начало легенды есть. Ну а дальше каждый добавлял от себя, тем более что тот же Илиодор получил за сенсацию тысячу долларов. Это и сейчас деньги, а в то время? За такую сумму можно придумать и поинтереснее. Особенно, если учитывать, что легенда, задав начало, не дала ответа. Каждый и придумывал по своему разумению.

Но, скажет иной, а Голощекин-то ездил, ящики возил, как это объяснить? Думается, что очень просто. Еще раз пройдемся по страницам известных нам книг и посмотрим на действия местных руководителей уже после расстрела. А точнее, посмотрим вот под каким углом — не отрицая привоза Голощекиным чего-то ценного, что нужно было хранить лично в своем салоне-вагоне, подумаем: а если это были не головы, тогда что?

Первые действия после расстрела прямо говорят об этом. Вот из показаний Ф.Проскурякова: "Когда их всех расстреляли, Андрей Стрекотин, как он мне сам говорил, снял с них все драгоценности. Их тут же отобрал Юровский и унес наверх". Запомним это и поищем в других показаниях, что же могли видеть наверху, то есть на втором этаже.

Слово А.Якимову — разводящему наружной охраны: "Расставив посты, я вошел в комендантскую. Там и застал Никулина и двоих из латышей, нерусских. Там же был и Медведев. Были все они невеселые, озабоченные, подавленные. Никто из них не произносил ни слова.

На столе комендантской лежало много разных драгоценностей. Были тут и камни, и серьги, и бусы. Много было украшений. Частью они лежали в шкатулочках. Шкатулочки все были открыты".

Якимов вошел в комендантскую и увидел там Медведева. Значит, тот появился ранее — да и появился ли, а не находился в здании все время? Хоть Медведев и называл себя разводящим, на самом деле (так утверждает Соколов) он был начальником охраны, лицом, непосредственно подчиняющимся коменданту дома — Авдееву. Он же, как полагают, и доложил в ЧК о падении дисциплины, о пьянках, в результате чего Авдеева сняли, Мошкина арестовали, а новым комендантом назначили Юровского, тут же заменившего внутреннюю охрану "латышами", составившими потом "расстрельную команду".

Напомним, что существуют два протокола допроса Медведева. Один составлен арестовавшим его Алексеевым, другой — следователем Сергеевым.

Вот что Медведев рассказал Алексееву: "Со всех членов царской семьи сняли, когда они были еще в комнате, кольца, браслеты и двое золотых часов. Вещи эти тут же передали коменданту Юровскому. Сколько было снято с умерших колец и браслетов, он не знает.

...17 июля он, Медведев, вошел в дом и, придя в верхний этаж, нашел в доме большой беспорядок: вещи царские все были перерыты и разбросаны в разных местах, а разные золотые и серебряные вещи — кольца, браслеты и другие — лежали в канцелярии на столах; вещей золотых и серебряных было очень много, завалены все столы".

Об этой же картине говорил Медведев и на допросе у Сергеева:

"Проснулся я часу в 9-м утра и пришел в комендантскую комнату. Здесь уже были председатель областного совета Белобородов, комиссар Голощекин и Иван Андреевич Старков, вступивший на дежурство разводящим.

Во всех комнатах был полный беспорядок: все вещи разбросаны, чемоданы и сундуки вскрыты, на всех бывших в комендантской комнате столах были разложены груды золотых и серебряных вещей. Тут же лежали и драгоценности, отобранные у царской семьи перед расстрелом, и бывшие на них золотые вещи — браслеты, кольца, часы.

Драгоценности были уложены в два сундука, принесенных из каретника".

Как видно, оба показания Медведева не противоречат тому, что говорили Проскуряков и Якимов. Драгоценностей было много — их раскладывали на всех столах в комендантской (обратите внимание — говорится не об одном столе, а о тех, что были в комнате, явно не один стол стоял там). Давайте прикинем вес всего этого, переложенного в ящики, — не правда ли, он будет значительно больше обычного? То есть вполне соответствует той весовой характеристике, какую дали грузу соприкасавшиеся с ним лица.

Могут возразить: речь идет о двух сундуках, а не о трех ящиках. Судя по всему, сундуки были временным местом хранения драгоценностей. Ведь сам Медведев, рассказывая об этом, не выделяет иное число — все происходило 17 июля, а 18-го Медведев уехал в Сысерть. Видеть и знать, что происходило дальше, он не мог.

Настало 18 июля. Как показал Якимов: "В этот день, 18 июля, вывозились вещи из Ипатьевского дома. Я один раз сам видел, как в легковой автомобиль выносились какие-то сундуки, ящики. Автомобиль с этими вещами и ушел куда-то. Шофером на нем был Люханов, а в автомобиле вывозил вещи сам Белобородов.

Ценности же, бывшие в комендантской, в этот день, 18 июля, так и лежали там же и в таком же виде. Юровского в этот день,

18 июля, я не видел в доме. Это я хорошо помню. Кажется, я видел его часов в 6 вечера.

19 июля Юровский приблизительно с утра был в доме Ипатьева.

В этот день также вывозились вещи из дома, но память мне решительно ничего не сохранила".

Снова переберем дни. 17 июля — драгоценности лежат на столах. 18 июля снят караул — они на том же месте. А 21 июля снят караул — дом пуст, от драгоценностей тоже. Пропуск сведений в два дня — 19 и 20 июля. Стоит ли думать, что драгоценности лежали в доме до последнего момента? Конечно, нет. Из двух дней, в которые их могли упаковать и вывезти, наиболее вероятно 19-е, а не 20-е число. Именно 19 июля в Москву в салон-вагоне выехал Голощекин, увозя те самые три ящика, которые дали повод для ужасной версии. Уехал из Екатеринбурга поздним вечером — это вполне согласуется с нашим подсчетом времени: драгоценности увезены не раньше 19-го и уж никак не позже 20 июля.

И вполне понятно, что эти ящики были из числа "тяжелых не по объему", как и написал М.Дитерихс.

6 Зак. 1377

КТО ВЗВЕЛ КУРОК?

Мы пытались рассмотреть интересующий многих вопрос — кто же произвел роковой выстрел? И всегда имели в виду царя. Но ведь можно посмотреть и шире — а почему именно этот выстрел надо считать роковым? Понятно, что глава всего семейства — Николай II. Но он отрекся от престола и, по сути дела, “вышел из игры”. Может быть, роковыми стали пули, прервавшие жизнь наследника, ведь он сам не отрекался, за него это сделал отец...

Наследник был болен, вряд ли смог бы занять престол. Может, стоит говорить о Михаиле Александровиче, брате царя? Тогда следует вспомнить о его браке с дважды разведенной женщиной, явно не кандидаткой на царицу. Думается, что это серьезная преграда для возможного претендента на всероссийский трон. Остаются дочери. История (особенно наших дней) показывает, что женщины вполне могут справляться с, казалось бы, несвойственными им функциями (Елизавета II в Англии, Маргарет в Дании, да если посчитать и премьер-министров, занятых не менее августейших особ).

Надо говорить и о дочерях царя — каждая из них могла бы занять Российский трон (не забудем Екатерину I, Екатерину II, Анну Иоанновну да и Анну Леопольдовну тоже, Елизавету Петровну — как видно, и наше государство не всегда управлялось мужчинами). Царица бы управляла страной, ее муж (какой мог быть у нее выбор среди претендентов) являлся бы супругом правящей дамы, выполнял определенные представительские функции. Опыт подобных браков, взаимоотношений супругов есть, почему же Россия не могла управляться подобным образом?

Итак, еще и четыре дочери царя. А великие князья, уничтоженные в Алапаевске? Почти все они имели права на престол. Так что роковыми для российской монархии были все пули, сразившие вероятных претендентов на трон. Поэтому странными кажутся вопросы “о том, кто...” Мы сами уделили немало внимания разным свидетельствам, но сделали это, скорее, по уже установившейся традиции. Если читателей интересует подобное, то почему бы не попытаться разобраться? Попытались и, как видно, безуспешно.

Но если бы даже безо всякой доли вероятности мы и могли указать на человека, единственная вина которого заключается в том, что он конкретно застрелил кого-либо из царской семьи. Ну и что? Подошел с наганом (маузером, кольтом), выстрелил и убил (или

добил). Выполнил волю революционного народа. Или революции, революционных масс, как говорилось в то время и позже. Можно ли обвинять этого человека?

Да, именно так — можно ли обвинять человека, спустившего курок? Он действительно явился исполнителем. Но чего? Злой воли начальства, предрасположенности судьбы? Или просто выразил свою преступную наклонность, дорвавшись до возможности убивать свои жертвы "на законном" основании?

Нет и еще раз нет. Тот, кто спустил курок, был лишь последним в долгой череде людей, приложивших свою руку к тому, чтобы в подвале Ипатьевского дома лицом к лицу оказались казнимые и их палачи.

Если посмотреть на эту историю не с ее конца, а с начала, то придется вспомнить, когда же поезд, именуемый Историей, свернул на дорогу к подвалу? С февральской революции? Пожалуй, что нет. Да, царская семья попала под стражу, но ничто еще не предвещало будущего конца. Как ни странно, но самый первый шаг был сделан именно тогда, когда решили увезти царя и его семью подальше от бурлящего в котле революции Петрограда. Именно тогда началась тобольская, а позже и екатеринбургская эпопея.

Можно, конечно, гадать, а что было бы, если бы... Только гадать, ведь конец эпопеи нам известен. Есть кое-какие отправные точки — ведь мать царя и другие его родственники выехали в Ливадию, откуда, не потревоженные немцами, захватившими Крым и юг Украины, переехали далее за рубеж. Это же и могла проделать и семья самого царя, если бы его тоже отправили в Ливадию — а об этом не раз шла речь.

Но Ливадия была довольно близко от театра военных действий, более того — на пути к ней начинались восстания, громились усадьбы, на Украине усиливалось национальное движение. Посылать царя в эту кутерьму? И выбрали Тобольск, сонный город с пустым губернаторским домом. Кто же предполагал, что город, к которому не протянулась даже нитка железной дороги, станет западней вместо надежного убежища. И что направит в этот город августейшую семью человек, который никак не хотел кровавой расправы с царем.

Им был министр юстиции, а позже министр-председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский.

Он сам несколько раз сразу же после отречения Николая II и его ареста посещал Александровский дворец, осматривал охрану, разговаривал с царем и царицей, сам изымал документы. В своей книге "Русская революция" писал, что "справился о здоровье членов семьи, сказал, что их родственники за границей беспокоятся о них... обещал им без задержек доставлять все известия... Спросил, нет ли каких-либо претензий, хорошо ли держит себя стража, не нуждаются ли они в чем-либо. Я просил их не беспокоиться, не огорчаться и положиться на меня. Они благодарили меня."

Действительно, благодарить следовало. Керенский держался ровно, не унижался и не унижал арестованных. Похоже, что они просто были ему не нужны, и Керенский собирался выслать царя за границу, в Англию. Пошли переговоры с английским правительством, последнее согласилось принять Николая II. Но об этом узнал Петроградский Совет, уж он никак не хотел выпускать вчерашнего монарха. Ведь не Временное правительство, а именно Совет решил вопрос о его аресте.

"Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Протокол заседания от 3-го марта Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

"Об аресте Николая и прочих членов династии Романовых"

Постановлено:

1) Довести до сведения Рабочих Депутатов, что Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил арестовать династию Романовых и предложить Временному Правительству произвести арест совместно с Советом Рабочих Депутатов. В случае же отказа запросить, как отнесется Временное Правительство, если Исполнительный Комитет сам произведет арест. Ответ Временного Правительства обсудить вторично в заседании Испол. Комитета.

2) По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии.

3) По отношению к Николаю Николаевичу, ввиду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать в Петроград и установить в пути строгое за ним наблюдение.

4) Арест женщин из Дома Романовых производить постепенно в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти.

Оружие расстрельной ночи: маузер, наган, кольт.
Фото Б.Полякова.

Вопрос о том, как произвести аресты и организацию арестов, поручить разработать Военной Комиссии Совета Рабочих Депутатов. Чхеидзе и Скобелеву поручено довести до сведения Правительства о состоявшемся постановлении Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов."

Как видно из этого постановления, Исполком Совета хоть и решил "предложить Временному Правительству произвести арест совместно", но у себя записал твердо: "постановил арестовать династию Романовых". Ни более ни менее — всю династию! Если же Временное правительство не согласится, то Совет готов сам это сделать, т.к. все вопросы об арестах уже разрабатывает Военная Комиссия того же Совета. В постановлении, как в зеркале, отразилось и отношение Совета к царской семье, и бессилие Временного Правительства, и всевластие Совета, диктующего свою волю.

Это было 3 марта. А уже 7 марта в журнале заседаний Временного Правительства было записано следующее:

"В заседании участвовали: министр-председатель кн. Г.Е.Львов, министры: военный и морской — А.И.Гучков, иностранных дел — П.Н.Милюков, путей сообщения — Н.В.Некрасов, финансов — М.Н.Терещенко, обер-прокурор святейшего Синода В.Н.Львов и товарищ (заместитель. — *Э.Я.*) министра внутренних дел — Д.М.Щепкин.

В заседании присутствовал государственный контролер И.В.Годнев.

Заседание открыто в 21 час 45 мин.

Слушали:

1) О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги.

Постановили:

1.Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село.

2.Поручить генералу Михаилу Васильевичу Алексееву представить для охраны отрекшегося императора наряд в распоряжение командированных в Могилев членов государственной думы: Александра Александровича Бубликова, Василия Михайловича Вершинина, Семена Федоровича Грибунина и Савелия Андреевича Калинина..."

Обратим внимание вот на что — если Совет требовал "арестовать династию", то Временное Правительство признало царскую семью "лишенными свободы". Если Совет уполномочил Военную Комиссию разобраться с вопросом, как производить аресты, то генералу предложили "представить для охраны... наряд". Это не просто разница в словесных формулировках, это разница в позициях сторон, кстати сказать, сходившихся в одном — не хотевших в любом случае восстановления царской власти. Судьба же семьи Романовых и зависела от того, кто возьмет верх. Нам это сейчас известно — им же было неведомо дальнейшее.

И снова вспомним Керенского. Сначала он попытался найти наиболее простой выход — отправить царя в Англию, получив согласие Ллойд-Джорджа. Но в самую решительную минуту англичане дали отбой. Не помогло даже то, что и Николай, и его супруга были ближайшими родственниками английского короля. Вспомним — Георг V приходился Николаю II двоюродным братом, их матери — родные сестры. Мать Александры Федоровны была дочерью английской королевы Виктории, последней из Ганноверской династии. Куда, казалось бы, родней, тем более, что политическое убежище часто предоставлялось вообще любым изгнанным монархам, а тут уж прямые узы крови.

Нет, не решилась Англия помочь родне в России. Вроде все было обговорено, даже негласное обязательство германского кайзера Вильгельма II получено — германские суда не будут стрелять по кораблю, на котором Николая повезут на туманный Альбион. (Кстати, Вильгельм тоже в родне — он ведь был внуком той же английской королевы Виктории!) Нет, сработало все то же, что еще с периода Крымской войны формировалось так — "России во всем англичанка гадит". На этот раз удар пришелся по тем, кто в глазах всего мира еще недавно представлял Россию, — по царской семье.

Что оставалось? Перевести Николая II "со домочадцы" в такое захолустье, где в ближайшие месяцы, а то и годы не могло произойти что-то особенное. В город, где была бы хоть как-то развита общественная жизнь, но не ожидалось особенных потрясений. Туда, где не могло найтись какой-либо силы, способной преодолеть охрану в три сотни обстрелянных воинов, в подавляющем большинстве георгиевских кавалеров. Нет, не случайно был выбран Тобольск — он подходил по всем этим параметрам, да еще и пустовал в нем

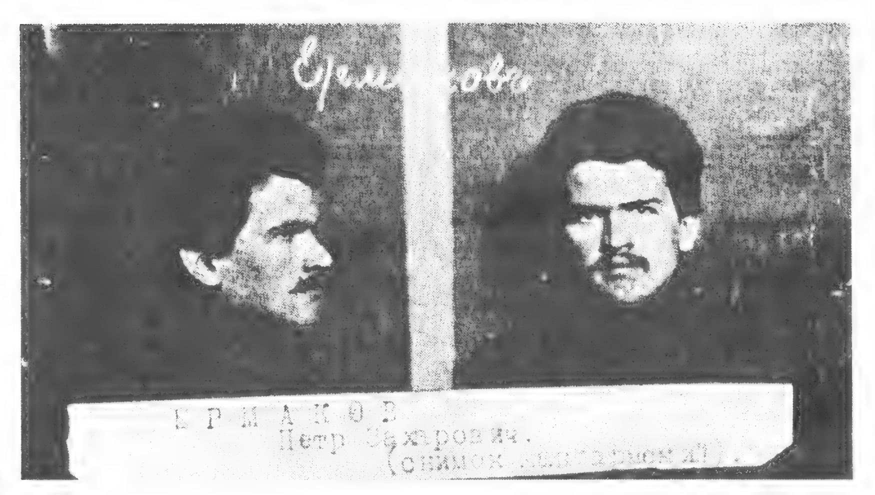
губернаторский дом, способный принять всех тех, кто добровольно последовал за царской семьей.

Во всех работах, написанных в нашей стране за последние более чем 70 лет, Керенского обличают как за излишне вежливое обращение с царем, так и якобы за его защиту. Что можно сказать об этом? Во всех своих трудах, до последних дней жизни, Керенский придерживался одного — он заявлял, что царя должны были судить. Вот его слова: "Я всячески добивался, чтобы царь и царица предстали перед революционным и демократическим судом".

Историки часто приводят и другие воспоминания Керенского о ситуации, сложившейся тогда вокруг царской семьи. "Я сам 7 (20) марта в заседании Московского Совета, отвечая на яростные крики: "Смерть царю, казните царя", сказал: "Этого никогда не будет, пока мы у власти. Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность царя и его семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с семьей будет отправлен за границу в Англию. Я сам довезу его до Мурманска". О том, что уничтожить царя требовали не отдельные единицы, а революционные массы, говорят и такие слова бывшего министра-председателя Временного правительства: "Смертная казнь Николая Второго и отправка его семьи из Александровского дворца в Петропавловскую крепость или в Кронштадт — вот яростные, иногда исступленные требования сотен всяческих делегаций, депутаций и резолюций, являвшихся и предъявлявших их Временному правительству, и в частности мне, как ведавшему и отвечавшему за охрану и безопасность царской семьи."

Отвечая на вопросы Н.Соколова, продолжавшего и в эмиграции вести следствие о судьбах царской семьи, А.Керенский дополнял: "Возбужденное настроение солдатских масс и рабочих Петроградского и Московского районов было крайне враждебно Николаю. Раздавались требования казни его, прямо ко мне обращенные. Протестуя от имени Временного правительства против таких требований, я сказал лично про себя, что я никогда не приму на себя роль Марата. Я говорил, что вину Николая перед Россией рассмотрит беспристрастный суд..."

Есть еще много свидетельств самых разных людей, подтверждавших, что ссылка Романовых в Тобольск не замышлялась Временным правительством как прелюдия к возможной казни всей семьи. Наоборот, в тихом городе они смогли довольно спокойно прожить

П.Ермаков.
Фото из жандармских архивов.

еще год. Нет, не хотел бессмысленного убийства А.Керенский, представлявший в Петрограде высшую власть. Не знаю, вспоминал ли он в те минуты детство в Симбирске, свою семью, отца — директора мужской гимназии, где неплохо преподавалась история, вот откуда и слова о Марате. Учил историю в этой гимназии и ученик, которому директор Ф.Керенский выдал аттестат, хотя брат выпускника и был казнен как опасный преступник. Аттестат этот выдали Владимиру Ульянову, еще задолго до революции предсказавшему судьбу царя.

Есть в наследии вождя русской революции строки, которые многие исследователи рассматривают как своеобразную программу, осуществление которой началось вместе с Октябрем. Нет, речь идет не об общей характеристике царского строя (очень хорошо известны эпитеты, которые встречаются во многих работах Ильича). Не будем их перечислять, вспомним лишь статью "О происшествии с королем португальским". Напомним, что в 1908 году республиканцы стреляли в короля Португалии, убив его и наследника. Происшествие это — Ленин серьезно говорит именно о происшествии, а не трагедии — всколыхнуло всю Европу, особенно монархов и монархистов.

Глядя из сегодняшнего дня, мы можем назвать происшествие первым раскатом общеевропейского грома. Далекая маленькая Португа-

лия... В 1908 году убили короля и наследного принца, в 1910-м государство провозглашено республикой. В 1914 году сербы ликвидировали наследника престола Австро-Венгрии. 1917 год — пала монархия в России, еще через год — в Германии и Австро-Венгрии. Как же за десяток лет до событий в Екатеринбурге (1908—1918) большевики отреагировали на случившееся? Ведь точку зрения Ильича можно считать общепартийной.

Ленин писал, что "приключение с королем португальским является поистине "профессиональным несчастным случаем" королей". А происходит это от бесчинств, гнусностей и зверств со стороны коронованных авантюристов". Конечно, тут виден "элемент заговорщического... террора, при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая французская революция".

Вот так — еще за десяток лет до 1918 года — об "обновляющем страну терроре". И в 1911 году в статье "О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д работы" Ленин как бы продолжает мысль предыдущей статьи, подчеркивая, что даже в такой цивилизованной стране, как Англия, "понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику", прежде чем там установилась конституционная монархия. А у нас? "Надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых". Как видите, прогноз, весьма далеко заглядывающий вперед и полностью оправдавшийся в России. Причем так оправдавшийся, что заставляет исследователей писать о заранее обдуманном намерении Ленина расправиться с семьей Романовых. Обдуманным даже в деталях — с отрубленными головами...

А.Авторханов в работе "Ленин в судьбах России" так прямо и пишет: "...казнь царем брата вошла в сознание Володи потрясением, психологической травмой. Вот тогда из Володи Ульянова родился Ленин, который поклялся отомстить всему дому Романовых за своего брата — идола, имея все основания повторить гневные строки великого поэта:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

Ленин не только увидел "смерть детей", вешателя своего брата царя Александра III, но он лично отдал приказ убить не только сына

Александра III — бывшего царя Романова Николая Александровича, царицу Александру Федоровну, но и их малолетних детей безо всякого суда и следствия. Это была бессмысленная жестокость и варварский акт, акт мести Романовым за своего брата.”

Такова мысль Авторханова. Но давайте вдумаемся — а если не месть за брата, а просто попытка реализовать слова великого русского поэта? Абсурд? Но тогда надо понять одно — поэт выразил настроение народа. И о грядущей казни царя (любого!), и о казни его наследников. Просто обращался Пушкин к конкретному лицу, а казнили его дальнего потомка. Произошла не месть (Ленин), не реализация предсказания (Пушкин) — произошла реализация того, что желал царской семье народ России и что по-своему выразили и политический деятель, и поэт.

Чтобы еще раз подтвердить это, напомню и высказывание Льва Толстого. В разгар революции 1905 года разнесся слух, что Николай II бежал за границу. Именно после этого Толстой сказал: “Да, не уехать ему нельзя. Людовик XVI казнен был и не за такие провинности”. Что, и на этот раз Ленин говорил устами Толстого — ведь мы знаем судьбу монаршей четы из Парижа? Нет, и здесь выражение общего мнения народа, а значит, и его воли. Той воли, которая и проявилась в решении Уральского областного Совета.

САМИ ЛИ РЕШАЛИ?

А теперь давайте попробуем все уже известное нам разложить по полочкам. Или по полкам — только не архивов, а нашего сознания. Примем лишь одно условие — будем брать на веру все заявления, телеграммы, воспоминания, которыми располагаем. Да, именно так — не отвергая ни одного свидетельства той поры, но сопоставляя их и взаимно проверяя.

Итак — царя хотели судить. Думало об этом и Временное Правительство (можно верить Керенскому), думало и молодое (еще!) правительство народных комиссаров. Не случайно, что сам Я.М.Свердлов, выступая перед солдатами из караула царя, приехавшими выяснить ситуацию в Петрограде и отчитаться в своей службе, сказал:

— Поручается вам и далее так же бдительно и зорко сторожить бывшего царя, как до сих пор, вплоть до того момента, когда он предстанет перед открытым всенародным судом.

Эти слова были произнесены в январе 1918 года. И подтверждались они делами — вскоре стало известно, что общественным обвинителем назначен сам Л.Д.Троцкий. Позже он писал: "В один из коротких наездов в Москву я мимоходом заметил в Политбюро, что, ввиду плохого положения на Урале, следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если бы было осуществимо. Но... времени может не хватить. Прений никаких не вышло".

Это был уже, вероятнее всего, конец июня, даже начало июля, раз речь шла о "плохом положении на Урале", вот Ленин и не поддержал разговор. Свердлов же говорил в январе, когда можно было спокойно объяснять солдатам о предстоящем суде, может, и планировать его в не очень отдаленном будущем, но не немедленно. Царь находился в далеком Тобольске, его караулили довольно надежно. Все внимание направлено на выход из войны, ведь с конца ноября начались переговоры с немцами, старая армия вся почти распалась, а попытки создать "социалистическую армию" не удавались, хотя уже 1 января на фронт пошли первые ее полки. Главным врагом был по-прежнему кайзеровский солдат. Лишь 3 марта заключили Брестский мир.

Но именно к этому времени в стране стало весьма неспокойно. Вовсю полыхал на Оренбуржье мятеж Дутова, лишь в апреле по-

давленный уральцами и пришедшими на помощь отрядами из центра. Мятежных казаков разогнали, но сам Дутов ушел в степи и позже командовал Оренбургской армией. Начались волнения крестьян, в начале, может быть, не столько из-за изъятия зерна (в принципе), сколько по причине неумных действий тех, кто эту политику проводил.

Царь же и его семья находились в далеком Тобольске, где если и проводить процесс, то без какого-либо шума. Тогда зачем? А гражданская война набирала силу. Царя, царицу и Марию первыми перевозят в Екатеринбург, затем всех оставшихся членов семьи. Вся семья собирается в центре Уральской области 23 мая. Через два дня — 25 мая вспыхивает мятеж чехословацкого легиона. Овладев железнодорожной линией, ведшей из Поволжья в Сибирь, с занятием городов Челябинск, Омск, Новониколаевск, легионеры начали расширять занятую территорию. Их отряды двинулись на Екатеринбург, поддерживаемые немногочисленными еще белыми частями.

Все, наверное, помнят детскую загадку о козе, капусте, волке и о реке. В лодке лишь одно место. Как перевезти всю троицу на другой берег, чтобы коза не съела капусту, а волк — козу? Здесь все элементы связаны друг с другом, ни один нельзя изъять. А если бы решать этот вопрос пришлось покороче? Боюсь, что наиболее решительный человек просто бы пристрелил или козу, или волка. И загадке конец.

Не в таком ли положении очутились и те, кому пришлось решать судьбу царской семьи? Нельзя оставить пленников в городе, чтобы те не попали к белым, нельзя взять их с собой — кто знает, что уготовано отступающим частям. Понимали это и в Москве, и в Екатеринбурге, вот почему в столицу специально направили Ф.Голощекина.

Послушаем П.Быкова: "По приезде из Москвы Голощекина, числа 12 июля, было созвано собрание Областного Совета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых. Областной Совет признал, что суда, как было намечено Москвой, организовать уже не удастся — фронт был слишком близок, и задержка с судом над Романовыми могла вызвать новые осложнения. Решено было запросить командующего фронтом о том, сколько дней продержится Екатеринбург и каково положение на фронте. Военное командование сделало в Областном Совете доклад, из которого было видно, что положение чрезвычайно плохое.

Чехи уже обошли Екатеринбург с юга и ведут на него наступление с двух сторон. Силы Красной Армии недостаточны, и падения города можно ждать через три дня. В связи с этим Областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. Расстрел и уничтожение трупов предложено было произвести комендатуре дома, с помощью нескольких надежных рабочих-коммунистов".

Обратите внимание на две детали — во-первых, ни слова о том, дано ли в Москве "добро" на расстрел — только упоминание об "отношении центральной власти к расстрелу Романовых". А это не одно и то же. Ведь читать надо — "к предполагаемому расстрелу". Во-вторых, заслушивался доклад военных, уточнялись сроки сдачи города. И после: "в связи с этим... Совет решил расстрелять". Именно "в связи с этим" — без наличия опасности и расстрела не было бы.

Вывод можно сделать лишь один — в принципе "добро" было получено, но только как крайний случай. Крайний случай следовало обосновать — отсюда доклад командования и, как оказалось позже, заранее подготавливаемый материал о готовящемся побеге. Но чего же медлили еще четыре дня?

Наступает 16 июля. В "Записке" Юровского события этого дня предваряются следующей фразой: "16/VII была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых". Это самая странная запись из всех, имеющих отношение к разбираемой кровавой истории. Уральский Совет находился в Екатеринбурге, решение принималось тут же. Почему кто-то послал телеграмму из Перми? Кто, находившийся там, мог прислать телеграмму с указанием о необходимости расстрела? Вся власть на Урале принадлежала Совету в Екатеринбурге, именно сюда, к примеру, пермские чекисты сообщили о "побеге" Михаила Александровича. И вдруг столь странный приказ.

На что намекал Юровский? Не знаю и не могу догадываться. Но ведь не случайно он дважды оговорил расстрел по сути дела исполнением чужой воли — странного приказа, которого вроде не было кому отдать...

Но ведь не выдумал же Юровский наличие такой телеграммы. Тогда, когда он писал (или диктовал) "Записку", легко было проверить все детали — значит, телеграмма была? Причем стоит учесть, что подобное сообщение трудно укрыть, ведь оно проходит через

несколько рук, пока достигает адресата. Есть ли в этом эпизоде истории что-то похожее?

Да. Речь может идти об известных ныне двух телеграммах, обнаруженных в архиве Э.Радзинским. Если точнее — о тексте одной телеграммы и воспоминании о содержании другой. Давайте познакомимся с этими документами, но выводы попробуем сделать сами.

Итак — телеграмма. "Москва, Кремль, Свердлову, копия Ленину из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите Москву, что условленный с Филипповым суд по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно, сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров. Снеситесь сами с Екатеринбургом".

Подписана телеграмма Зиновьевым.

Содержание ее легко расшифровывается. Уральский военный комиссар Ф.Голощекин — "Товарищ Филипп" (партийная кличка) — только что побывал в Москве. Вернувшись оттуда, он и собрал то самое историческое заседание Совета, на котором решили расстрелять Романовых. Ясно, что в столице Голощекин не мог не вести разговоров о будущем царской семьи. И вполне правдоподобно, что в Москве и было решено ликвидировать в случае опасности... Но кого? Если слово "суд" — кодированное "расстрел", то не об одном ли царе идет речь? Судить-то собирались лишь его одного.

Почему через Зиновьева? Радзинский считает, что дело в близости главы Петроградского Совета к Ленину. Ну а Свердлов, он что — не близок? Приезжая в Москву, Голощекин останавливался на квартире у Свердловых — он не считал себя близким человеком? Не надо думать, что здесь дело в чинопочитании — Зиновьев не занимал пост выше, чем Свердлов. Так почему же все-таки разговор по прямому проводу (именно разговор, а не телеграмма) состоялся со Смольным?

Ответ здесь видится один. Именно Петроградский Совет произвел арест царской семьи. Она "числилась за ним". И какое-либо действие не могло быть совершено без ведома Смольного. Надо напомнить хотя бы обращения Михаила Александровича. Жаловался на притеснения он не только Бонч-Бруевичу, но и Урицкому в Петроград. Именно тамошняя ЧК ссылала Михаила Александровича.

Написав "ответ видится один", я имел в виду чисто политическую сторону этого разговора по прямому проводу. Но ведь могла быть и техническая причина — если случилось повреждение линии. Вспом-

ните по датам: в ночь на 17-е расстреляли, а лишь 18-го вызвали Свердлова к прямому проводу и сообщили о случившемся. О таком деле и полтора дня молчать? Но если и сейчас порой отказывает связь, то что было в те годы?

Это о тексте реально существующей в архиве телеграммы. А вот сообщение директора музея завода "Прогресс", что в Куйбышеве.

"У нас есть в музее машинописная запись беседы А.Ф.Акимова с А.Г.Смышляевым, занимавшимся поисками материалов по его истории... "Когда Тульский (ошибка — Уральский. — *Э.Я.*) губком решил расстрелять семью Николая II — СНК и ВЦИК написал телеграмму с утверждением этого решения. Я.М.Свердлов послал меня отнести эту телеграмму на телеграф, который помещался тогда на Мясницкой улице. И сказал — поосторожней отправляй. Это значило, что обратно надо было принести не только копию телеграммы, но и ленту.

Когда телеграфист передал телеграмму, я потребовал от него копию и ленту. Ленту он мне не отдавал. Тогда я вынул револьвер и стал угрожать телеграфисту. Получив от него ленту, я ушел. Пока шел до Кремля, Ленин уже знал о моем поступке. Когда пришел, секретарь Ленина мне говорит: тебя вызывает Ильич, иди, он тебе сейчас намоет холку..."

Сообщив об этом случае, Э.Радзинский делает вывод: "Итак, в Екатеринбург от СНК и ВЦИК (т.е. Ленина и Свердлова) пошла телеграмма "с утверждением этого решения" — о казни царской семьи. На следующий день в Москву последовала шифрованная телеграмма об исполнении. Итак, расстрел царской семьи был условлен с Москвой. И Москвой утвержден".

Казалось бы, все? Доказано, что Москва все знала и все санкционировала? Но давайте прочитаем телеграмму из Смольного еще раз. Снова обратим внимание на слово "суд" — оно не комментируется никак и относится к одному царю или всей семье — неизвестно. А теперь посмотрим на время приема этой телеграммы — есть надпись: "Принято 16.7.1918 г. в 21 час 22 минуты". Вспомним, что ближайший пункт телеграфа, куда сдавались кремлевские отправления, был на Мясницкой. При любой скорости переправки текста в Кремль Ленин не мог получить телеграмму раньше, чем в 21.40 — 21.45. Теперь надо принять решение, отнести новую телеграмму на почту, передать ее, получить в Екатеринбурге...

лены Президиума Уралсовета:
олмачев, Белобородов, Сафаров,
олощекин.

Вновь прочитаем уже цитированные нами воспоминания участников "Екатеринбургского дела". Сам Я.Юровский : "Телеграмма... содержавшая приказ об истреблении Романовых". Это явно не ленинский текст, разрыв во времени с получением телеграммы из Смольного в Кремле (только с получением!) огромный.

Ну, это Юровский. А другие? Павел Медведев — "Комендант Юровский в восьмом часу вечера приказал отобрать в команде и принести

ему все револьверы...” Опять же — “в восьмом часу вечера”. Как видите, все сходится, ибо, по словам Юровского, “16-го в шесть часов вечера Филипп Г-н (Голощекин) предписал привести приказ в исполнение”. Как видно из этих слов, все решалось еще днем, а не после 21.45 по кремлевским часам. Но что за таинственный приказ, на который дважды сослался комендант Дома особого назначения? Приказ, которому должны были подчиниться уральцы. Его могло отдать только очень влиятельное лицо. Иного и не послушались бы.

Последние слова не просто “к вящей славе” уральцев. Те, кто изучал историю Гражданской войны, знают, что победы не было бы не только без дисциплины, но и без самостоятельности — в то время по пустякам Кремль не беспокоили. А уж Урал выделялся даже в этих “льготных” условиях. Как справедливо писал историк Г.Иоффе — “ В Москву не раз поступали жалобы на “сепаратистско-централистские действия” Екатеринбурга, совершенно не согласованные с Москвой (там начали было печатать даже собственные деньги)”. Приводил историк и слова одного из чекистов, что “Александр Белобородов, Николай Толмачев, Евгений Преображенский — все это были леваки”.

Так что бесспорно — решить вопрос о казни Романовых могли и сами уральцы. В то время подобные действия не нуждались в чьем-либо утверждении. Решили — и баста! Но то, что на этот раз в дело вмешался кто-то могущественный — сомнений нет. Юровский прямо пишет о приказе и нет сомнения, что пишет правду. Есть еще косвенное подтверждение этому. По всем документам проходит вот такая дата — 12 июля. Голощекин приехал, собрал Совет, который вынес приговор Романовым. А ждали до 16 июля, хотя командующий фронтом предупредил — Екатеринбург может быть сдан через три дня! Не расстреляли сразу, не увезли, чего-то ждали. И лишь 16-го поговорили со Смольным, откуда телеграфировали Ленину и Свердлову. Но, как ясно из расчетов по времени, это не изменило заранее намеченного приговора.

Давайте всмотримся в малозаметную деталь. Помните, в “Уральском рабочем” были слова о том, что где-то у белых отирается Михаил? Значит, к моменту расстрела Михаила не только считали живым, верили, что он с белыми частями. Ведь “украли” его очень искусно — долгое время никто не мог догадаться об истине. Верили в версию о побеге с обеих сторон фронта, недаром еще в 1919

году ходили слухи о появлении Михаила в рядах белого движения. О Михаиле стоит вспомнить еще раз...

Кто решил судьбу Михаила? Пермские чекисты. Брату царя была предоставлена возможность жить на свободе — центральной властью. А вторая власть — невидимая, но от этого не менее могущественная, — постановила: “Убить!” Что и сделала. Причем хитро, с отводом глаз. Вспомните еще и убийства в Алапаевске. И там инсценировалось похищение — грубо инсценировалось, но ведь делалось так, чтобы люди поверили.

Для всех Михаил был беглецом. Это давало право уничтожить остальных его родственников. Но, как часто бывает, излишне старающиеся исполнители оставляют такие следы, которые в обычных условиях спокойно затерли бы. Короче говоря, нужен был предлог — и его получили, ликвидировав Михаила.

Нет сомнения, что “побег” брата царя оживленно комментировался в Кремле. Такие события не проходят мимо внимания. И не случайно Голощекин сразу же после приезда в Екатеринбург собирает Совет. Можно подумать, что ездил-то он только за тем, чтобы решить судьбу Романовых. Или одного Романова? Сознаю, что приходится вступать в область догадок, но догадок на реальной почве. Ибо до сих пор не верится, что приказ о расстреле всей семьи шел прямо из Кремля. Речь идет именно о всей семье, а царя давно собирались судить революционным судом. Думается, ясно, какой приговор следовало ждать.

Во всех воспоминаниях, исследованиях говорится о том, что Уральский Совет еще 12 июля постановил расстрелять всех Романовых. Но почему же слышится некоторое сомнение в словах Ермакова, он-то явно знал об этом решении: “Когда я сказал Белобородову, что смогу выполнить, то он сказал, сделай так, чтобы были все расстреляны, мы это решили. Стал выполнять так, как нужно было...”

Обратите внимание на слова — “мы это решили”. Они звучат объяснением того, что будет расстреляна вся семья. Объяснением для Ермакова? Он, командир отряда верхисетцев, не знал, что царскую семью решено ликвидировать еще четыре дня назад? В это не верится. Знал ведь он о предстоящем расстреле, но кого? “Что требование Екатеринбургского областного Совета перед центром о расстреле Николая было дано согласие за подписью Свердлова, но о семье, я помню, не говорилось ни слова”.

Это не записанные кем-то когда-то слова Ермакова. Цитируются строки из его рукописи, находившейся в Государственном музее Я.М.Свердлова (позже — Музей общественно-политических движений Урала, ныне — Музей истории Екатеринбурга). Человек, утверждавший, что он лично расстрелял царя, в воспоминании о решении отрицает наличие смертного приговора для его семьи (не говоря уже о придворных). И еще раз он пишет о том же: "Почему-то в постановлении не говорилось о семье, о их расстреле".

Воспоминания эти совершенно не были известны историкам, пока летом 1990 года не занялись ими Д.Боровиков и Д.Гаврилов, опубликовавшие статью "Расстрел Романовых" в многотиражке "Наука Урала". Похоже, нужно внимательнее присмотреться к тому, что пишет Ермаков, — ряд фактов, вроде бы "твердо" вошедших в арсенал советских историков, получает совершенно иное освещение.

Итак, Ермаков получил распоряжение о расстреле и поехал в Ипатьевский дом к Юровскому. Что же тот? Снова обратимся к воспоминаниям: "Когда было все в порядке, тогда я коменданту дома в кабинете дал постановление Областного Исполнительного Комитета Юровскому, то он усомнился, почему всех, но я ему сказал, что надо всех и разговаривать нам с вами долго нечего, время мало пора приступать".

И здесь совершенно иная картина. Тот самый "безжалостный" Юровский, заклейменный не только белогвардейскими авторами, но и вполне добропорядочными советскими историками, удивляется — "почему всех". Как это не похоже на стандартный образ цареубийцы. Свидетель, опять же вполне заслуживающий доверия, отвечающий за свои слова.

В этих словах заключена разгадка всех вопросов, встающих перед историками. Речь идет именно о том, что "всех" и "Мы это решили". Запомните, это сказано в преддверие расстрела, в момент получения приказа. Вот когда прозвучало уточнение, что уничтожена будет вся семья.

В самом начале говорилось — станем доверять документам. Это не случайно — если их внимательно анализировать, то картина получится не совсем такой, какую мы привыкли видеть. Начнем с самого начала — 12 июля Уральский Совет вынес Романовым приговор. Он где-то опубликован? Документ этот (может быть, пока) не известен. А в изложении? Заглянем в "Записку" Юровского:

“Когда вошла команда, комендант сказал Романовым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять”. Но ведь тем, кто слушал со стороны, запало в память другое. “Клещев же положительно утверждал, что слова Юровского он слышал: “Николай Александрович, Ваши родственники старались Вас спасти...” Почти то же самое, но при обращении к царю выходит, что речь идет вроде бы о нем одном.

Как ни странно, но это же, несколькими годами позже, подтвердил... сам Юровский. Да-да, сам и добровольно. Дело в том, что в 1934 году он приехал в Свердловск, и партийное руководство организовало встречу с ним. Сохранилась стенограмма. Вот слова бывшего коменданта Дома особого назначения: “Я сказал Николаю, что его царственные родственники как в стране, так и в Германии принимали меры всевозможным образом к его освобождению и что Совет Рабочих депутатов постановил его расстрелять. Он сказал на это: “Что?” В это время он повернулся к Александре Федоровне, я выстрелил в него, он повалился, и тут же началась пальба...”

Как видно — слова были обращены прямо к царю. Стреляли во всех, но говорили именно Николаю.

Вспомним теперь о том, как уведомили Москву о случившемся. И как спокойно информировал Свердлов дважды в течение одного дня — сначала на заседании президиума ВЦИК, позже — на заседании Совнаркома. Оба раза смысл сообщения был, судя по всему, одинаков — “в Екатеринбурге, по постановлению Областного Совета, расстрелян Николай. Николай хотел бежать. Чехо-словаки подступали”. Именно такая форма извещения не могла вызвать ни протестов (да кто на них бы решился), ни лишних вопросов. Действительно, почему бы не расстрелять?

Все, ну все говорит — решение принималось лишь о царе. А несколько позже действие расширили на всю семью.

Вот в этот ряд спокойно укладывается та самая таинственная зашифрованная телеграмма, открытая Соколовым. В ней утверждалось, что семью постигла участь ее главы. Только это. Телеграмму отправили утром 17 июля — Юровский еще был в лесу. Со Свердловым поговорили только через день. Никто еще никуда не сообщал о случившемся, как вдруг не констатация факта, а словно дополнение к чему-то ранее известному.

Видится здесь одно — ликвидация царя, вероятно, была запланированным актом (не случайно Ермаков говорит об имевшемся согласии Свердлова). Об этом, похоже, договорился Голощекин еще в свою поездку в Москву. Вполне реально, что обговаривались варианты — уже говорилось об "угрозе захвата" и т.д. Царя убрали — понятно. А вот о семье надо было уточнить — и полетела телеграмма. Но официально — о случившемся никому ничего не известно. Лишь через сутки удалось связаться со Свердловым.

Напомним, что в воспоминаниях В.Воробьева искренне говорится о том трепете, с которым ехали члены Совета на телеграф. Возглавлял их сам... Белобородов. Он посадил за аппарат комиссара телеграфа и стал диктовать текст сообщения. Из него следовало, что расстрелян один царь.

И все же Воробьев пишет: "Мы вздохнули свободнее. Вопрос о самоуправстве можно было считать исчерпанным". Он искренне верит, что решение "царской проблемы" найдено — именно ими, на Урале. Но какое же тут самоуправство? И почему его не тяготит вот такой факт — в святая святых для каждого коммуниста — в Кремль! — передается откровенная липа. Вот этого-то бояться следовало. Ан нет, ложь против партии как-то легко сходила с рук. А может быть, все знали, что передается ложь, что они играют роль пешек? В Москве решили заранее, там уже все известно — а уральцам предстоит лишь прикрыть своей грудью интригу Центра?

Если принять этот вариант, то интриг могло быть две. Та, о которой рассказано в предыдущих абзацах, видимая — она накладывается на факт расстрела, факт очевидный (с вопросами — кого? Зачем ликвидировали?). Другая интрига — о ней упоминалось пораньше — совершенно невидимая. Речь шла о создании предпосылок для уничтожения Романовых. Сначала Михаила ("похищен" белыми), потом Николая ("А у белых Михаил болтается"), следом великие князья ("их украли белые и вывезли на аэроплане").

Интересная линия получается. Словно кто-то невидимый совершает действия, специально дающие право официальной власти поступать самым жестоким образом.

А может, так и было? Мнение центра одно — царя судить. То, что он в любом случае был бы осужден, сомнению не подлежало. Сообщается о будущем процессе, называется обвинитель, словом, все, как полагается. И наряду с этим чье-то иное мнение — Романовы

должны быть уничтожены. Мнение тайное, продиктованное отнюдь не ненавистью к царскому дому, а какими-то своекорыстными целями. Но внешне — это стоит запомнить — внешне совпадающее с мнением рабочего класса Урала.

В своей книге П.Быков пишет, что "большинство делегатов с мест высказывались за необходимость скорейшего расстрела Романовых, чтобы в будущем предупредить все попытки к освобождению бывшего царя и восстановления в России монархии". Говорилось это на заседании, прошедшем во время Четвертой Уральской областной конференции в Екатеринбурге 25 апреля 1918 года. Ясно, почему состоялся этот разговор — делегатам наверняка сообщили, что 25 апреля Яковлев должен вывозить царя из Тобольска (отъезд произошел рано утром 26 апреля). Мнение рабочих совпало с мнением кого-то, кто имел возможность не пропустить Яковлева с царем в Москву, кто добился того, что Николая оставили в Екатеринбурге, собрав вскоре всю семью под одной крышей.

Стоит вспомнить, что гораздо позже Яковлев снова и снова будет оправдываться, говорить, что, пытаясь проскочить мимо Екатеринбурга, он действительно хотел спасти царя и имел на этот счет подробный приказ Центра. П.Быков это понимает вот как: "На предъявленные ему обвинения Яковлев отвечал, что хотя он и получил в Москве распоряжение доставить Романовых в Екатеринбург, однако, имея словесное указание Я.М.Свердлова — охранять Романова всеми средствами — и учитывая настроение в Тобольске Заславского и Авдеева, подготовлявших, по его убеждению, покушение на Романовых, он решил донести ВЦИК о своих опасениях, связанных с переводом Романовых на Урал".

Да, Яковлев явно хотел не дать расправиться с царем. Не его беда, что все попытки вывезти узника в безопасное место не удались — слишком неравны силы. Рабочие Урала встали на его пути, и Николай II оказался в Ипатьевском доме.

А если посмотреть вот так — Михаил уже в Перми, Николая с семьей перевозят в Екатеринбург, великих князей собирают в Алапаевске. Словно некий режиссер расставил действующих лиц предстоящей драмы. Затем (если уподобим это игре в шахматы) начал снимать фигуры с доски. Сначала пермский вариант... Или считать эту расстановку случаем, которым воспользовались?

Снова и снова выводы можно делать одни и те же — была скрытая борьба между пытавшимися удержаться в легальных рамках правосу-

дия (пусть “революционного”) и теми, кто хотел решить все проблемы единственно возможным для них путем — пулей и штыком. Победила вторая — “расстрельная” группа. Напрасно Яковлев вел переговоры со Свердловым, а тот с исполкомом в Екатеринбурге — уральцы требовали немедленно доставить царя. И Свердлов уступил.

Сейчас это кажется невероятным — ведь даже по официальным документам, известным на момент написания этой главы, Яковлев был членом коллегии ВЧК, а сам он пишет: “выделена пятерка по организации ВЧК... На организационном совещании избран первым заместителем председателя”. Даже не изучавшим специально историю Гражданской войны ясно, что это человек с исключительными правами. Но тут еще только начало, каждая область сама по себе — Центру приходится не только считаться, но и уступать.

И пусть Яковлев пишет: “Я был прав и действовал по распоряжению Центра и доказал это документально: телеграфными лентами моих переговоров Тобольск, Тюмень, Омск — Москва, Кремль. К сожалению, мои документы (около 50 шт.) не опубликованы в партийных органах и потому все мои друзья и личные враги находятся в этом вопросе в полном неведении”. Речь, конечно же, идет о копиях (лентах) переговоров по прямому проводу. Это и у П.Быкова: “Яковлев представил Уралсовету ленты аппарата”. Против этого возразить было нечего — Яковлева отпустили восвояси. Но заглядывал он вперед не случайно — старый конспиратор, боевик правильно учуял опасность самосуда. Пусть на областном уровне, но самосуда.

Долгие годы в описаниях этой драмы господствовала одна точка зрения — все решилось в Екатеринбурге. Трудно возражать — настроение уральцев было единодушным. Но вот настали новые времена, началось свержение кумиров прошлого, и убеждения многих “историков” повернулись на 180 градусов. И Ленину, и Свердлову на страницах газет и наскоро написанных книг предъявляются обвинения в уничтожении царской семьи, а будь они тогда в Екатеринбурге — докатились бы “историки” и до утверждения о их личном участии в акте расстрела.

Документы же говорят однозначно — Центр был не настолько силен, чтобы полностью диктовать свою волю. Чувствуя даже, что в Екатеринбурге не будут церемониться с царской семьей, ее оставляют на Урале — не ссориться же. По-прежнему идут разговоры о суде,

но реально не до этого — через два дня после сбора в Екатеринбурге всей семьи начинается выступление чехословаков. Разрозненные попытки отбить натиск профессиональных военных не приносят успеха.

В это время не до царской семьи. В Перми убивают Михаила Александровича — но и это еще не конец. Голощекин едет в Москву и, судя по всему, привозит разрешение на расстрел царя при опасности захвата его белыми. В Екатеринбурге в последнюю минуту решают круче — расстрелять всех Романовых! Решение это так внезапно, что даже Юровский спрашивает: всех ли? И гремят выстрелы в подвале.

Как мы видим, нет прямых свидетельств о "приказе Кремля" и вполне достоверным можно считать известный рассказ о том, как Я.Свердлов резко отчитывал уральцев за расстрел. Конечно же — не царя, а всей семьи и прислуги. Не надо думать, что один из основателей большевистского государства был настолько глуп, что не понимал резонанса от содеянного. За это и ругал. Еще раз — не за царя. Казнь правящего монарха — отнюдь не новость в истории, подобное знавали и Англия, и Франция. Вот здесь и сказался уральский максимализм — требование, звучавшее и на митингах, и на совещании, на общеуральской конференции — "всех Романовых!".

Ну а пробивающееся где-то мнение автора о "третьей силе", вмешавшейся в судьбу Романовых? Это только лишь предположения, основанные на некоторых странностях. Их можно и перечислить — за исключением нескольких человек царская семья вся оказалась на Урале. Понятно, надежнейшее в стране место, но все же... Убийство Михаила Александровича — странный заговор внутри советско-чекистских же кадров. И странный способ маскировки — мотив побега, давший позже право заявить в Екатеринбурге — а у белых, мол, уже есть Михаил, не отдавать же им Николая. Через день в Алапаевске уничтожили великих князей, а замаскировали все это якобы имевшим место побегом да еще и с помощью аэропланов. Почему выбран был ход, уже испробованный на Михаиле?

И посмотрите — эти ходы делала не центральная власть, не местные Советы, а третья сила — чекисты. Да, они подчинялись на местах Советам, но было у них московское руководство. Не там ли решались (в обход общепризнанного Центра) вопросы жизни и смерти Романовых. Если принять такую точку зрения, то получает объяснение многое — в Перми Совет не был настроен против Михаила,

значит, надо убрать его тайком, спутав планы тех, кто попытался бы разобраться — что же произошло?..

В Екатеринбурге все были настроены против царской семьи — стоит вспомнить, как встречали царя — даже не на главной станции. На главной — Екатеринбург I — собралась толпа, да с таким настроением, что решено было вернуть поезд на уже пройденную станцию Екатеринбург II (ныне станция Шарташ) и высадить царя там. Но и на этой станции собрались люди, кидавшие реплики, насмехавшиеся над царем. Так что настроение уральцев было явно не в пользу привезенных.

Ну, в такой обстановке можно и сообщить о расстреле царя, личности, искренне ненавидимой многими екатеринбуржцами. "За кадром" осталась семья и придворные, их ведь перевезли в... безопасное место.

Наступает черед великих князей. Этих-то вроде не за что казнить, как и Михаила. К ним претензий ни у местных жителей, ни у Совета нет. Тогда приговоренных "изымают" уже проверенным способом. Правда, если Михаила и Джонсона можно было быстро увезти за город, то великих князей куда девать в захолустном Алапаевске? Их и кинули живыми в шахту, а после этого разыграли все ту же инсценировку с похищением.

Просматривается одна и та же руководящая и направляющая рука, хотя участники "пермского дела" и уверяли, что они сами все придумали, никого не посвящали. Отчего же сценарии одинаковы?

Вот этот общий для всех убийств почерк и вызвал, похоже, у многих историков единственный вывод — приказы об уничтожении Романовых шли из Москвы, а значит, виноваты самые высокие лица тогдашней власти — Ленин и Свердлов. О том, что Ленин не мог прислать телеграмму перед расстрелом, уже писалось, — исходя из времени получения запроса. Свердлов, судя по всему, обговаривал судьбу царя, но не всей семьи. Значит, по мнению автора, если говорить о еще одном возможном источнике приказов о судьбе заключенных, то это могло быть только руководство ВЧК. Так это или нет — дело дальнейших поисков, работы историков.

Из всего сказанного выше, из имеющихся документов пока можно сделать лишь один вывод: решения о судьбах членов царской семьи принимались на Урале местными большевиками. На них, конечно, могли влиять какие-то внешние силы, но в те крутые минуты независимость уральцев была едва ли не самой большой в стране.

Средоточие рабочего класса, Урал во многом был первым в революции — задолго до Октября здесь всю власть взяли Советы, первая национализация промышленного предприятия тоже прошла на территории нынешней Свердловской области, когда в Оренбуржье зашевелился Дутов (первое организованное контрреволюционное восстание!), то на его подавление первыми отправились красные отряды Екатеринбурга. Уже упоминалось, что стоило лишь денежному обращению начать давать сбои, как Урал отпечатал свои денежные знаки, кстати сказать, очень хорошо выглядевшие.

И вот этим самостоятельным (во всех смыслах слова) людям дано было судьбою (или кремлевской ВЧК) решить вопрос: “Быть или не быть семье Романовых”. Ответ прозвучал вполне в духе того времени — “Не быть”.

ИМЕЮТ ПРАВО ЖИТЬ НА СВОБОДЕ

Давайте вспомним, как к лету 1918 года распорядилась судьба членами Дома Романовых. Мать Николая Александровича и сестры оказались в Ливадии. Сам Николай с семьей — сначала в Тобольске, потом в Екатеринбурге. Его брат Михаил высылался в Пермскую губернию, но был привезен прямо в Пермь. В Екатеринбурге оказалась и группа великих князей, причем некоторые имели право на российский престол. Были Романовы в Петрограде и Ташкенте. Этих там и расстреляли.

До сих пор остается загадкой концентрация Романовых на Урале. Она случилась как бы сама собой — Михаила хотели удалить из Гатчины (неподалеку была граница с немецкими войсками), но почему-то сделали это лишь 9 марта, уже после подписания Брестского мира, когда продвижение немецких войск остановилось. Ясно, что понятие "местожительство в Пермской губернии" очень расплывчато, в конце концов, и Екатеринбург тогда всего лишь уездный центр этой губернии, хотя именно здесь сосредоточивалась вся политическая власть того времени. Царя с семейством перевезли в Екатеринбург, а ведь Николай определенно говорил в поезде, что он поехал бы куда угодно, только не сюда — из газет знал, как по отношению к нему настроены рабочие.

А тут еще и великие князья. Пока они были в Екатеринбурге одни, их терпели. Но с прибытием Николая Александровича, Александры Федоровны и Марии количество лиц, за которыми нужен надзор, увеличилось настолько, что решили князей удалить из города. Сделали это перед приездом остальных членов царской семьи — они 20 мая отплыли из Тобольска. Выбрали Алапаевск — небольшой город, соединенный железной дорогой с Екатеринбургом. Словно вперед заглядывали — Советская власть продержалась в нем на два месяца дольше, чем в окружном центре. Но на судьбе великих князей это уже не могло сказаться...

Вот кого отправили в Алапаевск: великую княгиню Елизавету Федоровну, великого князя Сергея Михайловича, князей Иоанна Константиновича, Игоря Константиновича и князя Владимира Павловича Палея. Характеризуя их, историки большую часть своего внимания отдают Елизавете Федоровне, и не случайно. Старшая сестра последней русской императрицы, она первой приехала в Петербург из Германии. Именно на ее свадьбе Николай и познакомил-

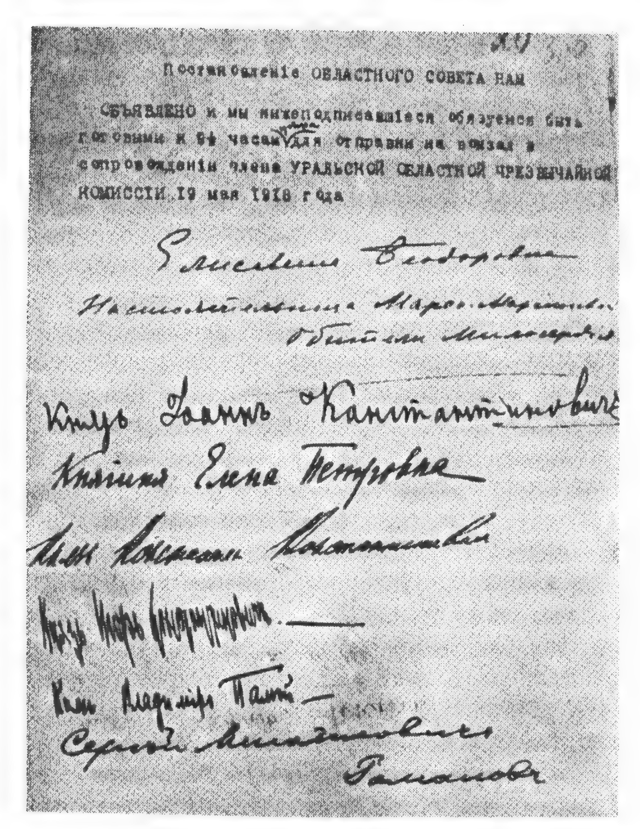
ся со своей будущей супругой. Когда же мужа Елизаветы Федоровны убили террористы, она отошла от всех земных дел, организуя помощь бедным и больным, воспитание сирот. Кто-кто, а Елизавета Федоровна меньше всех заслуживала злой участи, и не случайно сразу же после смерти о ней первой стали говорить как о святой.

Алапаевск – город маленький, и прибытие туда 20 мая такой группы не осталось незамеченным. Лица царствовавшего дома никогда не удостаивали его своим посещением — теперь их самих можно было увидеть воочию. Позже это пригодилось при опознании трупов.

Об алапаевской странице истории написано много. Подробно она освещена и Н.Соколовым. Но хотелось найти еще не цитировавшиеся источники. И выяснилось, что их можно найти в Свердловском партархиве, где оказались документы, проливающие свет на историю истребления великих князей. И что важно — документы подлинные, не копии с увезенных Соколовым. Это большая редкость в "царском деле" — ведь то, что выявили колчаковские следователи, так или иначе опубликовано. Сами же документы в большинстве своем увозились отступавшими белогвардейцами и либо пропали, либо оказались за границей.

Кто знает, увидели бы мы черновик своеобразного обзора "Дела об убийстве Великих Князей", сделанного прокурором Екатеринбургского окружного суда Иорданским в 1919 году, если бы не разруха, охватившая всю страну. Сказалась она и на производстве бумаги. В Губюсте провели субботник "по выдиранию из каких-то разэвакуированных дел белой бумаги". Вот тогда-то его заведующий, а позже помощник прокурора Нижнего Тагила Постников увидел эти заметки. Судя по всему, Постников был не случайным человеком в юстиции — ведь иной и прошел бы мимо.

В декабре 1922 года Уральская областная комиссия по истории Октябрьской революции и Р.К.П. (Истпарт) запросила его о судьбе бумаг, ссылаясь на "одного из членов коллегии Губревтрибунала", тоже присутствовавшего на субботнике "по выдиранию". Постников ответил, что да, "мною из бывш. архива Окружного суда действительно изъято дознание по делу убийства бывш. царя Николая II и Великих Князей в Алапаевске, и все эти дела сего числа за №71 пересланы Губпрокурору т. Горохову для передачи Вам". Вот так появился в Истпарте документ, на который мы можем опираться в своем рассказе.

Постановленіе ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАМ

ОБЪЯВЛЕНО и мы нижеподписавшіеся обязуемся быть готовыми к 9½ часам для отправки на вокзал в сопровожденіи члена УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССІИ. 19 мая 1918 года

Елисавета Феодоровна
Настоятельница Марфо-Мариинской Обители Милосердия

Князь Іоаннъ Константиновичъ

Княгиня Елена Петровна

Князь Константин Константинович

Князь Игорь Константинович

Князь Владимир Палей

Сергей Михайлович Романов

Постановление Уралсовета
об отъезде в Алапаевск великих князей.

Как явствует из записок Иорданского, все великие князья оказались в Алапаевске в начале мая, по другим документам — 20-го. Их поселили в здании так называемой Напольной школы на окраине города. Дали и служанку, впрочем, взяв с нее “обязательство не вступать в разговоры с великими князьями”. Режим отнюдь не был жестоким — “сначала им была предоставлена свобода, причем они могли ходить по городу и гулять в поле”.

Это продолжалось недолго. Как выяснил Иорданский — “через месяц появился комис. Кучнаков и Ефим Соловьев, объявившие, что из Перми сбежал Вел. Князь Мих. Александрович и что по этому

поводу будет установлен за всеми строгий контроль". Ну, что-что, а строгости — типично в нашем общем стиле. Запретили прогулки, отобрали деньги, выселили двух слуг князей и двух монахинь, состоявших при Елизавете Федоровне. Особенно подчеркивалась перемена в отношении со стороны охраны — оно стало грубым и резким. И еще одно — стремительные, ничем не мотивированные обыски днем, а часто и ночью.

Князья, естественно, возмутились. Член суда Сергеев (это тот, который сменил Наметкина — первого следователя по "царскому делу") нашел копии девяти телеграмм, в шести из них идет речь о переводе всех Романовых "на тюремный режим и солдатский паек". Ничего не помогло — режим не смягчили.

За несколько дней до убийства в Напольную школу "приехали какие-то большевики", одетые в штатское платье, но с винтовками и революльверами. С ними были и местные комиссары. Началась опись вещей, принадлежавших великим князьям. При этом им сообщили, что повезут всех "в Синячихинский завод, отстоящий в 14 вер. от Алапаевска".

В день отъезда обед подали, как обычно, в 6 вечера, но приезжие все торопили князей, заявляя, что повезут их в 11 часов. Запомнилась служанке вот какая деталь — она стала укладывать продукты, а "большевики остановили ее", дескать, не нужно спешить, привезет позже. А на следующий день уже все знали, что князья расстреляны.

Как увозили князей? Сначала сменили красноармейский караул на охрану из рабочих Алапаевска. Потом к школе подъехала весьма представительная группа — председатель исполкома Г.Абрамов, председатель Делового Совета А.Смольников, член этого же совета В.Рябов, члены чрезвычайной следственной комиссии И.Абрамов и другие. Смольников объявил князьям, что "их повезут на дачу". Каждый сел в повозки по одному и рядом по одному из сопровождающих.

Коробки уехали, а во дворе Напольной школы началось непонятное. "Красноармеец П.Гловырин бросил бомбу, но она не взорвалась". Когда же Смольников вернулся, один из свидетелей услышал, как он обронил дежурному милиционеру фразу: "Наконец-то успокоились". И тут же распорядился вызвать красноармейцев, при них начал стрелять в воздух. Поднялась тревога, красноармейцев отправили к лесу, чтобы отразить "нападение белогвардейцев".

Напольная школа в Алапаевске, где были заключены вывезенные из Екатеринбурга великие князья. *Архив.*

На выстрелы стал сбегаться народ. Всем тут же сообщалось, что князей похитили белогвардейцы. Свидетель А.Насонов показал, что "по дороге к школе их встретил комиссар Павлов, первым сообщивший о нападении белогвардейцев. Когда они затем подошли к школе, комиссар Смольников, находясь на крыльце, ругался и говорил: "Товарищи, теперь нам попадет от Урал. Обл. Совета за то, что князьям удалось бежать", пояснил, что белогвардейцы увезли их на аэропланах".

И вот интересная деталь — далее свидетель сообщает: "Тут же находился судья Постников, который с большой книгой в руках "наводил следствие" о побеге князей". Но, может быть, это и есть тот самый Постников, который, найдя материалы Иорданского, не уничтожил их, а забрал себе, передав позже в Истпарт? И речь там шла о нем?

Из Алапаевской почтово-телеграфной конторы были изъяты две телеграммы, отправленные 18 июля. Вот они:

"Военная Екатеринбург Уралуправление 18 июля утром два часа банда неизвестных вооруженных людей напала Напольную школу где

помещались Великие Князья. Во время перестрелки один бандит убит и видимо есть раненые. Князьям с прислугой удалось бежать в неизвестном направлении. Когда прибыл отряд красноармейцев, бандиты бежали по направлению леса задержать не удалось розыски продолжаются. Алапаевский исполком Абрамов, Перминов, Останин."

"Екатеринбург Область Совет. Алапаевский исполком сообщает чрезвычайная комиссия в составе Останина, Старцева, Говырина, Зырянова приступила к расследованию побега князей Романовых предисполкома Абрамов".

Конечно, скрыть убийства не удалось, работали грубо — взять хотя бы брошенную (и не взорвавшуюся!) бомбу, выстрелы на крыльце, ночную "атаку" на безмолвный лес. Но особенно "оригинальны" телеграммы, упоминание об убитом. Он был? Да, подкинули труп, как после выяснилось, специально расстрелянного человека. И тут же фраза Смольникова — "Наконец-то успокоились", запрет собирать еду на следующий день и прочие детали, давшие право даже прислуге считать на следующий день, что "В. Кн. расстреляли".

От людей не скроешься. Жена земского ямщика Анна Губина слышала от Сафы Мухамет Шакирова, "что он на своей лошадке вез князей к шахте, а на другой телеге ехали какие-то "члены", не доезжая до шахты, ему велели остаться в стороне, телегу же, на которой везли князей, подвернули к шахте и всех сидевших сбросили". Другой свидетель слышал признание И.Маслова, что "он за князьями опустил в шахту бомбу". Все это позже подтвердилось — и то, что узников Напольной школы живыми кинули в шахту, и то, что туда бросали бомбу. Не все погибли сразу — во-первых, любопытный мальчик слышал доносившееся из шахты пение, во-вторых, при подъеме трупов оказалось, что Елизавета Федоровна пыталась перевязать одного из князей, тоже оставшегося в живых после падения в ствол шахты.

Оказал сопротивление палачам лишь Сергей Михайлович — в его черепе врачи, производившие вскрытие, нашли "круглое отверстие величиной с горошину" и "смерть произошла вследствие огнестрельного ранения". Да, надо добавить, что, как и в Ипатьевском доме, здесь была уничтожена женщина, не принадлежавшая к царскому дому — состоявшая при Елизавете Федоровне сестра Марфо-Мариинской общины Варвара Яковлева. О ней вообще не упоминалось ни в телеграммах, ни в сообщениях, как сказали бы сейчас, для печати. А

ведь о случившемся не только информировали газеты, население извещалось и настенно.

Иорданский писал, что "после увоза В. Кн. 18 июля было вывешено в Алапаевске объявление о том, что Князья похищены "бандой белогвардейцев", с которой "доблестные войска" Красной Армии вступили в перестрелку, в результате которой один из них был убит, а двое красноармейцев легко ранены и что всем князьям удалось бесследно скрыться..."

Нет, не удалось князьям "скрыться", ибо те, кто "помогал" им в этом, сделали свое дело крайне непрофессионально. Оставили, словно специально, свидетелей и свидетельства, не сумели спрятать или, точнее, замаскировать общую могилу, которой стала шахта. И вот что интересно — и царскую семью бросали в шахту, и там сверху бросали бомбу, но столетняя крепь из лиственницы устояла, шахта не завалилась. Все те, кто хотел побыстрее закончить дело, получили выволочку от Уралсовета, вот почему пришлось трупы вынимать, частично жечь, а частично хоронить в общей могиле. В Алапаевской тоже, видать, поленились, но большого контроля не было, и все сотворили, исходя из великого слова "авось".

И получилось, что шахту нашли, трупы достали, опознали и похоронили. При отступлении белые увезли гробы с собой. Но это уже другая история, а, заканчивая рассказ о гибели великих князей, хочется вспомнить один эпизод — ту самую причину, по которой произошло ужесточение режима содержания. Иорданский записал слова свидетелей — "... из Перми сбежал Вел. Князь Мих. Александрович и что по этому поводу будет установлен за всеми строгий контроль." Сбежал брат царя?

Проследив судьбу Романовых в Екатеринбурге и Алапаевске, мы несколько упустили из виду того члена царствующей семьи, которому Николай II первоначально собирался передать бразды правления. Речь идет о Михаиле Александровиче. Фигура внешне совсем невидная в истории, отчего многие принимают на веру широко распространенное мнение — "Николай II отрекся от престола. Февральская революция победила". Да, Николай II отрекся от престола, но... в пользу своего брата:

"Мы передаем наследие наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского".

В эту шахту под Алапаевском были сброшены великие князья.
Архив.

Михаил же призвал народ подчиниться Временному правительству, а вопрос верховной власти решить Учредительным собранием.

Судьбе брата царя даже вполне серьезные исследователи уделяли всего несколько строчек. Правда, М.Касвинов посвятил ему целых две (!) страницы, начав рассказ вот такими словами: “Месяцем раньше нашел в этих краях свою могилу и Михаил Романов, брат Николая II, бывший февральский кандидат на царский престол”. Не будем останавливаться на непонятном злорадстве, звучащем в этих словах, и на точности определения “в этих краях” — от Екатеринбурга или Алапаевска до Перми более 400 километров, да ладно, они не меряны, наши края уральские.

А вот о последних месяцах жизни Михаила Александровича следует рассказать поподробнее, зачем — хотя бы для исторической точности. Да еще и многое окажется связанным с его судьбой — но об этом позже.

Отречение Николая II в пользу Михаила Александровича современники могли принимать двояко. Во-первых, был официальный наследник — цесаревич Алексей, правда, несовершеннолетний и требовавший по всем правилам регента (мать? иных родственников по линии отца?). Во-вторых, до рождения Алексея Михаил Александрович уже был наследником престола, а после получил титул “правителя государства”. Титула был лишен в 1912 году.

Интересна история “прегрешения” Михаила Александровича. Он женился на дочери московского адвоката. Ну и что? — скажет читатель. А то, что Наталья Сергеевна (ох уж эти женщины!) уже была дважды замужем, причем со вторым мужем разошлась именно для того, чтобы выйти замуж за Михаила Александровича. Ну и что? А то, что, женившись на “разведенке”, он напрочь отрубил себе и будущим детям права на престол. Так как венчался он в Вене (в России это нельзя было сделать), то царь даже запретил ему въезд в Россию, имущество взял в опеку и лишил звания “правитель государства”. Позже, однако, все удалось сгладить.

Столь суровое решение царя не вызвало у сторонников монархии какого-то удивления. Подобное свободное поведение (в любви!) всегда встречало осуждение со стороны блюстителей морали монархов. Вспомним, что английский король Эдуард VIII, женившись на американке (разведенной!), тут же отказался от трона в пользу брата Георга (Джорджа) VI, отца нынешней королевы Англии. А произошло это

в 1936 году, по сути дела в наше время. Нет, “что ни говори, жениться по любви не может ни один король”, как пела А.Пугачева.

Отлично повоевав (командир дивизии, Георгиевский крест), Михаил Александрович в февральские дни оказался в Гатчине, откуда 27 февраля был вызван к Родзянко в Петроград. Звонил Николаю II, пытался уговорить его на создание правительства доверия, затем отказался возглавить отряд военнослужащих, решивших с оружием в руках защищать самодержавие, а 3 марта подписал отречение от престола.

Следует согласиться, что отречение-то было условное. Вспомним из текста: “Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского”.

Честные и откровенные слова, тем более, что перед этим говорится о “тяжком бремени”, возложенном “волею брата моего”. Если бы все наши правители принимали власть именно после “всенародного голосования”... Нет, явно не лез Михаил Александрович в политические хитросплетения своего времени. И не случайно А.Деникин в “Очерках русской смуты” так и написал: “После отречения Великий Князь поселился возле Гатчины, не принимал решительно никакого участия в политической жизни и жил там до середины марта 1918 г., когда по инициативе местного большевистского комитета был арестован, препровожден в Петроград и затем вскоре сослан в Пермскую губернию”.

Последний раз своего брата Михаил Александрович видел перед отправкой семьи Николая II в Тобольск. Вот свидетельство их встречи: “Николай и Михаил не виделись со времени переворота и теперь не могли быть уверенными, увидятся ли еще когда-нибудь. Они стояли друг против друга... в растерянности, не зная, что делать, — переминались с ноги на ногу, берясь за руки, трогая друг у друга пуговицы...”

Предчувствия, о которых говорится, сбылись — братьям не суждено было встретиться. Но главное — не могли даже в кошмарном сне увидеть Романовы, как кровавая кончина одного может сказаться на всех остальных родственниках.

Можно сказать, что Михаил Александрович не чувствовал себя в чем-то виноватым перед страной (о том, что будут уничтожать Романовых именно из-за того, что они Романовы, никто и думать тогда не мог). Он жил в Гатчине, в ноябре 1917 года пришел в Смольный к В.Бонч-Бруевичу с вопросом, как же ему быть. И получил письменное разрешение о "свободном проживании". Через месяц попросил Совнарком переменить ему фамилию на фамилию жены, стать Брасовым. О его просьбе доложили Ленину, тот заявил, что этим вопросом заниматься не будет.

Совнарком все же занялся Михаилом Александровичем, решив 9 марта "бывшего Великого Князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона... выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Местожительство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, причем Джонсон должен быть поселен не в одном городе с бывшим Великим Князем Михаилом Романовым".

Можно по-разному относиться к высылке в Пермскую губернию, но, похоже, никакого злого умысла в ту пору еще не было. Свидетельств тому уйма — ведь даже правительство уехало из Петрограда в Москву. Так что оставлять Романова без присмотра не следовало. Сама высылка (если вспомнить, что началось через три-четыре месяца) была весьма мягкой. Михаил Александрович привез в Пермь уйму личных вещей плюс автомобиль "Роллс-Ройс". Приехали с ним шофер Борунов и камердинер Челышев. В багаже особое место занимала аптечка — Михаил Александрович был болен.

Оставалось одно — вернуть личного секретаря — англичанина Брайана Джонсона (его все звали Николаем Николаевичем). Сам Джонсон дал телеграмму Ленину, прося его не разлучать с тем, "у кого я секретарем". Еще секретарь ссылался на расстроенное здоровье Михаила Александровича, что было правдой.

Думается, местная власть не поняла, почему именно в Пермь выслали Михаила Александровича. Иначе зачем было бы пытаться держать всех Романовых в заключении? Вот текст телеграммы на имя управляющего делами Совнаркома В.Бонч-Бруевича:

"Сегодня двадцатого (марта) объяв распоряжение местной власти немедленно водворить нас всех (в) одиночное заключение (в) пермскую тюремную больницу вопреки заявлению Урицкого о жительстве

(в) Перми (на) свободе но неразлучно с Джонсоном который телеграфировал Ленину прося Совет (Народных Комиссаров) не разлучать (нас) ввиду моей болезни и одиночества. Ответа нет. Местная власть не имея никаких директив центральной (власти) затрудняется как иначе поступить. Незамедлительно прошу дать таковые. Михаил Романов".

Еще раз напомним, что в те дни ожесточение еще не охватило людей. "В силу постановления Михаил Романов и Джонсон имеют право жить на свободе под надзором местной Советской власти", — телеграфировал в адрес Пермского Совдепа В.Бонч-Бруевич. О том же прислал телеграмму от имени Петроградской ЧК М.Урицкий. Пермякам этого было достаточно. На всякий случай они предупредили Михаила Александровича, что никаких гарантий безопасности он получить не может. Не хочешь в тюрьме — отвечай за себя сам.

Они и жили на свободе. Сняли комнаты в "Королевских номерах", точнее — в гостинице купца Королева. Михаил Александрович ежедневно отмечался в штабе Красной Гвардии, позже — в местной ЧК. Смена произошла из-за того, что Пермский совдеп сообщил в Петроград — он за Романова не отвечает.

Сам Великий Князь не собирался ни бежать куда-либо, ни прятаться, хотя, честно говоря, условия были. Из его дневника известно, что он часто ездил на Каму, переправлялся через нее и даже катался на моторной лодке. По вечерам посещал театры, вел оживленную переписку. Его жена хотела постоянно жить в Перми, но Михаил Александрович чуть ли не силой заставил ее уехать в Москву, а позже — в Петроград.

В дневниковых записях о переписке не встречаются имена кремлевских руководителей. Но нет сомнения, что Михаил Александрович надеялся на какое-то решение, ведь позже писалось о встрече Брасовой с Лениным. Изменить же личную судьбу узника не удалось, а вот судьба всей революции начала шататься, и очень круто. Восстал чехословацкий корпус, который в те дни, эвакуируясь во Владивосток, растянулся своими эшелонами от Самары до Новониколаевска.

Попытки местных властей овладеть силой ситуацией не удались. Сбивая заслоны из разрозненных, необученных частей Красной Армии, чехословаки стали расширять "сферу влияния" во все стороны от транссибирской магистрали. Их отряды немедленно стали по-

“Пермские расстрельщики” — слева направо: А.Марков, Н.Жужгов, Г.Мясников, В.Иванченко, И.Колпащиков. *Архив.*

полняться как сторонниками старой власти, так и сочувствовавшими Учредительному собранию, за пять месяцев до того разогнанному большевиками.

Один из ударов был направлен на Екатеринбург, ибо Челябинск чехи захватили через день после начала восстания. Правда, тут они встретили наиболее яростное сопротивление и шли к столице Красного Урала целых два месяца. Пермь оставалась в стороне от направления главных ударов противника, ее взяла зимой уже армия Колчака. Но общее ожесточение, вызванное начавшейся Гражданской войной, стало заходить и сюда.

И вот 15 июня 1918 года в “Известиях Пермского Окрисполкома Советов В.К. и А.Д.” появилось (равно как и в других газетах) следующее сообщение под заголовком “Похищение Михаила Романова”:

“В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в “Королевские номера”, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то

ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увезли, посадили в закрытый фургон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской.

Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Производятся энергичные розыски".

Содержание этой заметки поучительно. Все оно представляет собой дезинформацию, основанную на реальных фактах. Да, Романова и Джонсона увели силой, но не мифические "неизвестные в солдатской форме", а лица, которых если и не знали похищаемые, то хорощо известные в Перми. Обратите внимание — велено задержать Романова, а не похитителей. Сообщение о приезде "через несколько минут" чекистов явная липа, на место происшествия милиция тогда (как и сейчас) являлась с часовым и более опозданием. Один из свидетелей этого позже указывал: "Прошло полчаса. Комиссар гостиницы... стал звонить в местную ЧК, проверяя, действительно ли был выдан ордер на выдачу Михаила Романова и Джонсона. Оттуда ответили отрицательно. Через час приехали несколько агентов ЧК, а также членов местного Совдепа и заявили, что Романов увезен злоумышленниками в неизвестном направлении. Поднялся шум. Мы все перепугались. Но этим дело было закончено..."

Как складно получилось — приехали только через час и тут же все точно выяснили. А что касается "шума", то вспомните, как "шумели" в Алапаевске. И бомбу бросили даже. И, конечно же, сразу ясно — дело рук злоумышленников. Как же иначе назовешь похитителей царского брата.

На самом деле злоумышленники были очень хорошо известны всем в Перми, а особенно в Мотовилихе. Это были

Гавриил Ильич Мясников,
Андрей Васильевич Марков,
Василий Алексеевич Иванченко,
Николай Васильевич Жужгов,

Иван Федорович Колпащиков и
Иосиф Георгиевич Новоселов.

Сами ли они придумали, как утверждали позже? Можно сомневаться, ибо полностью в курсе дела был заместитель коллегии Пермской губернской ЧК П.И.Малков, он же лично подписал фальшивый ордер на арест. Вот как о случившемся сообщал непосредственный участник убийства Михаила Александровича А.Марков: "Тов. Малков остался в ЧК, тов. Мясников ушел пешком к "Королевским номерам", а мы четверо — тов. Иванченко с тов. Жужговым на первой лошади, а я (Марков) с Колпащиковым — на второй — около 11 часов подъехали к вышеупомянутым номерам в крытых фаэтонах к парадному".

Дальше все шло гораздо проще, ведь ни Михаил Александрович, ни Джонсон сопротивления не оказали. "По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада, круто повернули по дороге в лес, направо. Отъехали сажень 100—120. Жужгов кричит: "Приехали — вылезай". Я быстро вылез и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И, только он стал выходить их фаэтона, я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время и у тов. Жужгова застрял барабан нагана... Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же... Зарыть (трупы) нам нельзя было, так как светало быстро и (было) недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе, в сторону от дороги, завалили прутьями и поехали в Мотовилиху".

Как видно, налицо самый обыкновенный заговор, причем, так сказать, "заговор наоборот". Существует брат царя, против которого направлена нелюбовь новой власти, есть противники этой власти — кому, как не им, сделать из Михаила Александровича (может быть, и против его воли) знамя зарождающегося белого движения? Так нет же, заговор зреет прямо в самых пролетарских верхах, среди членов Пермского совдепа и ЧК. Они ликвидируют Михаила Романова, давая тем самым повод обвинять членов царской семьи в противодействии новой власти. Причем прячут концы в воду, чем надол-

го поселяют в людях мысль — Михаил Александрович сбежал к белым...

Это не только выдумки ученых, задним числом пытающихся доказать искренность веры тогдашних руководителей в то, что от Романовых можно ждать любой подлости (хотя, на самом деле, это ждали Романовы — и дождались). Зная из официальных сообщений об исчезновении Михаила Александровича, даже простые люди поверили в побег брата царя.

В 1925 году в Свердловске вышла в свет незаслуженно ныне забытая книга "Рабочие Верхисетского завода в гражданской войне 1918 г." В ней мы можем прочитать следующее: "Появились очень показательные слухи о том, что Михаил Романов встал во главе сибирского правительства, хоть и отказался от восшествия на престол до... учредительного собрания". Учтите, писалось такое в 1935 году, когда еще не надо было как-то обуславливать уничтожение брата царя. Тогда это считалось положительным поступком, даже героическим. Но подобная правда нам и важна — таково было мнение большинства, а оно, в свою очередь, формировало и отношение к другим представителям Дома Романовых, оказавшимся на Урале.

И как яркий пример фальсификации войдет в историю телеграмма, отосланная из Перми 13 июня 1918 года. Она гласила:

"Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна Зиновьеву.

Копия Екатеринбург Облсовдеп. Чрезком.

Сегодня ночью неизвестными (в) солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов приняты самые энергичные меры.

Пермский Округ Чрезком".

И задумывались рабочие, крестьяне, солдаты — что еще сделать с Романовыми, не зная, естественно, что вождями большевиков судьбы Романовых уже не обсуждались? Долго ли мутить воду? Тем более, что разгоралась гражданская война — самая страшная из всех войн.

ЗАГАДКА ЛЖЕЦАРЕВИЧА

По мере роста интереса к судьбам последних Романовых растет и число так называемых "наследников". Нет, не надо думать, что Запад очень легко принимал любого, кто мог бы себя объявить беглецом из Ипатьевского дома. Наоборот, проверки, проводившиеся с участием лиц, приближенных к престолу, были более чем жесткими. Ведь если для правоверных коммунистов спор был бессмысленным — уничтожены все, то для монархистов в появлении каждого претендента таилась надежда — а вдруг? Но установить это следовало с наибольшей точностью, ведь речь шла о святая святых самого монархизма...

В "Совершенно секретно" (№7 — 1991) опубликована статья Татьяны Павловой "Лжецаревич из Багдада". Рассказывалось в ней, что выходившая в этом городе на английском языке газета "Таймс" 21 декабря 1929 года сообщила о появлении в Багдаде молодого человека, выдававшего себя за наследника русского престола. Он был доставлен сюда полицией, арестовавшей "царевича" при переходе границы.

О себе незнакомец рассказывал невероятную историю. Якобы за несколько дней до расстрела ему удалось бежать из Ипатьевского дома. Потом он жил в семье крестьянина В.Щетинина, тот его перед смертью определил в Екатеринбурге к купцу И.Башаркину, чья жена выдала подростка властям. Как следствие — Екатеринбургская тюрьма, потом — Иркутская, оттуда удалось бежать. Сложнейшим маршрутом через Новгород и Тевриз молодой человек добрался до Ирака.

Появление столь важной персоны не могло не заинтересовать в первую очередь русских, живших в Багдаде, а далее — всех, кто хоть как-то мог быть причастен к русским делам. При этом мнения разделились. Многим хотелось видеть в молодом человеке действительно наследника престола. Поддерживали такое убеждение и ассирийцы, издавна лояльно относившиеся к великому северному соседу.

Англичане, хозяйствовавшие тогда в Ираке, тоже не прошли мимо. Их врач осмотрел "Алексея", констатировал у него гемофилию (ведущий признак наследника престола), различные шрамы. Были проведены, говоря современным языком, и многочисленные тесты.

Из них выяснилось, что испытуемый не знает никакого иностранного языка, хотя известно, что наследник бегло говорил по-француз-

ски и, вероятнее всего, понимал английский, ведь его отец и мать дома часто общались на этом языке. Комнаты Ипатьевского дома указывал правильно, но не узнал двух слуг. По-русски писал с ошибками...

Как всем уже стало понятно, испытывали его больше "свои" — эмигрантские организации. Шла оживленная переписка между Багдадом и Российским Общевоинским Союзом (РОВС), а также с Высшим монархическим Союзом. Считая, и не без оснований, что подлинный царевич погиб на Урале, руководители РОВСа искали не то, кем является самозванец, а "руку, которая его направляет".

Судя по всему, это была весьма правильная мысль. Дело в том, что автор статьи говорит о переписке "Алексея" и сообщает — "черновик одного из этих писем имеется в нашем распоряжении. Это письмо малограмотного человека". Речь идет о письмах Алексея (только чтобы удобнее писать, не будем дальше брать это имя в кавычки). Насколько же близко должны были находиться к нему агенты ОГПУ, чтобы "в нашем распоряжении" оказался черновик одного из писем, которые предполагаемый наследник писал великой княжне Ксении Александровне и великому князю Кириллу Владимировичу! Так что Алексей, может быть, и сам верил, что он наследник, но кто же направлял его веру?

В конце концов, общее мнение победило — самозванец! Поэтому молодого человека заставили в присутствии свидетелей дать довольно оригинальную подписку. Она гласила, что "я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что я обязуюсь впредь не называться именем наследника Алексея Николаевича Романова. Я буду называться тем именем, под которым я жил в России, т.е. Василием Васильевичем Щетининым. 16 апреля 1930. Багдад".

Обратите внимание на деталь — нет ни слова о самозванстве, об обязательстве не обманывать людей и о прочем. Просто — "не называться именем наследника". И не то, что я, мол, Щетинин — нет, просто то имя, "под которым я жил в России".

Что-то очень и очень много неясного в этом деле. Будь это действительно ОГПУ (речь идет о центре, о Москве), то, думается, наследник не только говорил бы на всех нужных языках, но и имел бы целую кучу доказательств. Если это просто самозванец — откуда ему известен Ипатьевский дом?

Постоянно проживавший в Багдаде Ф.Пиденко сообщил руководителю РОВСа генералу Е.Миллеру, что выдающий себя за Алексея

“в высшей степени честен и не лжец, на игру в роли наследника не способен, признаки гемофилии налицо, поразительно похож на Алексея, помнит отдельные бесспорные факты из жизни царской семьи, держится просто, видно, что имеет аристократические привычки и замашки, к дальнейшей своей судьбе относится терпеливо, без всякой рисовки и претензий”. И это писал человек, почти ежедневно наблюдавший Алексея. Согласитесь, что многое не стыкуется. Аристократические привычки, замашки и незнание языков, даже русского. “В высшей степени честен и не лжец” — утверждение, что он наследник престола. Именно РОВС отказался иметь дело с самозванцем, отметив, что вся царская семья погибла, а сам руководитель РОВСа получает от доверенного человека крайне похвальный отзыв о “подопечном”. И... не принимает его всерьез.

Не являлся ли Пиденко тем самым человеком, который был крайне заинтересован в “продвижении” самозванца? Тогда ясно, как мог попасть в Москву черновик письма. Кстати сказать, именно РОВС в те годы был объектом усиленного внимания ОГПУ, сам Е.Миллер позже испытает это на себе. Его захватят, тайно перевезут в Москву, и след генерала затеряется в подвалах Лубянки.

Среди загадок, вызванных появлением “лжецаревича из Багдада”, есть одна, так и не разрешенная ни в то время, ни в статье в “Совершенно секретно”. Подвергаемый всевозможным тестам, опросам (так и хочется написать — допросам) молодой человек не только не уходил от попыток выяснить его родословную, но, наоборот, просил представить его свидетелю. И не какому-то, а самому Пьеру Жильяру, учителю царских детей. Действительно, уж кто-кто, а он мог бы признать царевича!..

Но, странное дело, к Жильяру-то его и не допустили. Прислали французу фотографии, тот заявил, что это не сын царя, и все. И еще — он не знает никаких знаков, о которых твердит самозванец. Вот об этих знаках и поведем речь.

По словам Алексея, его мать, жена Николая II, Александра Федоровна, тоже спаслась из-под расстрела и находилась неподалеку от Новгорода. Она-то и передала письмо для Жильяра. Ознакомившись с ним, Жильяр сообщил Миллеру, что “шифрованная запись, содержащая кабалистические знаки, сделанные рукой самозванца, переданная ему, совершенно непонятна и ни о чем не говорит”. Далее в статье есть еще упоминание о “кабалистических знаках,

вышитых зеленым шелком по белому коленкору на письме, якобы переданном бывшей императрицей Александрой Федоровной для Жильяра через Алексея".

Все, больше в "Совершенно секретно" ничего не написано. Но есть фотоснимок тех знаков. Стоит вглядеться повнимательнее. Это же свастика!

Не стоит обвинять Александру Федоровну в пристрастии к фашизму, как это делали иные (не только наши, но и зарубежные!) историки. 30 апреля 1918 года Адольф Шикльгрубер (в последующем — Гитлер) еще был солдатом, ни о каких арийских символах и не помышлял. А дата эта выбрана вот почему. Войдя в дом Ипатьева, Александра Федоровна четко написала на оконном косяке "17/30 апреля 1918 г.". Рядом нарисовала свастику.

Пожалуй, стоит объяснить непосвященным ее смысл. Это один из древнейших, известных с каменного века астрологических знаков, равно как пятиконечная и шестиконечная звезды, крест, круг... В той или иной мере это и солярные знаки — символы Солнца, звезд. Иногда в центре свастики рисовали круг — вот почему видный исследователь Эме Мишель называл такой знак "солнце с ножками". Изображения свастики обнаружены не только в Индостане, а и на юге и севере Европы, в Китае и Древнем Египте, в Северной и Южной Америках. Наряду с привычным нам крестом в раннем христианстве использовалась и свастика.

В Петрограде существовал так называемый "кружок Вырубовой", особы, лично приближенной к царице. Вырубова увлекалась теософией, она изучала религию древних индийцев, а точнее — ариев, пришедших с севера на полуостров Индостан. Вот в этом-то кружке и был распространен знак, взятый из верований древних племен. Жаль, что Гитлер, вообразивший себя наследником древних ариев, сделал свастику символом национал-социализма.

Русское слово "звезда" происходит (и имеет то же значение) от "свастики", ведь в языке, на котором мы говорим и пишем, остались корни слов от его индоевропейской праосновы. Есть и в литовском: "звайзгне" — "звезда".

Разумеется, подобный знак, весьма любимый императрицей, не мог быть безвестным всем придворным, в первую очередь тем, кто не просто прислуживал, а по своему положению занимал особое место при дворе. Учителям царских детей, например, как тот же Жильяр.

Поэтому Алексей и просил представить его Жильяру, писал ему, показывал вышитые знаки, которые тот назвал кабалистическими и заявил, что не знает...

Не знает свастики? Не знает, что именно ею как бы подписывалась императрица? В это поверить нельзя. Ведь именно этот учитель царевича Алексея опубликовал на русском языке в Ревеле (ныне Таллин) в 1921 году книгу "Трагическая судьба русской императорской фамилии. Воспоминания бывшего воспитателя наследника цесаревича". И там мы можем прочесть следующее:

"На стене в амбразуре окна комнаты императрицы я сразу же увидел ее любимый знак "Swastika", который она столь часто рисовала. Она изобразила его карандашом и тут же крупными русскими буквами отметила дату 17/30 апреля, день прибытия в дом Ипатьева. Такой же знак, только без числа, был нарисован на обоях стены на высоте кровати, принадлежавшей, видимо, наследнику".

Так знал ли Жильяр этот знак?

Загадка в загадке — почему же он не откликнулся на предъявленный ему кусок "белого коленкора", где подобные знаки были вышиты? А может быть, это и испугало Жильяра? И он, и иные свидетели драмы во всех воспоминаниях говорили о гибели царевича. Здесь же появляется человек, предъявляющий, казалось бы, бесспорный пароль, требующий личного свидания. Уже устоявшееся, канонизированное мнение о гибели царской семьи готово разлететься от появления спасшегося наследника. Надо, кстати, вспомнить, что версия спасения изобилует чудесами и не принимается наиболее могучей эмигрантской силой — РОВСом. Жильяр уже не молод, вновь вмешиваться в споры, связанные с прошлым, ему не хочется. (А может, и отсоветовали?). И даже не посмотрев на того, кто назвал себя его воспитанником, Жильяр отказывается.

Что случилось дальше с Алексеем, где он жил, не ведомо. Осталась лишь очень непонятная история да несколько нерешенных вопросов. Об одном мы уже говорили — о том, что сам по себе Алексей появиться в Багдаде не мог. Ему явно помогли, но сделали это очень странно — не все данные совпадали, хотя очень легко было предположить, по каким пунктам станут проверять предполагаемого наследника. Наряду с явными "да" — внешняя схожесть, тайный знак, знание дат, расположения комнат Ипатьевского дома,

есть и "нет" — не узнал двух слуг, не знал иностранных языков. Похоже, не Москва готовила его. Но кто тогда?

И вновь на помощь приходит "Совершенно секретно", теперь №2 за 1992 год. В нем опубликованы воспоминания Г.Агабекова, видного советского разведчика, бежавшего в 1929 году с поста резидента по Ближнему Востоку, написавшего две книги и позже убитого охотившимися на него чекистами. Но не это интересует нас. Дело в том, что Агабеков... уралец, наш земляк.

Как написано в предисловии к воспоминаниям, в 1920 году двадцатилетний коммунист, командир войск Внутренней охраны Агабеков по решению Екатеринбургского губкома партии был направлен для работы в местную ЧК. Недолгое время ведал там работой с секретной агентурой, а затем был переведен в Туркестан. Обратите внимание — сразу после перевода руководил секретной агентурой, то есть попал в святая святых подобной службы.

Перевод в Туркестан ознаменовался новыми успехами Агабекова. Он, похоже, действительно обладал своего рода талантом, столь необходимым в тайной службе — умел отбирать нужных людей, вербовать их. Как иначе объяснить вот такую характеристику — сразу же после приезда в Туркестан "при его участии было проведено несколько удачных операций — в том числе раскрыт антисоветский заговор руководителей Бухарской народной республики, ликвидирован один из лидеров басмачества — бывший военный министр Турции Энвер-паша, похищены секретные афганские шифры". Каждая из этих операций в отдельности могла бы принести известность (в своих кругах, естественно). А здесь они идут подряд одна за другой.

Агабекова снова повышают — он становится резидентом по Афганистану. Там он даже "наладил широкие связи среди высшего мусульманского духовенства". И снова скачок по служебной лестнице — в 1928 году Агабеков возглавляет Восточный сектор Иностранного отдела ОГПУ — становится начальником разведки по всей Азии. Это один из высших постов разведслужбы чекистов. И тут наступает перелом. В 1929 году наш земляк получает наивысший зарубежный пост — резидента разведки ОГПУ по Ближнему Востоку и через несколько месяцев бежит в Европу.

Что могло быть причиной такого совершенно непонятного шага? Многое, вероятно, но, как кажется, судьба предшественника в Стам-

буле — Я.Блюмкина, того, кто убил в 1918 году германского посла Мирбаха. Странным образом не только пощаженный, но и оставшийся на работе в ЧК, Блюмкин был отозван в Москву и тут же расстрелян. Официальная причина — встреча с только что высланным за границу Троцким. Но сам ли резидент сунулся к изгнаннику? Или сделал это по приказу Москвы, что-то не выполнил до конца и тут же был ликвидирован? У Агабекова появилась возможность увидеть в этом конец и собственного жизненного пути...

Вернемся к багдадскому Алексею и посмотрим, мог ли он хоть в каких-то моментах своей биографии сталкиваться с Агабековым? Появился Алексей на Востоке в 1929 году — именно в этом году Агабекова назначают руководителем агентуры ОГПУ на Ближнем Востоке. Алексей — в Багдаде, Агабеков — в Стамбуле. Страны разные, но достаточно близкие, чтобы контролировать действия царевича.

Операция такого масштаба готовится не день и не два. Поэтому не следует сомневаться, что предполагавшаяся засылка не могла пройти мимо начальника Восточного сектора Инотдела ОГПУ (1928—1929) и мимо резидента ОГПУ по Ближнему Востоку (1929). Оба поста в те годы занимал Г.Агабеков.

Не удивлюсь, если узнаю, что эта операция задумывалась самим Агабековым. Он работал в Екатеринбурге, хорошо знал местные реалии и подобная мысль вполне могла появиться после знакомства с происшедшим в Ипатьевском доме. Агабеков ведь являлся командиром батальона войск Внутренней охраны (так называемых ВОХР) и не раз, вероятно, слышал от старших товарищей рассказы о расстреле в подвале.

Где готовили Алексея, если уж мы примем версию о заброске его в Багдад? Может, и в Москве, но то, что он был в то время в Свердловске, — гарантировано. Вспомните, ведь он знал расположение комнат в Ипатьевском доме, а такое лучше всего изучать “в натуре”. Тогда нельзя ошибиться — что увидел, то и рассказал.

Могли беглеца расспрашивать о том, как выглядит город, о его зданиях, улицах, памятных местах. Хоть и прятался он под фамилией Щетинина, но в городе-то бывал. Где в нем почта, как попасть на вокзал, где мосты через реку? Все это следовало знать Алексею, а значит, не один день ходил он по городу. Не думаю, что не осталось у нас следов — местные службы помогали посланцу Центра, если

не готовили “наследника” заранее. Мог сюда приезжать и сам Агабеков, если вполне резонно предположить, что вся операция готовилась под его контролем и по его идее...

Очень, очень много совпадений в этих, таких разных историях — “царевича” и Агабекова, чтобы не поддаться соблазну соединить их. И в то же время не выходят из ума несуразицы — ведь за год-другой Алексея можно было натаскать и во французском языке, и в английском. Дом он знал хорошо, а вот слуг не узнал. Гемофилия же у него была — болезнь не самая распространенная.

Когда-нибудь мы узнаем всю правду и об этой истории. Пока же она любопытна как свидетельство той борьбы интересов, которая не прекратилась вместе с гибелью Дома Романовых. И еще тем, что во многих деталях связана с Екатеринбургом.

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНАТОКИ

“В ночь с 24 на 25 июля 1918 года наши войска под начальством полковника Войцеховского рассеяли Красную Армию латыша Берзиня и заняли Екатеринбург. Советские власти и деятели в большой растерянности, спешности и тревоге бежали на Пермь, побросав и позабыв в городе много своих бумаг и документов, но увозя под надежной охраной специальными поездами награбленное у жителей имущество и в особенности ценности и документы, принадлежащие царской семье... Город встретил вступление наших войск как светлый праздник: флаги, музыка, цветы, толпа ликующего народа, церковный звон, смех и радостные лица”, — так описывал занятие города генерал М.Дитерихс в своей книге “Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале”.

Да, боев за город не было. Остатки красных частей успели оторваться от неприятеля и по Горнозаводской дороге стали откатываться к Перми. Единственным местом, где прозвучали выстрелы, стала железнодорожная станция. Несколько рабочих, как рассказывали позже, а среди них и 12—14-летний паренек, залегли у паровоза и долго отстреливались. Говорили, что у них имелся и пулемет. Все они погибли в этом бою. Вот кому бы поставить памятник, но ни разу не пришлось встретить фамилии храбрецов, хотя по свежим следам это можно было выяснить еще в 1919 году.

Несколько слов о М.Дитерихсе. Чех по национальности, генерал-лейтенант русской армии, он успешно воевал на фронте, вместе с Брусиловым разрабатывал ту операцию, которая позже получила название “Брусиловский прорыв”. Он начал, говоря современным языком, курировать следствие о расстреле царской семьи. Позже передал документы Соколову, но, вероятно, сохранил копии. Книга его, вышедшая во Владивостоке в 1922 году, интересна как взгляд с другой стороны.

А Соколов? — спросит читатель. Ну, следователь в своей книге расскажет о том, что ему удалось узнать, какие доказательства свершившегося он нашел, что показали на допросах арестованные. Но не забудем — Соколов был третьим по счету следователем после Наметкина и Сергеева. Дитерихс же находился в числе тех, кто первыми из белых увидел Ипатьевский дом. В любом случае — из первых уст узнал о происходившем. Итак, город ликовал...

“Только на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка, за двумя рядами высоких сплошных заборов, скрывающих окна от глаз улицы, в небольшом, но хорошеньком беленьком домике продолжали царить мрак, мертвая тишина и тени преступлений”.

Разумеется, победители о доме знали и не могли обойти его своим вниманием. “Все, кто только были свободны от службы и боевых нарядов, потянулись к дому... Кто осматривал дом, взламывая некоторые заколоченные двери, кто набросился на разбор валявшихся вещей, бумаг, обрывков бумаг, кто выгребал пепел из печей, и каждый действовал сам по себе, не доверяя другому, опасаясь друг друга и стремясь поскорее найти ответ на волновавший всех вопрос”.

Вопрос вроде бы один: где же царская семья? Но, судя по дальнейшим описаниям, не все задавались этим вопросом. Об этом с явной горечью и написал генерал-лейтенант. “Кроме офицерства, в дом Ипатьева в значительно большем количестве набралось много разного народу. Тут были и дамы, и буржуи города, и мальчишки с улицы, и торговки с базара, и просто праздношатающийся обыватель... И пока офицерство и положительный посетитель обходили дом, осматривали комнаты, строили предположения, делились впечатлениями и разными слухами, люди, пришедшие сюда “просто так”, и люди, забравшиеся с определенными намерениями поживиться, набрали и унесли много всякого брошенного имущества, и многое потом находилось на базаре и барахолках”.

В это можно поверить. Как ни пытаются уже в наши дни уверять, что весь народ жалел царя, царскую семью, что относились к ним чуть ли не как к святым, а воспоминания современников говорят совсем об ином. Ожидая прибытие поезда с царем, на вокзале собралась огромная толпа — и отнюдь не для спасения его, не случайно состав пришлось повернуть на грузовую станцию Екатеринбург-II. У Ипатьевского дома тоже собирались люди — “поругаться”, в документы вошел возглас: “Чрезвычайка, чего вы смотрите”. Вот ведь кому приходилось разгонять любопытных. И теперь сцена в доме Ипатьева — без зазрения совести растаскивалось брошенное имущество. Это ли не свидетельство подлинного отношения горожан?

Лишь во второй половине дня поставили караул. Начальник гарнизона генерал-майор Голицын собрал группу офицеров Академии Генерального штаба (ее после революции перевели в Екатеринбург), укрепив следователем Екатеринбургского окружного суда На-

меткиным. Надзирал за всем этим прокурор Иорданский, чьи записи мы уже цитировали при рассказе об "алапаевском деле". В свою очередь прокурор отчитывался перед Дитерихсом (в тех же бумагах есть записи об этом).

Итак, первая следственная комиссия начала свою работу. Она установила многое и, в первую очередь, факт расстрела. Но кого? Самые бросающиеся в глаза улики могли видеть все, пришедшие в дом Ипатьева. "На некоторых полотенцах и салфетках виднелись большие густые кровяные пятна. А наружная сторона дома обрызгана тоже кровяными пятнами: видно, кто-то мыл под краном окровавленные руки и тряс их за окном" (Дитерихс).

Особый вид являла и подвальная комната — "видно было, что комнату недавно мыли и мыли даже обои. Но все же на полу, особенно вдоль карнизов, ясно виднелись следы бывшей здесь крови. В стенах и в полу, в косяках дверей и в верхних карнизах — много пулевых пробоин с застрявшими в некоторых из них пулями..."

Все это потом в той или иной мере войдет в книгу Соколова. Нас же интересует одно — первое впечатление от Дома особого назначения. Ведь то, что огласил в книге Дитерихс, увидено глазами генштабистов и Наметкина. А увидели они многое. Например, стены комнаты, где происходил расстрел и где до этого собирались охранники. "Чьи-то грязные и развратные натуры безграмотными и грубыми руками испещрили обои циничными, похабными, бессмысленными надписями и рисунками, хулиганскими стишками, бранными словами".

И тут же надпись на немецком языке: "В эту же ночь Валтасар был убит своими холопами". (Есть переводы — "слугами", "подданными".) Надпись, сделанная, без сомнения, очень образованным человеком, знавшим в подлиннике эти строки Гейне. Там, в тексте, на самом деле идет такое начало: "Но в эту же ночь..." Если прямо цитировать поэта, то слово "но" будет указывать на предыдущие строки, которые на стене не написаны. Тогда человек, сделавший надпись, убрал "но" — и строки приобрели законченную форму, как будто с самого начала речь шла об убийстве царя своими подданными и только. Лаконичное двустишие.

Эти две строчки развеяли миф о том, что стреляли "латыши" — они явились еще одним доказательством участия в расстреле австро-венгров. Позже выяснилось, что готовил пищу для "расстрельной ко-

манды" венгр Рудольф, найден клочок неотправленного письма на венгерском языке к "Терезочке"... Но как бы там ни было, поражало сочетание похабных надписей, рисунков и цитат из произведений мировой классики.

О том, что нашли следователи, еще будет идти речь, сначала о том, что они искали. Искали трупы, ибо кто убит — известно не было. Вся ли семья или только ее глава — как говорилось в "Уральском рабочем" от 23 июля 1918 года. Перекопали садик при доме, сетями и баграми прочесали городской пруд — ничего! А слухов бродило — не перечесть. Даже официальные лица верили им — иначе зачем бы начальник уголовного розыска Кирста публиковал сообщения об увозе Романовых... не аэропланах. Дались же они — и в Алапаевске их приплюсовали к делу, и здесь, что значит — новая техника. И еще одно — якобы даже видели членов разыскиваемой семьи одетыми в авиационную форму.

Вовремя подоспел поручик Шереметевский, скрывавшийся от красных в Коптяках. Он рассказал о странных делах — оцеплении леса, автомобиле с бочками, полными бензина (один крестьянин попросил — ему налили бутылочку). По времени сходилось с расстрелом, и в лес под Коптяками поехали члены следственной комиссии. Но не долго длилось это — комиссию расформировали. Причина интересная — о ней позже. В нашей же литературе ссылаются на то, что сами офицеры показались ненадежными — при красных учились в академии, а спасать царя не торопились.

Назначили Наметкина 30 июля, а освободили 7 августа. Много потом будет написано о его неповоротливости и даже лени, но все это просто-напросто неправда. Дело в том, что уж очень хотелось в два-три дня разобраться в судьбе царской семьи, узнать, куда же дели ее главу и действительно ли ее постигла та участь, о которой объявил "Уральский рабочий". От Наметкина требовали результатов военные власти, а он не хотел им подчиняться.

Наметкин в присутствии доктора Белоградского и гвардии капитана Малиновского осмотрел дом, составил его план (каждого из двух этажей в отдельности) и детально описал все, что находилось в комнатах. Настолько детально, что и сегодня по его описанию можно представить, как они выглядели в середине июля 1918 года. Ясно, что такое описание заняло не меньше суток.

Наметкин съездил и в район Коптяков, о котором узнал от поручика Шереметевского. Но путь он выбрал более удобный, чем тот,

который прошли красноармейцы. Те, выехав за Верх-Исетский завод, направились дорогой к Коптякам, потом, не доезжая до села, свернули влево, под углом к направлению движения. Наметкин же доехал поездом до станции Исеть, дальше добрался до Коптяков, оттуда уже и проследовал к Ганиной яме. Место, где сжигались трупы, он нашел, равно как и некоторые оставшиеся там вещи царской семьи. Ездил туда вместе с уцелевшими свидетелями — доктором Деревенько, камердинером Чемодуровым, в сопровождении офицеров.

Хоть и сообщается везде, что первым о непонятной суетне у Коптяков заявил прятавшийся там поручик Шереметевский, но нужно подчеркнуть и роль местных крестьян в раскрытии тайны. Как только красные сняли оцепление (19 июля) и возобновилось движение по дороге из Коптяков в Верх-Исетск, коптяковцы начали интересоваться тем, что же происходило в их краях. Поодиночке ездили они в лес, а уже 27 июля сообщили властям об оцеплении рудника. 28 июля группа крестьян осмотрела все на месте оцепления, вечером того же дня на рудник приехал лесничий В.Резников, а уже 30 июля здесь появился судебный следователь Наметкин.

Он стал планомерно разбираться со случившимся, слишком планомерно, по мнению начальства. За немногим более чем недельный срок — 7 августа на его месте был Сергеев — он описал место преступления — дом, побывал на шахте и хотя не бросился тут же рыть землю, но осмотрел ее окрестности. Нашел на березе зарубку и надпись, сделанную горным техником Фесенко — он, как потом выяснилось, видел в лесу Юровского еще 17 июля — тот рассматривал пути-дороги для проезда в чаще автомобилем. Что предполагалось вывозить — знает теперь каждый.

Сергеев шел классическим путем следователей — от места преступления. Поэтому именно Сергееву мы обязаны описанием того, что увидел он в полуподвальной комнате. Он же составил полный перечень всех пулевых пробоин (разумеется, найденных им, дело в том, что Соколов после тщательных исследований отыскал еще несколько), затем произвел выемку кусков дерева из пола, причем обнаружил в нем следы не только пуль, но и ударов русским трехгранным штыком.

Именно Сергеев первым обратил внимание на надпись — строки из Гейне, нашел написанные карандашом имя и фамилию — “Рудольф Лахер”, о нем уже говорилось: варил пищу для так называе-

мых “латышей”. Сергеев отобрал куски обоев, дерева, штукатурки для определения факта попадания на них крови. Одновременно начался поиск как подозреваемых, так и просто свидетелей.

По его распоряжению начальник Екатеринбургского уголовного розыска уже 10 августа допросил первого свидетеля. Им стал крестьянин В.Буйвид, живший в доме Попова напротив дома Ипатьева (помните, туда перевели наружную охрану Дома особого назначения). Особо чего крестьянин не знал, но рассказал, когда и при каких обстоятельствах слышал выстрелы в доме напротив, вспомнил, что после этого от дома ушел автомобиль. Круг допрашиваемых ширился, захватив даже ночного сторожа на Вознесенском проспекте П.Цецегова. Но каждый новый свидетель что-то добавлял свое, и картина происшедшего начинала проясняться.

Особенно это проявилось при допросе первых свидетелей — свидетелей не только по делу, а свидетелей расстрела царской семьи или хотя бы имевших контакт с этими лицами. Так был отыскан охранник М.Летемин, он был “выдан” спаниелем цесаревича Алексея Джоем — Летемин после расстрела забрал собаку себе, пожалел. У него же нашли дневник Алексея. Ну а спаниелей в тогдашнем Екатеринбурге было не очень много... Особо важным стало задержание П.Медведева — одного из руководителей охраны дома и, как утверждали многие, непосредственного участника расстрела. Его показания, данные агенту уголовного розыска Алексееву и самому следователю Сергееву, являются, по сути дела, самыми главными документами, рассказывающими, когда, что и как произошло. Не забудем, наши сегодняшние знания о случившемся восходят и к “Записке” Юровского, и к многочисленным документам, воспоминаниям, книгам, наконец. Тогда же показания Медведева были первыми свидетельствами, и каждый пишущий о “екатеринбургском деле”, не может не ссылаться на них.

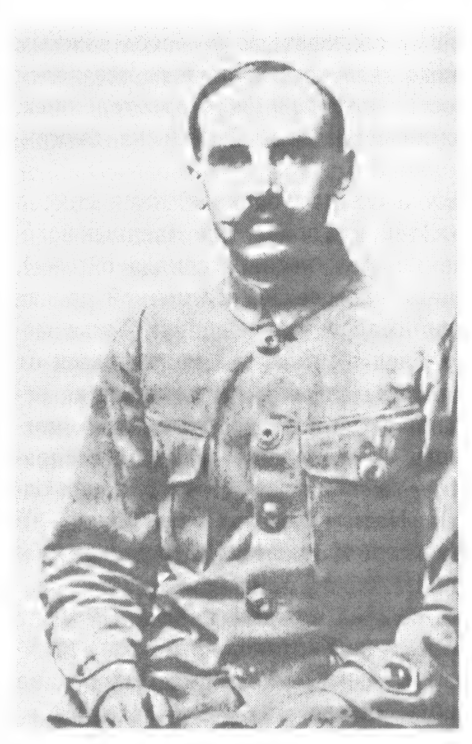
Не случайно приходится подчеркивать, что Сергеев увлекся лишь одной стороной вопроса — “Как это произошло?” По утверждению Н.Соколова, он якобы ни разу не побывал в Коптяках! Но при всем этом Сергеев заложил основу того дела, которое завершил Соколов, он разобрался с местом, где “это” произошло, рассмотрел вопрос об орудиях убийства (в уголовном деле всегда учитывается и как, и чем убивали), нашел свидетелей происходившего. Большая часть находок у шахты сделана до Соколова, кто же работал там без Сергеева?

Впрочем, может быть, Сергееву не хватило времени? Август и сентябрь он, в основном, работал в городе, во второй половине октября и позже в лесу возле Коптяков и делать было нечего. Не случайно же сам Соколов вышел в лес только 23 мая 1919 года. Каждый житель Свердловска-Екатеринбурга знает, что лишь в двадцатых числах мая в лесу исчезают последние наледи, оставшиеся в ложбинах груды снега, а южные склоны просыхают под солнцем. Но кто же тогда собирал из шахты весь материал?

Вполне, впрочем, понятно и желание Соколова лучше высветить свою роль. Он ведь был третьим следователем по одному и тому же делу, во многом вынужденным опираться на работы своих предшественников. Где можно — перепроверял, где нет — вынужден был принимать на веру. Тот же свидетель Медведев — с сожалением пишет Соколов, что задержался в Омске и застал его уже в тифозном состоянии. Приходилось встречаться с мнением, что Медведева уморили в тюрьме, но не думаю, что это было именно так — подобными свидетелями не бросаются, и дело "об убиении" еще не завершилось. Другое дело — тюрьма не в радость, а сыпной тиф не разбирает, кто еще нужен для истории.

Отсюда вполне ясно, почему Соколов вынужден был особо подчеркивать — он и в Коптяки вошел по следам Юровского, а не приехал на поезде, как Наметкин, и лишние отверстия от пуль нашел, не замеченные ранее Сергеевым. Вместе с тем в предисловии к своей книге Соколов разъясняет причину перемены следователей. Наметкин, которому вначале поручили дело, отказался начать формальное следствие без предложения прокурора суда. Дело в том, что по российскому законодательству судебный следователь по важнейшим делам (Наметкин им являлся) не мог получить указания кроме как от прокурора суда — а его в то время еще не было. Тогда Екатеринбургский окружной суд передал ведение следствия в руки члена этого же суда Сергеева. Это разрешалось законом, и Сергеев стал вести следствие.

18 ноября переворот, свергнувший Уфимскую директорию в Омске, сделал Верховным правителем военного министра адмирала Колчака. Через два месяца (17 января) адмирал решил проверить ход следствия, и ему, как верховной главе власти, через прокурора Иорданского (мы о нем говорили в главе об "алапаевском деле") передали все материалы. Колчак поручил проверить их следователю по особо важ-

Следователь Н.Соколов.
Архив.

ным делам при Омском областном суде Н.Соколову. (Напомним, что следователь по особо важным делам выше, чем следователь по важнейшим делам, каковым был Наметкин). Выслушав мнение Соколова, адмирал возложил на него дальнейшее ведение следствия, а официальное предложение об этом сделал министр юстиции — высшее лицо из тех, кто имел право принять такое решение. Так что следствие, как особо подчеркивает Соколов, велось строго в рамках российских законов — по уставу уголовного производства.

К моменту приема всех документов, связанных с "екатеринбургским делом", Соколов отлично понимал, что сделана главная часть работы. Описаны дом и вся обстановка в нем, по мере возможности восстановлена ситуация предрасстрельной поры и печального конца. Найдены на месте сожжения доказательства уничтожения трупов, начиная от отрубленного пальца, кусков кожи, сальных масс на месте костров и кончая втоптанными в грязь изумрудами и жемчужинами. Все это исследовалось экспертами начиная с 10 февраля 1919 года (а принял Соколов дело 7 февраля). Значит, все это находилось в деле, которое ему передал Сергеев.

Так был ли Сергеев (в чем сомневался Соколов) на руднике? Из книги "Убийство царской семьи" мы этого не узнаем. Но кто же тогда собрал все те доказательства, большая часть которых "с 10 февраля по 18 декабря 1919 года подвергались экспертизам через врачей, оптиков, ювелиров, сапожников, портных, торговцев"? Ясно, что не Соколов нашел доказательства уничтожения трупов, это сделали до него.

Что оставалось делать судебному следователю по особо важным делам? Из всего объема уголовного дела не выясненным оставался путь автомобиля, увозившего расстрелянных, и ряд второстепенных, но немаловажных линий — история переезда из Тобольска, биографии расстрельщиков и прочее.

Зная, что автомобиль проехал почти до Коптяков, имея список свидетелей из местного населения (тех, кто видел таинственных всадников, красноармейцев в оцеплении, тех, кого прогоняла охрана), Соколов прошел весь путь, начиная с переезда, где ночной проезд автомашины и год спустя воспринимался как сенсация. Тогда машины исчислялись единицами, и след их колес резко разнился от следа телег. Вот здесь Соколов и показал свою квалификацию, осмотрев каждый метр дороги. Он нашел то, что, по его мнению, могло подтвердить участие Юровского, — листки из врачебного справочника, кучку скорлупы от яиц — а Юровский заказал перед одной из поездок себе вареные яйца. Нашел дощечки от ящиков — в них, вероятно, перевозили бутыли с серной кислотой, веревку от упаковки этих ящиков...

Все не только протоколировалось, на каждый найденный факт приходилось 2—3 свидетеля крестьян из Коптяков. Это самая документированная часть расследования — ну, не мог же Соколов не внести и своего вклада в дело об убийстве.

Как пример можно взять вот такой факт. В одном месте на лесной дорожке была яма, объехать которую автомобиль не смог. Так вот — описывается и место срыва машины в яму, и следы, оставленные здесь, и бревно, которое подкладывали под колеса... Ну ясно, ясно же — один автомобиль прошел на рудник и вернулся назад, так нет — помещены показания трех (!) свидетелей о том, что на земле есть след от прохода машины.

Эта сверхдотошность, привычка докапываться до мелочей, едва не заслоняющих главную картину, — вот характерная черта “метода Соколова”. И еще — получить сведения от всех, кто хоть что-то может показать по интересующему его делу, пусть это и повтор того, что стало известно ранее. Нельзя ругать его за это — ведь тот факт, что мы располагаем материалами следствия, кто бы их ни собрал, вытекает именно из дотошности судебного следователя.

Да другой давно покинул бы все документы и драпанул подальше из объятой огнем войны Сибири, а он, рискуя жизнью, продол-

жал вести и вести порученное ему дело. Судите сами. 10 июля он еще допрашивает путевого сторожа на переезде 184 Я.Лобухина и сторожиху переезда 803 И.Привалову, причем делает это на месте, в районе Коптяков. 15 июля Красная Армия вступает в Екатеринбург, а уже 17 июля Соколов ведет допрос в Тюмени — перед ним уцелевшие Эрсберг и Теглева. 22 июля Соколов в Ишиме допрашивает В.Котенкова, проезжавшего Коптяки и видевшего в кузове машины бочку с бензином. В том же Ишиме он 4—7 августа допрашивает лесничего и группу крестьян из Коптяков — интересно, их увезли или они сами решили эвакуироваться? 20—23 августа в Омске расспрашивает камердинера Волкова...

Армия адмирала отступает, вместе с ней и Соколов. Но военная администрация еще существует, тыл армии подчиняется старым законам и следователю никто не имеет права мешать. Задержавшись в Чите, он допрашивает братьев Юровского и жену одного из них (5 ноября), там же 20—21 ноября ведет допрос шофера Самохвалова, который в своем автомобиле вез царя, царицу и Марию со станции Екатеринбург-II в Ипатьевский дом.

В феврале 1920 года Соколов был в Харбине. Ценою невероятных лишений ему удается выехать в Европу, спася наиболее важную часть следственного дела. И вот, вероятно, здесь Соколов почувствовал, что одного следствия по факту расстрела царской семьи мало. Ведь это была лишь последняя фаза длинного рассказа о том, что случилось с Россией в начале XX века, почему император отрекся от престола, как семья оказалась в Тобольске, а потом в Екатеринбурге.

В марте 1920 года Соколов ведет допросы еще в Харбине (14 марта — Жильяр, 15 марта — снова Волков), а уже 6—30 июля на его вопросы в Париже отвечает князь Львов, 14—20 августа — Керенский... Дальнейшее перечисление излишне. Так собирался материал, намного перерастающий то задание, которое первоначально поставили перед судебным следователем. То, что вначале было главным, единственным, оказалось, нельзя оторвать от предыдущих действий царя, царицы, Временного правительства. Все это и пополнял Соколов в Париже, Рейхенгалле, получал материалы из Сербии.

Книга его — документальна, и хотя нынче на многие страницы истории мы смотрим иначе (взять хотя бы то, что знаем о Яковлеве), но тогда, располагая очень скупыми материалами, Соколов по-иному и

не мог думать. И в этом ценность книги — мы видим в ней взгляд человека середины двадцатых годов нашего века. Человека с той стороны.

Уверен, что не все согласятся с написанным выше. Книга Соколова, долгие годы бывшая под запретом в нашей стране, самим фактом своего существования порождала миф о талантливом сыщике, в одиночку разгадавшем все хитросплетения чекистов. А тут вдруг говорится, что едва ли не большую часть дела надо записать на личный счет Сергеева, о котором мы только и знаем, что был он членом Екатеринбургского суда. Куда делся после того, как передавал все материалы Соколову, чем кончил — бог весть!

Да и Наметкина не забыть бы. Он начал все-таки следствие, хотя и требовал, чтобы им не командовали военные, в чьих руках находилась власть в городе. Вроде бы смехотворная причина, но какой ценой отстаивается независимость судебного следователя, ставить задачу перед которым может только прокурор.

Так что — наличие двух предшественников что-либо умаляет в фигуре Соколова, какой она нынче видится нам? Нет и нет. Да, до него было сделано многое из того, что вошло в дело об убийстве, но не эта сторона вопроса интересует нас сейчас.

Вот они — и Наметкин, и Сергеев, и Соколов — могли бы сказать словами Маяковского — "Сочтемся славою..." Величие Соколова не в том, сколько деталей он выявил сам, а в общем сборе материалов порученного ему следствия, сохранении их, вывозе в Париж и пополнение их тем объемом сведений, которые удалось вырвать у бежавших за границу сановников царского режима и деятелей февральской революции.

Обладая таким материалом, Соколов пошел дальше, чем следовало из порученного ему дела. Он написал книгу, закрепившую те факты, которые удалось раздобыть ему и предшественникам. Вспомните его лихорадочную охоту за свидетелями, настоящую гонку. Так и слышится: "Быстрее, быстрее". Он как будто чувствовал, что судьба отпустила очень маленький отрезок времени на дело, которое заняло весь остаток его жизни.

Можно как угодно смотреть на расстрел царской семьи, на сбор и публикацию материалов об этом, но нельзя не признать — это крутой поворот истории не только России, но и всего мира. А правду о крутом повороте надо знать всем. Помог же появиться на свет этой правде следователь Н.Соколов.

ЖИВОПИСЬ, КИНО, ТЕАТР...

Закономерно, что каждое историческое событие находит свое отражение в произведениях литературы и искусства. Одно — сразу же, другое — с дистанцией в десятки и сотни лет. Зависит это от многого — в том числе и от нашего взгляда на событие, да и от возможностей отражения. О короле Артуре можно было слагать саги, писать книги, но кинофильм или телесериал мы снимем лишь сегодня. И чем дальше уходит от нас прошлое, тем интереснее не только как оно происходило (что вполне понятно), но и как воспринималось окружением, отражалось художниками.

Дом Романовых — не исключение. Остались все виды воспоминаний — от очевидцев ("Записка" Юровского) до свидетелей (Жильяр) и следователей (Соколов плюс наблюдавший за его работой Дитерихс). Позже — отдельные упоминания в некоторых изданиях — вспомним Юлиана Семенова с его "Бриллиантами..." Но многие ли знают, что первым в нашей стране художественным произведением, прямо отражающим один из эпизодов конца Романовых, было произведение... художника.

Им явился В.Н.Пчелин. Готовясь, как и все деятели искусства, к 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции, он решил показать драматический момент — прибытие "груза", который "должен быть доставлен живьем", в Екатеринбург. Картина так и называлась — "Передача Романовых Уральскому Совету".

Уточним, что сам Пчелин был учеником Маковского и Репина, а значит, несомненным реалистом. Это выразилось во всем, начиная с достоверности места. За спинами членов Уралсовета можно увидеть старое здание — до сих пор сохранившееся на станции Шарташ (бывшая Екатеринбург-II), заделали лишь чердачное окно. Но это о месте. А теперь о действующих лицах. Они четко разделены на две группы — Уралсовет и Яковлев с царем, царицей, Марией...

Настороженные, но в целом довольные члены Уралсовета, лица реальные, с полным портретным сходством. Слева направо — А.Авдеев (представитель Уралсовета при отряде Яковлева, позже первый комендант Дома особого назначения), Ф.Голощекин (секретарь Уралобкома), А.Белобородов (председатель президиума Уралсовета — это он напишет расписку о получении Романовых) и Б.Дидковский (член президиума Уралсовета — он тоже подпишет расписку вслед за Белобородовым). Напротив другая группа — нервно рванувшийся навстречу

уральцам В.Яковлев, за ним — Николай II, царица и Мария. Между царицей и Марией на втором плане видим П.Гузакова, одного из симских боевиков, правую руку Яковлева.

Даже не зная о конфликте, развернувшемся между уральскими большевиками и Яковлевым, видим нервное напряжение, противостояние двух групп, изображенных на картине. Не зря учился Пчелин у великих реалистов — то, что изобразил он, то, как он это сделал, являет нам не только иллюстрацию, а своего рода художественный документ. Да, это действительно был подарок художника десятилетию расстрела Романовых. И не вина Пчелина, что написанная в октябре 1927 года и демонстрировавшаяся в Музее революции (а он находился в Ипатьевском доме) картина через несколько лет была снята с показа, спрятана и лишь в последнее время вновь вернулась к нам. Сейчас она находится в Музее истории Екатеринбурга (бывший Мемориальный музей Я.М.Свердлова).

Еще и еще раз посмотрим на эту картину. Из всех присутствовавших при передаче царя лишь Авдеев умрет своей смертью (о П.Гузакове сведений нет). Голощекин, Белобородов, Дидковский, Яковлев, все изображенные здесь Романовы будут расстреляны, правда, с разрывом в два десятка лет. Но не знаю — лучше ли было умереть в 1938—41 годах, видя, куда завело всех их то дело, за которое боролись и во имя чего уничтожили царскую семью, чем погибать царю, так в последнюю минуту и не понявшему, что же происходит...

Конечно же, мимо подобной темы не могло пройти "важнейшее для нас искусство" — кино. Речь идет не об отдельных эпизодах, когда показывался в одной-двух сценах комически глупый Николай II. Нет, я имею в виду кульминационный момент — расстрел семьи.

В 1956 году на Западе вышел фильм "Анастасия" с Ингрид Бергман в главной роли. Речь шла о дочери царя, якобы спасшейся от расстрела. Общепринято считать, что Анна Андерсон, выдававшая себя за Анастасию, лгунья, обманщица и как там еще. Бесспорно, дочерью императора всероссийского она не являлась. Загадка вот в чем — кому это было нужно? И зачем?

Речь идет не о самой Анне Андерсон. Понятно, в случае признания ее царской дочерью могли последовать не только внешние, так сказать, блага — титулование, вхождение в круг европейской элиты (еще бы — наследница российского престола!). Но желания одной-единственной женщины оставались бы просто мечтами, если

Картина В.Пчелина “Передача Романовых Уралсовету”.

бы за ней не стояли... Кто? Это до сих пор точно не известно. Но несколько десятилетий существовала (и жила на какие-то средства!) претендентка на престол, изрядно будоражившая все мировое общественное мнение.

Она все-таки вошла в историю — кроме “Анастасии” стала героиней фильма “Анастасия: тетка Анны”. 1986 год. На этот раз успех ленте принесла не актриса, игравшая роль Анны-Анастасии, а актер, которому досталась роль монарха. Николаем II стал Омар Шариф. Успех, конечно, не очень большой, но достаточно кассовый...

В 1971 году был снят фильм “Николай и Александра” (главные роли исполнили Майкл Джейстон и Джанет Сьюзман). Фильм стал широко известен в нашей стране благодаря... широкомасштабной антирекламной кампании. Какие только эпитеты не заработала работа режиссера Франклина Шефнера. Уверен, половина критиков фильма не видела его. И уж точно не видел ленту никто из читателей, не выезжавших за пределы страны.

Фильм начал (после 1985 года) ходить по стране на видеокассетах, а уже в 1989 году его показывали в киноклубах. Что сказать о нем?

8 Зак. 1377

Только то (это не критический разбор), что сделали американцы ленту довольно плотную. И по объему исторических событий, так или иначе изображенных в ней, и по общему количеству персонажей, и по накалу (внутреннему!) всей интриги фильма.

Этого стоило ожидать — хотя бы потому, что за реализацию фильма взялся режиссер, получивший "Оскара" за ленту "Паттон", снявший "Самого достойного" по Гору Видалу, "Планету обезьян" по Пьеру Булю. Отсюда и то, что называю "плотностью" — отсутствие немотивированных длиннот, весь изобразительный ряд, работающий на главную тему картины.

Ну а что же советские мастера кино? Ответом на "Николая и Александру" стал фильм Элема Климова "Агония". Он долго шел к советскому зрителю, сначала побывал за рубежом, потом в крайне урезанном виде попал и на наши экраны. Интересное чувство — просмотрев "Николая и Александру" позже "Агонии", я заметил какую-то перекличку сцен. Но на самом деле все было наоборот — это "Агония" вышла позже, Климов явно видел заокеанскую ленту до работы над своим фильмом. А я бы показывал их вместе — очень хорошее сочетание, хотя, честно говоря, просмотр будет несколько утомительным.

Повышенный интерес общества к событиям апреля-июля 1918 года вызвал кое у кого желание во что бы то ни стало экранизировать их. Весной 1990 года в Свердловск приехала группа, снимавшая, как сказали, "документально-художественный" фильм по сценарию Гелия Рябова. Ну, об исторической точности его "изысканий" уже шла речь. В редакцию "Вечернего Свердловска" с вопросом — "Где найти старинный автомобиль?" — пришел заместитель директора кинофильма, невысокий симпатичный человек. Познакомились, разговорились.

— Да нет у нас в городе машины того времени, — оправдывались мы с Д.Боярской, заведующей отделом городского хозяйства, каждый год проводившей парад старых автомобилей. — Нет таких. На чем увозили царя со станции? Большие пятиместные машины. Или на "Руссо-Балте", или на "Роллс-Ройсе". (Помните, такой был у Михаила Романова?).

— А что есть у вас? — не отступал помощник директора.

— Еще деталь — машина должна быть открытой. И не одна, а две — в первую кроме водителя и сели Б.Дидковский, царь, царица и Мария. В другую — остальные члены "приемочной комиссии". Две машины

образца до 1918 года — ясно, что после революции автотехника не ввозилась, а добывалась методом конфискации.

— А что есть у вас?

— Самая старая открытая машина — "ГАЗ-Форд-А". Начало 30-х годов. Первый выпуск Горьковского автозавода, часть деталей поставлена из Детройта. Одна-единственная...

— Ничего. Давайте адрес. И приходите на съемки, приглашаю.

Верю, что приглашение было искренним, но на съемки я не поехал. Поэтому и не знаю, использовали ли "газик" для перевозки "царя". Думаю, что "да" — где было взять другую машину? И если читатели увидят, что Николай II садится в прототип всем нам известной "М-I" — "Эмки", пусть не удивляются — это и есть символ качества всей киносерии, всех исторических изысканий автора сценария.

Другим фильмом, вероятнее всего, будет "Цареубийца" Карена Шахназарова. Вероятнее — ибо кто знает, вдруг еще где-то реализуется "горячая тема". И он часть сцен отснимал в Свердловске, в частности, дорогу на Коптяки. Фильм не закончен (к моменту написания этих строк), и мнения о нем составить нельзя. Но и по телевидению, и в газетах лента уже получила немалую рекламу. Можно привести лишь отдельные высказывания режиссера, не раскрывающие, увы, сюжета фильма. Вот что напечатано в "Советской культуре" от 13 октября 1990 года:

"— Мне пришлось немало порыться в архивах, разбираться в документах. Ученые выстраивают концепции. А факты остаются фактами. В основном пользовались материалами Н.Соколова, занимающегося расследованием гибели царской семьи..."

Да, так и есть — "занимающегося" — в реальном времени... Ну, это, вероятно, "описка" автора интервью. Роль Николая II поручена Олегу Янковскому, Александры — О.Антоновой, а Юровского играет англичанин Малькольм Мак-Дауэлл (тогда фамилия писалась вот так). Своих не нашлось? Не говорите, здесь очень далекий прицел. Артист этот очень хорошо знаком зарубежной публике. Добавьте тему кинофильма и вы поймете, что шансов продать за рубеж подобную работу будет очень много, гораздо больше, чем у нормальной средней советской ленты. Что и требовалось доказать (а точнее — рассчитать)!

Мы говорили о двух фильмах — Г.Рябова и К.Шахназарова. А ведь кинофильм должен был быть один. Сам Шахназаров сообщил в

Царская семья. Группа восковых фигур работы скульптора А.Эткало. Музей истории Екатеринбурга (бывш. Мемориальный музей Я.М.Свердлова).

"Комсомольской правде" от 16 августа 1990 года, что "в журнале "Родина" я прочитал большой очерк Гелия Рябова о расстреле царской семьи. Из всего, что было написано на эту тему, по-моему, это лучшее исследование". Без сомнения еще и потому, что "наверное, он единственный человек, который через много лет после событий разыскал могилу Романовых". Представляете? Не место, где были спрятаны останки, а именно могила Романовых. Ну, простим человеку искусства подобное восторженно-неправдоподобное восприятие факта, "поданного" ему Рябовым.

Ну а восторженность кинорежиссера должна была находить свое выражение в будущем кинофильме. Исходя из этого, "мы начали писать сценарий в соавторстве, но скоро поняли, что по-разному ви-

дим будущий фильм. Гелия Трофимовича больше интересовала достоверность, хронологическая точность событий. Мне же хотелось найти свой авторский ход, снять художественную, а не документальную ленту, но в этом случае получилась совсем другая история, в которой убийство царя — всего лишь повод для разговора".

Правда, интереснейшие откровения? В первую очередь, о "документальности" версии Г.Рябова. О том, как она, версия, создается, мы уже говорили. Что получится — увидим. Ну а о своей ленте К.Шахназаров тоже высказался откровенно — даже ее названием — "Цареубийца". "Меня интересует особый тип людей, который существовал всегда... Этот тип — человек-палач. По фильму, цареубийцей был Яков Юровский, который выстрелил в Николая II, а затем добил наследника Алексея, больного ребенка, который не смог бы даже от него убежать".

Вот такое веселое интервью. Ну что же — оно дает хорошее понимание позиции режиссера — "Вообще, я сторонник рыночной экономики. Это очень важно — полагаться только на себя, на свой профессионализм и хватку. Сколько вложил труда — столько заработал, а если не получил ни копейки, значит, сам виноват." Не буду комментировать эти откровения, тем более, что звучат они отнюдь не странно в интервью о фильме "Цареубийца", в котором (интервью) задавался и такой вопрос — "Карен, вас не смущает, что история царской семьи скоро станет серийным товаром нашего кинематографа?" Ясно, что не смущает, если есть "профессионализм и хватка".

* * *

Все предыдущие строки родились до просмотра фильма. Сценарий не оглашался, из многочисленных интервью, щедро рассыпаемых режиссером на страницах прессы, по телевидению и радио, явствовало одно — создается шедевр. Особое внимание уделялось участию англичанина. Он-де гениальный актер, поверьте на слово, хотя широкой публике ленты с его участием и не были известны.

И вот фильм на экранах. Премьера — конечно же, в Свердловске. Уже чувствуя провал, режиссер особо не напирал на необычность фильма — он больше говорил об истории да демонстрировал привезенных с собой актрис. Это получалось весьма интересно — ведь все женские роли в фильме практически бессловесны, эпизодичны, они лишь иллюстрируют состав царской семьи. Ну, режиссеру виднее заслуги...

О чем же фильм... Действие происходит... в сумасшедшем доме. Символика? Образ революционной России тех далеких дней? Но сумасшедший дом — во времени нынешнем, сегодняшнем. У одного из пациентов навязчивая идея — он никто иной, а сам Юровский, главный "расстрельщик" царя. Из двух докторов один (более опытный) наблюдает пациента многие годы, просто констатируя факты. Другой — более молодой — решает вмешаться в бред: ах, ты — Юровский, тогда я — Николай!.. И завязывается интрига контрвоспоминаний, в результате чего царь (молодой доктор) вспоминает ситуацию с одной стороны, а Юровский (пациент) — с другой. Понемногу и доктор, похоже, сходит с ума. Обе личности сталкиваются в 1918 году в Ипатьевском доме.

Конечно, в центре внимания сам заглавный цареубийца — Юровский. Член Уралсовета, областной комиссар юстиции выведен человеком, достойным именно сумасшедшего дома — он мечтает стать убийцей царя, чтобы оставить свое имя в истории. Мечтает о славе геростратовского типа. И говорит — "Я просто перестаю быть ничтожеством". Можно не перечислять дальше, а факт уничтожения царской семьи преподносится как злодейское решение злобной личности, вбившей себе в голову, что навек прославиться и возвысить себя (не только в глазах общества, но и в своих) можно лишь отчаяннейшим преступлением против норм всего тогдашнего общества — убив царя, символ власти в России. Вот так, с детства надумал ликвидировать императора — и совершил это.

В фильме ни слова о революции, красном и белом движениях, классовой борьбе... Неужели режиссер никогда не читал труды — ну, хотя бы своего отца, видного партийного теоретика и историка, автора учебника обществоведения для всей страны, позже советника Президента СССР М.Горбачева? В этом учебнике немало места уделено и роли партии, и революционному движению. Не будем касаться вполне понятной их апологетики, но то, что они как никогда были важны в 1918 году, обуславливали весь процесс гражданской войны — об этом пишут сейчас за рубежом не меньше, чем в России. А Юровский не жил вне времени и пространства, как в фильме.

Свести расстрел в подвале к параноидальным желаниям неудачника, каким показан Юровский, по крайней мере, глупо. По более серьезному счету — провокационно. Ибо подобный факт вытекал из самой логики поднявшейся гражданской войны. Соколов пишет, что

“смерть царя... была неизбежной”. Более чем через семьдесят лет кинорежиссер попытался опровергнуть колчаковского следователя.

Могут возразить — дескать, это же художественный фильм. Ан нет — если герой сам говорит о себе как о Юровском, цитирует свои реально существующие (и ныне ставшие известными) воспоминания, то уж ссылаться на то, что дело происходит в сумасшедшем доме, нельзя. И нельзя вкладывать в уста человека, рассказывающего свою биографию, что Ленин “назначил меня директором Алмазного фонда”. Тогда это был Гохран. Седнев не был “служкой у Алексея” — он поварский ученик, но Алексей действительно много общался со своим сверстником — единственным мальчиком в доме. Не мог Юровский лично вносить в комнату царю яйца, принесенные из монастыря. Не уезжал он в возрасте 16 лет в Америку — был в это время часовщиком в Томске. Действительно, высланный в Екатеринбург, он открыл фотографию, но с начала войны призван в армию, окончил фельдшерскую школу, оставлен в лазарете, а после февральской революции — член городского КОБа, комитета общественной безопасности.

Это лишь несколько из многих несуразиц, которыми полон фильм. Неуклюжий сюжет, неровность действия, не позволяющая вести интригу к кульминации, смешение реалий сегодняшнего дня с бредовыми “воспоминаниями” пациента (и вторящего ему от имени Николая доктора) разрывают фильм на отдельные куски, в целом не дающие картины происходящего. Так, получились отдельные иллюстрации на тему — “Юровский, автобиография”, “Переезд царской семьи в дом Ипатьева”, “Обед царской семьи”, “Проход к месту расстрела”, “Расстрел”.

И даже тут вклеилось то, о чем образованные современники говорят — “А-а, кино”, а их менее воспитанные сограждане — “туфта”. Вспомните сцену, в которой царица бьется в истерике — никто (она сама, царь, дочери) не знает, какой нынче день! И лишь Алексей говорит, что сейчас 16 июля (надо помнить — канун “расстрельной ночи”). Какая символика, а вернее всего — неправда, царь и царица — по отдельности — вели дневники, за столом читали газету — это смотри в сцене “Обед царской семьи”. Когда же вот так вводят дешевую мелодраму “был день, когда не было числа” — поверят ли иным, прочим сценам, более близким к действительности.

Как и следовало ожидать, фильм не вызвал того фурора, на который рассчитывал режиссер. Он без особого интереса смотрелся

соотечественниками, не слышно об его успехах за рубежом. Что же касается “импортного” актера, на которого делали ставку, то надежда на интерес, в первую очередь, в англоязычных странах, где актер известен, не оправдалась. Что, кстати сказать, и следовало ожидать.

Вспомним ранее написанное и поймем, что в одном Шахназаров прав — в кино действительно вошла рыночная экономика. А она, как известно, не любит гнилого товара. Отсюда и то, что произошло далее с фильмом, его создателями и окружающими их лицами. “Цареубийца”, благополучно провалившийся в прокате даже в Екатеринбурге, а уж где-где, а здесь фильм ждали, режиссер приезжал его представлять, вдруг всплыл во время присуждения “Ники” (российской пародии на голливудский “Оскар”) за 1992 год. Он составил конкуренцию такому выдающемуся произведению, как “Небеса обетованные”. По сути дела, вся борьба за награды по разделу художественных фильмов разгорелась между этими двумя лентами. Можно даже усмотреть разделение не только жюри, но и всего кинематографического бомонда на тех, кто действительно вел “важнейшее из искусств” вперед — и был, безусловно, за “Небеса”, и на тех, кто ранее искусственно выдвигался вперед (К.Шахназаров, напомню еще раз, сын советника Горбачева, автора прибрежневского учебника “Обществоведение”), но за последние годы не смог создать ничего значительного. Вот тут и понадобился “Цареубийца” — не будь его, все награды унесли бы “Небеса”.

Обратился (не мог не обратиться!) к теме цареубийства и театр. В 1990 году Государственный академический Малый театр СССР поставил пьесу С.Кузнецова “...И Аз воздам” (режиссер-постановщик Б.Морозов). В главной роли Николая II — народный артист СССР Ю.Соломин, Александру Федоровну сыграла заслуженная артистка РСФСР А.Евдокимова. Войков — заслуженный артист РСФСР В.Богин, Юровский — народный артист РСФСР В.Езепов, Голощекин — народный артист РСФСР В.Бабатинский, Вайнер — заслуженный артист РСФСР А.Михайлов. Что и говорить, актеры подобраны первоклассные, играть в таком спектакле для них большая честь — ведь впервые на сцене воссоздается гибель царской семьи, в послужном списке каждого актера все это будет выделено красной строкой. Но, по сути дела, играть-то было нечего.

Из дневника Николая II, из воспоминаний Юровского, Авдеева и других лиц, причастных к “Екатеринбургскому делу”, мы знаем, что

царская семья жила в полной изоляции. Все разговоры с охраной пресекались, да и те, кто был повыше чином, не очень-то "опускались" до объяснений с бывшим царем. В пьесе же идут долгие и многословные споры. О судьбе царской семьи, России, которую, конечно же, нельзя понять, не вспомнив Достоевского...

Понятно, во всем этом мало чисто драматургического материала, пьеса написана, говоря языком недавних лет, по "социальному заказу", только теперь не партийного секретаря того или иного ранга, а обывателя, заинтересовавшегося темой. Еще бы — царь, царица, их дети, кровожадные большевики. Автор пьесы, как мог, приукрасил ее, развернув тот негатив, который можно было почерпнуть из ряда воспоминаний. Нашлось упоминание, что Авдеев любил выпить, и тут же готово — на сцене законченный алкаш. Даже следователь Соколов не сомневался, что караульные несли службу исправно, был порядок. В пьесе же это деклассированные люди, готовые на все низкое.

"Не знаю, лично мне эта трактовка не понравилась: уж слишком "люмпенизирована" охрана, слишком легко обратился богобоязненный уважающий власть русский мужик в какую-то наглую сволочь, готовую продать товарища, унижаться перед начальником. Но и эти говорят о будущем России, представляя себе страну в образе кормушки, открытой и доступной именно для них", — так написал даже рецензент "Красной звезды" подполковник А.Бондаренко в номере от 11 января 1992 года. Но прочтите еще раз воспоминания, вышедшие в советских изданиях, сравните с протоколами Сергеева и Соколова и вы увидите, что ничего подобного тогда не было. Не о себе, а обо всем мире думали тогда большевики!

Караулили царскую семью, решали ее судьбу, еще не истребленные в гражданской войне первые защитники Советской власти — люди первой волны, пришедшие по зову сердца бороться за светлое будущее. Учтите и такое — большинство в охране были беспартийными. И лишь в наскоро написанной пьесе пришлось разделить их на группы и противопоставить светло-невинной семье царя кучку образованных, но адски хитрых палачей, и темную, злобную караульную команду, чьему зверскому облику не поверил даже подполковник, который в целом положительно отрецензировал пьесу. Еще бы, ведь там, в Ипатьевском доме, по его мнению, "думают, говорят, спорят о судьбах страны". Так ли это было на самом деле?

Нет сомнения, что для автора события в Ипатьевском доме только предлог для выражения мыслей и чаяний сегодняшнего дня. И даже понимая, что исторической правдой здесь и не пахнет, он не смог отойти от ранее задуманного — посмотреть на события более чем семидесятилетней давности глазами человека нашего времени, нашего сегодня, человека предвзятого, видящего правду лишь одной стороны и реконструирующего прошлое лишь в свете своих представлений. Отсюда и несоответствие действий героев документам эпохи. Автор не следовал исторической правде. Он соотнес эпоху нынешнего распада государственной власти с событиями 1918 года. А на самим собой поставленный вопрос — "Кто виноват?" сам же и ответил — "большевики".

Отвлекаясь от уже сказанного, хочется заметить, что в истории театра немало страниц — спектаклей, где реконструируется история. Не обошло это и революционные процессы. В 1835 году Георг Бюхнер написал пьесу "Смерть Дантона", вошедшую в золотой фонд немецкой драматургии. Разбирая судьбы вождей Французской революции (а следовательно, и ее судьбу), Бюхнер не становился на чью-то сторону. Он рассказал о столкновении мнений, интересов и о том, что из этого вышло.

Через полторы сотни лет те же немцы (театр "Берлинер Ансамбль") поставили пьесу "Смерть Ленина" (последние два года жизни Ильича, конфликты с Троцким и Сталиным). И здесь не так уж много прямых оценок автора — главные герои сами определяют свою позицию. Другое дело, как столкнуть эти позиции, показать их развитие и дальнейший ход эпохи, то, как они отзовутся в судьбах персонажей.

И вот что объединяет два вышеупомянутых спектакля — мы заранее знаем, чем кончается сюжет, но следим за развитием действия, приводящего к такому концу. Пьеса же "...И Аз воздам" делит действующих лиц на "правых" и "виноватых", и, о чем бы ни говорили герои, ясно — вот палачи, а вот жертвы. Больше ли скажут о России, меньше — заранее заданных характеристик это не меняет.

Все это происходило вне границ Урала. А что же, в Свердловске-Екатеринбурге не интересовались "Романовской темой"? Еще как!

Драматический театр, например, решил поставить пьесу Э.Радзинского "Последняя ночь последнего царя". На репетиции проси-

ли не приходить, но обещали журналистам большую пресс-конференцию.

Перед ней я позвонил в театр и, пользуясь многолетним знакомством с режиссером спектакля В.Анисимовым, попросил текст пьесы — прочитать. Получив на следующий день на вахте Дома печати увесистый пакет, с удивлением обнаружил в нем... два текста. Авторский и режиссерский. Начал читать — если режиссер оставил для спектакля половину текста, то и за это надо было сказать спасибо. Дело в том, что авторский текст (и это у опытного драматурга!) представлял собой, в основном, переплетение двух монологов — царя и царицы.

Нет, это был не диалог, хотя порой оба говорили об одном и том же, цитировали письма, вспоминали прошлое. Слова, слова... Автора текста, похоже, подвело излишнее знание предмета, попытка все это всунуть в текст драмы. Тот, кто хоть раз слышал выступления драматурга по телевидению, может представить объем словесной информации.

Ясно, что в таком виде режиссер не мог "поднять" пьесу. Отсюда и все сокращения, сделавшие спектакль более динамичным.

Есть одна интересная деталь — выступая перед журналистами, режиссер рассказал о странных происшествиях, сопровождавших репетиции. То внезапно заболевали артисты, то происходили несчастные случаи. Все, ну, все было против постановки.

— И еще комета, — не удержался я.

— Как, и комета? — изумился режиссер.

Да, к Земле тогда шла комета. А она, как известно, не к добру.

Вложили свой вклад и кинематографисты. Первым создал четырехсерийный документальный фильм режиссер Свердловской киностудии Сергей Мирошниченко. Ему помог "Уралтрансгаз", вложивший в течение шести лет миллиард рублей (конечно, в ценах 1991 — 1997 годов).

Фильм назвали "Убийство императора. Версии" (объединение "Уралфильм" при содействии студии "ТриТэ"). Именно "версии", ибо, как бы проходя по страницам книги Соколова, автор параллельно находит свидетельства противоположного плана. А их много, и они-то дают возможность задуматься — все ли так было?

Эта же мысль и в четырех (из шести) снятых к моменту выхода книги сериях ленты "Правда и ложь о тайне века" (объединение "Телефильм", Свердловская телерадиокомпания, руководитель проекта Е.Цигель, сценарист Л.Сонин, режиссер С.Дерюшев, оператор В.Фо-

гельзонг). Более того — здесь сделан акцент именно на неувязки "белого" следствия, первоначальных выводов обретателей "царской могилы" со все новыми и новыми фактами, всплывающими из небытия.

Эти два фильма нельзя противопоставлять, они (каждый по-своему) ищут истину, именно ищут, а не принимают на веру то, что хотят продиктовать режиссеру и сценаристу. И пусть у одних ("Убийство...") есть возможность ездить по Европе, несколько лет вести своеобразную кинолетопись событий, другие ("Правда и ложь...") ограничиваются, в основном, интервью с интересными (и знающими) людьми. Но в том и в другом случае намерения уральцев ясны — в таком деле не должно быть белых пятен, а у кино есть возможность вскрыть неточности, заслоняющие истину.

Не осталась в стороне от "царской темы" и поэзия. Уже говорилось о приезде в город Владимира Маяковского, о том внимании, которое он уделил концу царской семьи. Его стихотворения ("Император" и другие) достаточно хорошо известны, чтобы не сказать — хрестоматийны. В каждом более-менее полном сборнике его поэзии есть хоть одно стихотворение "Свердловского цикла", так что любой желающий может познакомиться, а в полном собрании — даже строки, не вошедшие в окончательную редакцию "Императора".

Но вот что интересно — не вошли именно те строки, которые могли бы свидетельствовать об ином отношении поэта к происшедшему, чем то, которое зафиксировано в широко публикуемом тексте. В примечаниях к полному собранию сочинений есть не вошедшие в стихотворение строки о том, что революция не может быть кровожадной. Поэта, видать, покоробила жестокость расправы. Но, как утверждал он сам, приходилось себя смирять, "становясь на горло собственной песне".

Но Маяковский — это уже 1928 год. А четырьмя годами раньше Максимилиан Волошин создает поэму "Россия". И в ней целый раздел отдает описанию расстрела.

Раздутая войною до отказа,
Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...
А где-то на Урале, средь лесов,
Латышские солдаты и мадьяры
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений:
Царевич на руках царя, одна

Из женщин мечется, подушкой прикрываясь,
Царица выпрямилась у стены...
Потом их жгут и зарывают пепел.
Все кончено. Петровский замкнут круг.

Посмотрите, какова точность описания. А ведь еще не вышла книга Соколова (с той стороны) и книга Быкова (с этой). Однако все точно — и "латышские солдаты и мадьяры", и "царевич на руках царя", и даже то, что Демидова пыталась закрыться подушкой. Откуда такие детали? Ведь в печати они появились лишь после публикации протоколов допросов, проведенных Соколовым и работавшими до него следователями. Думается, что источник один — книга М.Дитерихса "Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале". Дитерихс напечатал ее во Владивостоке в 1922 году.

Будучи знаком со всеми материалами следствия, Дитерихс опубликовал большинство из них ранее Соколова. Более того, его работа интересна с точки описания первых шагов следствия, начавшегося сразу же после отступления большевиков. Соколов ведь занялся главным делом своей жизни спустя восемь месяцев после расстрела царской семьи, и основные материалы — протоколы допросов, проводившихся Сергеевым, сначала были у главнокомандующего фронтом М.Дитерихса.

Только по его книге поэт мог познакомиться с деталями расстрела. Заметьте — ни слова о зверствах, аморальности поступка, и это со стороны поэта, всегда открыто высказывавшего свое мнение. Более того — вспомните концовку: "Петровский замкнут круг". А следующие строки объясняют смысл этого круга:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Сомнениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим дням.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.

Вот так — через кровь — "к осуществленью правды на земле". Великий поэт видит отсутствие "иных путей, опричь указа, казни и застенка". Может быть, вынося сегодня суровый приговор тем, кто стрелял вчера, вспомнить и это мнение?..

Но, как и в прозе, у нас "царская тема" была не в почете. Речь, конечно, идет не о писателях-эмигрантах и зарубежных изданиях, а о

том, что писалось и печаталось в СССР. Это понятно и объяснимо. Не объяснимо лишь то, что время от времени все же появлялись произведения, вдруг (внезапно!) не просто касавшиеся давней трагедии, но прямо трактовавшие ее как вызов существовавшему режиму.

Заметным явлением стало напечатанное в журнале "Аврора" в 1976 году стихотворение Нины Королевой:

Оттаяла или очнулась? —
Спасибо, любимый,
Как будто на землю вернулась,
На запах дыма.
На запах речек медвяных,
И кедров зеленых,
Тобольских домов деревянных,
На солнце каленых.
Как будто лицо подняла я
За чьей-то улыбкой,
Как будто опять ожила я
Для радости зыбкой...
Здесь умер слепой Кюхельбекер
И в землю положен.
И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбалась
Царица с ребенком...
И я задыхаюсь в бессилье,
Спасти их не властна,
Причастна беде и насилью
И злобе причастна.

Как аукнулось это "Авроре"! Сняли с работы виновного в публикации, ужесточили контроль за всеми материалами, выходящими в свет на страницах журнала. И не поняли чиновники глубоко запрятанной мысли — о взаимозависимости того, что делал царизм, с тем, что сделали с последними его представителями.

Не знаю, читала ли Королева ранее цитированную поэму М.Волошина, но она, по сути дела, повторила мысль — все новое в той или иной мере связано со старым. И из петровских времен идет тенденция указом, казнью и застенком осуществлять "правду на земле", и раньше, чем царскую семью перевезли в Тобольск, там умирали декабристы.

Поэты, иногда вроде бы далекие от политики, увидели то, чего не хотят видеть многие наши современники — двусторонность трагичес-

На Урале — и без камней? В 1993 году, к 75-летию со дня расстрела, мастера "Русских самоцветов" Л.Малькова и Н.Бибко изготовили вот этот портрет из яшмы и других цветных поделочных камней.
Архив.

кого факта гибели Романовых. Эту трагичность никто не отрицает, но вся беда в том, что видят только ее, а не совокупность причин и вытекающего из них следствия. Берется факт и по нему делается вывод. Сколько написано нынче о трагедии в Екатеринбурге, но все ли вспоминают об общем состоянии общества в те дни?

Еще раз хочется напомнить, что поезд с царем пришлось со станции Екатеринбург-I перевести на Екатеринбург-II (ныне станция Шарташ) — боялись выгрузить самодержца, кругом собрались отнюдь не промонархически настроенные горожане. Они были большевиками, на которых ныне валят все, кому что под руку попадет? Нет, конечно. У дома Ипатьева собралась такая толпа, что призывали чекистов, дабы ее разогнать. И здесь большевики виноваты?

Послушаешь нынешних ораторов, почитаешь нынешних писателей — ну, вся Россия в 1918 году жалела царя-батюшку, желала ему свободы. И ничего не могли сделать монархисты — ныне уже известно, что записочки царю за подписью "офицер" о скором освобождении писал... Войков, ведь нужны были доказательства попытки побега Романовых, а их не было — и все!

Под царизмом черту подвел не Октябрь, а Февраль — ведь под стражу царицу брал сам генерал Корнилов, позже пытавшийся навести порядок в Петрограде — "Корниловский мятеж". И этот Корнилов ходил с красным бантом — нет, он никак не мог считаться монархистом. Царь, даже после отречения, не часто встречался с народом — но вот, во время перевозки из Тобольска, экипажи останавливаются в Покровском — родине Распутина — и от сбежавшихся крестьян он слышит одни упреки. Бывший премьер-министр В.Коковцев пишет о том, как было принято известие о расстреле: "На толпу, на то, что принято называть "народом", эта весть произвела впечатление, которого я не ожидал... нигде не видел ни малейшего проблеска жалости или сострадания. Известие читается громко, с усмешками и издевательствами и самыми безжалостными комментариями... Какое-то бессмысленное очерствение, какая-то похвальба кровожадностью. Самые отвратительные выражения: "давно бы так", "ну-ка, поцарствуй еще", "крышка Николашке", "Эх, брат Романов, доплясался"... Точная характеристика оценки происшедшего, данной тем народом, который ныне пытаются вписать в историю с пометкой "монархист".

СЛИШКОМ МНОГО НАСЛЕДНИКОВ

Отгремела гражданская война. И казалось, что в нашей стране забыли даже о существовании Дома Романовых. Знали все, что с ними покончено на Урале, кто-то вспомнил и о том, что в Перми прошел процесс над большой группой эсеров. Те обвинялись ни много ни мало, а в... расстреле царской семьи. Причем все они сознались и были осуждены. Историки до сих пор не могут понять — что же это было? Инсценировка "виноватости" лиц, не принадлежавших к советскому правительству и, следовательно, обелявших Кремль? Вольная или невольная инсценировка? Могла ли быть она невольной? Понятно, в ЧК могли заставить сознаться кого угодно в чем угодно, но на скамье подсудимых сидели не случайно попавшие в орбиту следствия лица, а опытные подпольщики, члены партии эсеров с дореволюционным стажем. Не те это были люди, чтобы их заставили играть комедию, признаваться в том, чего никогда не делали.

Если все так — кого же расстреляли эсеры? Кого конкретно, зачем сделали это? Верили, что расстреливают подлинную семью? В Перми? В этой самой Перми, куда эвакуировалось руководство Уральского областного Совета? Думается, что вопросительных знаков хватит. Правда, стоит вспомнить еще одно, последнее — фразу из телеграммы, той самой, где говорится, что семья погибнет при эвакуации...

Процесс над эсерами шел в годы гражданской войны, потом все стало утихать. Правда, по Уралу еще бродили отдельные "чудом спасшиеся царские семьи", но их с успехом вылавливали чекисты. И все вроде бы затихало. У нас в стране, по крайней мере.

Надо всегда уточнять — "у нас", ибо за рубежом все, как и полагается, было наоборот. Чем дальше отходило время от той июльской ночи, тем больше "членов Августейшего Дома" появлялось сначала в Европе, а потом и в Америке (не только в Северной, а и в Южной). Об Африке вроде бы сведений еще нет.

Приходилось слышать вот такую цифру — 84. Якобы столько только Алексеев претендовало на звание "наследника Российского престола". Не знаю, насколько верна эта цифра, но если ее поправлять, то, боюсь, дело пойдет в сторону увеличения. Тем более, что Анастасий было явно значительно больше. И вот что интересно — даже сейчас: чем дальше по времени отступает от нас "Екатеринбургское дело", уходят не просто очевидцы, но и вообще люди, жившие в то время, тем больше появляется наследников и наследников наследников.

А у нас в стране их нет? До последнего времени казалось, что, действительно, где-где, а в Советском Союзе с Романовыми покончили раз и навсегда. Но вот разломали могучую страну, подняли Романовскую тему, и оказалось небывалое — где-то подспудно у нас вспоминалось о прошлом. А когда появились первые серьезные публикации, то ответом стали сообщения читателей, рассказывающие о самом невероятном — встречах с царскими детьми!

Деталь интересная — за исключением одного случая (о нем ниже) нет никаких сведений о контактах со спасшимся Николаем или Александрой Федоровной. Здесь ни у кого нет сомнения — революция царя с царицей пощадить не могла. Мнение единогласное. А вот дети...

Словно ждали момента, когда об этом можно будет сказать. И, дождавшись, начали приводить такие свидетельства спасения, что даже у опытных историков нельзя было найти ответа на вопрос — а не могло ли это случиться на самом деле? Все, буквально все знали, что семья расстреляна целиком. А тут — как чертик из табакерки — выскакивает то ли живой свидетель, то ли четко документированный факт и заявляет о себе.

Еще раз хочется подчеркнуть — то, что говорится ниже, взято из советских источников и касается только территории нашей страны. Ибо если поднять наследников (в кавычках или без?), рассеянных по всей планете, этому повороту темы можно было бы посвятить отдельную книгу. Уже говорилось о багдадском Щетинине, германско-американской Андерсон, сюда можно добавить американского Голеновского, испанского Бримейера, бразильского Романова и т.д. Причем нынче речь чаще всего идет не о сыне и дочерях, в ход пошли внуки, правнуки.

Но мы остановимся на “своих”, “родных”...

После первой статьи о расстреле в Екатеринбурге, которую Э.Радзинский напечатал в “Огоньке” (№21—1990), в адрес автора стали поступать письма. Одна из читательниц, Л.Кауфман, рассказала о необычной встрече, происшедшей “в психиатрической больнице, где я работала ординатором (в Петрозаводске. — *Э.Я.*) с сентября 1946 года по октябрь 1949 года после окончания 2-го Ленинградского мединститута... В 1947 или в 1948 году в зимнее время к нам поступил очередной больной из заключенных...”

Не будем описывать причины, по которым зэка привезли в больницу. Самое интересное началось тогда, когда больной стал рассказы-

вать о себе... "Нам стало известно, что он был наследником короны, что во время поспешного расстрела в Екатеринбурге отец его обнял и прижал лицом к себе, чтобы он не видел наведенных на него стволов. По-моему, он даже не успел осознать, что происходит нечто страшное, поскольку команды о расстреле прозвучали неожиданно, а чтение приговора он не слышал. Он запомнил лишь фамилию Белобородова, который не то руководил расстрелом, не то в нем активно участвовал.

...Прозвучали выстрелы, он был ранен в ягодицу, потерял сознание и свалился в общую кучу тел. Когда он очнулся, оказалось, что его спас, вытащил из подвала, вынес на себе и долго лечил какой-то человек..."

Ну, это могли быть просто бредовые мысли больного человека. Хотя вот интересный вопрос — а откуда ему известна фамилия Белобородова? Ведь к тому времени она уже десяток лет не звучала — Белобородова уничтожили так же хладнокровно, как он послал на смерть Романовых... Врачей пациент заинтересовал, и они решили устроить ему экзамен.

"...В то время к нам раз в полтора-два месяца приезжал консультант из Ленинграда... Тогда нас консультировал С.И.Генделевич. Лучший психиатр-практик, которого я встречала на своем веку. Естественно, мы представили ему нашего больного... В течение двух-трех часов он "гонял" его по вопросам, которые мы не могли задать, так как были несведущи, и в которых Генделевич оказался компетентным. Так, например, консультант знал расположение и назначение всех покоев Зимнего Дворца и загородных резиденций в начале века. Знал имена и титулы всех членов царской семьи и разветвленной сети династии, все придворные должности... и т.д. Консультант знал также протокол всех церемоний и ритуалов, принятых при дворе, даты разных тезоименитств и других торжеств, отмечаемых в семейном кругу Романовых. На все эти вопросы больной отвечал совершенно точно и без малейших раздумий. Для него это было элементарной азбукой... Из некоторых ответов было видно, что он обладает более широкими познаниями в этой сфере..."

Доктор осмотрел больного — и "был явно обескуражен". Дело в том, что он обнаружил у пациента определенную врожденную физическую особенность — именно она отмечалась у наследника престола. Да, с самого начала врачи знали и то, что у этого человека болезнь по крови — но ведь и Алексей страдал гемофилией...

Анна Андерсон,
называвшая себя спасшейся Анастасией,
в берлинском госпитале. 1925 год.
Архив.

Вот описание его внешности: “Человек довольно высокого роста, полноватый, плечи покатые, сутуловат и так далее. Лицо удлиненное, бледное, глаза голубые или серые, слегка выпуклые, лоб высокий, переходящий в лысину, остатки волос каштановые с проседью... Наконец мы поняли, кого нам смутно напоминала внешность больного — известные портреты Николая, только не Второго, а Первого. И не в гусарском мундире, а в ватнике и полосатых пижамных штанах поверх валенок”.

У врачей был выбор — признать его параноиком, но с возможностью использовать на общих работах, или продолжать держать в больнице, но это потребовало бы извещения прокуратуры и прочие осложнения. Решили вернуть его в лагерь. Больной согласился с этим.

Известно ныне и его имя — Ф.Семенов. Он умер, похоже, известно и место захоронения. Но никто не пытался провести какие-то исследования... Нет, ведь априори известно, что это не мог быть царевич.

Имя Алексея всплывает в подобных случаях не раз. Так, во второй половине 60-х годов свердловские таксисты рассказывали вот

такую историю. Дескать, на железнодорожном вокзале в машину сел военнослужащий с погонами полковника. Он попросил подвезти его до Ипатьевского дома, там остановил такси, вышел, стал на колени и несколько минут не то молился, не то разговаривал с самим собой. Потом сел в машину и вернулся на вокзал. На обратном пути что-то сказал шоферу, из чего тот понял: полковник приезжал на место гибели своего отца, Николая II.

Этим “Алексиада” не кончается. В газетах России 1993—94 годов несколько раз мелькали сообщения — Алексей жив, вот он — ходит по Москве, например. Более того — окружающим известно о царском происхождении, даже соответственно относятся к нему. О том, что он лично знает нескольких “Алексеев”, говорил и прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ В.Соловьев, посетивший в апреле 1994 года Екатеринбург. Он, кстати сказать, лицо не просто официальное по занимаемой должности. Именно В.Соловьев (цитирую его интервью, данное автору) “сам 19 августа 1993 года подписал постановление о возбуждении уголовного дела”. И далее: “Следственная группа не создавалась. Я сам, в единственном числе, расследую это дело”. Именно в Генеральную прокуратуру страны и стали сейчас обращаться многочисленные наследники. Еще бы — официально заведено уголовное дело по факту расстрела царской семьи.

Читателю может показаться, что весь упор мы делаем на царевича как законного наследника, а о дочерях у нас молчат. Но это не так. Свидетельством этому письмо, помещенное в “Совершенно секретно” №7 (14) 1990 года. Интересно, судя по всему, оно появилось вне тенденций прославления монархии, жалоб на судьбу императорской семьи и прочего, так характерного для нынешнего времени.

Владимир Кашиц из Алушты писал: “В октябре прошлого года, как только в газете “Советский Крым” стала печататься моя документальная повесть “Последний рейс последнего царя”, ко мне обратилась жительница города Ялты Александра Федоровна (пока не буду называть ее фамилию) и заявила, что она дочь Анастасии Николаевны Романовой, которая не была уничтожена в 1918 году вместе со всей царской семьей, ей удалось-де спастись, а умерла она в 1976 году в Омске”.

Оказывается, сама Александра Федоровна и ее родственники “все время знали в детстве, что наша мать царица, но взрослые боялись и молчали”. Впрочем, знали не все — “отец мой, может, и не знал, кто

она, т.к. мама — усыновленная в селе Борисовка Приморского края, Уссурийского района, там жил Мирошниченко Спиридон Карпович, у него был как бы детдом, он многих усыновлял, ему платили, мама была записана Мирошниченко Анастасия Спиридоновна, 1900 г., под такой фамилией венчали в церкви..."

Как же всплыла такая новость? "Мама болела, спина отнялась, я посмотрела, а у нее ниже поясницы, на позвоночнике, как выпуклое, какая-то деформация и два больших свища, черные какие-то". Дома больная сначала говорила о туберкулезе позвоночника, но врач успокоил родственников: "У нее не туберкулез, а ранение в позвоночник было, зажило, а вот потревожили его".

Следующий абзац прямо из текста письма в "Совершенно секретно":

"Муж Анастасии Спиридоновны Федор Васильевич Карпенко, 1898 г. рождения, в 1937 году, будучи председателем Ново-Никольского сельсовета, был арестован как враг народа и десять лет находился в заключении. "...Он не знал про мать, — пишет Александра Федоровна, — а уже в 1974 году все рассказала ему, он удивился, говорит, когда он был репрессирован, его допрашивали и говорят: ты женат на царевне, — а он говорит: нет, моя с Борисовки... Отец хохотал, говорит: вот тебе раз, бабка обманула, хорошо что Сталина нет и я реабилитирован, а то бы снова сидеть..." "Александра Федоровна вспоминает, пишет мне (т.е. В.Кашицу. — *Э.Я.*): "Меня в Омске возили в КГБ, после войны уже, что-то проверяли, я не знаю, помню, спросили: а кто такой Василий за границей, дядька твой, богатый, ты бы хотела туда? Говорю, не знаю никого, сказала я, Родину не продаю за деньги и ни за что. Расписалась, отпустили и больше не вызывали никогда. Значит, там знают про нас".

Большой абзац, большая цитата, но хотелось привести ее полностью, вместе со словами автора письма. Он даже выражает уверенность, что у тех, кто вел допросы дочери и отца, не было вещественных доказательств того факта, что Анастасия Спиридоновна Мирошниченко (в замужестве Карпенко) являлась царской дочерью — "иначе бы она не уцелела в те, тридцатые годы". Но почему все же шел такой слух, почему понадобилась проверка? Сама ли Анастасия где-то когда-то назвала себя дочерью Николая II еще в 30-е годы или кто-то постарался вбить ей это в голову? Но в 1918 году реальная Анастасия была взрослой девушкой — вспомните запись, что она

родилась в 1900 году (при венчании). Раньше 1918 года она не могла считать себя великой княжной — но кто же выдумывает такое в 18 лет и рассказывает мужу за два года до смерти? Судя по всему, она была психически нормальным человеком, имела, как минимум, дочь — автора письма к В.Кашицу, и родственников. Как указывает он сам, “я получил от Александры Федоровны и от некоторых ее родственников более десяти писем”.

Интересен вывод автора письма: “Однако то, что Гелий Рябов нашел останки Романовых, захороненных, как оказалось, не там, где предполагалось до сих пор, дает повод для более вдумчивого, более критического отношения ко всему, что связано с последними днями семьи Романовых, с их расстрелом. Криминалисты сейчас в состоянии не только идентифицировать останки всех, найденных в болоте под Свердловском, обратив особое внимание на останки младших членов семьи Романовых, но также по фотографиям Анастасии Спиридоновны Карпенко, проведя их реконструкцию, получить фотографию Анастасии С., возраста 17—18 лет (это, например, вошло в повседневную практику работы полиции Канады)”.

Не скрою, вариант интересен. Действительно, как выглядела “великая княжна” в молодости? И хотя есть основания полагать, что это выдумка, почему бы не проверить? Почему бы историкам или следопытам (Омска, например) не пройти по цепочке — могила, больница — не остались ли записи, местный КГБ — ведь жива дочь, она помнит, что и ее вызывали, значит, должны храниться документы.

Любопытны в этой истории несколько деталей. Ну, например, то, что В.Кашиц опубликовал те же сведения и в “Литературной газете” (№30—1991). Причем сам же сообщил — “за рубежом объявилось уже более тридцати лже-Анастасий”. И это при заголовке “Все ли дети Николая расстреляны в Екатеринбурге?” и подзаголовке — “Еще одна версия о судьбе царской семьи”. Доказательства же приведены те самые, что и в “Совершенно секретно”, но если в “СС” упор сделан на письма и рассказы родственников, то в “ЛГ” большее место отведено выводам самого автора.

Нового в выводах ничего нет. В.Кашиц пишет о том, что “Я.Свердлов на заседании ВЦИК заявил лишь о расстреле царя”, что позже Зиновьев сообщал — семья Романовых жива, что следователь Кирста нашел восемнадцать (?!) свидетелей побега Анастасии... Все это в той или иной мере уже звучало именно при доказательстве царственности

Выдававший себя за царевича Алексея, агент польской разведки М.Голеновский, позже перебежавший в ЦРУ.
Архив.

тех тридцати Анастасий. Стоит ли использовать затертые доказательства для (возможной) тридцать первой?

Но, может быть, свет прольет вот какое сообщение автора. Он "встречался с советскими и иностранными специалистами, но наибольший интерес ко мне проявил американский публицист Джеф Тримбл, аккредитованный от журнала "Ю.С. ньюс энд Уордл рипорт". Он не только побывал в Ялте с фотокорреспондентом. Беседовал с Александрой Федоровной, ее супругом Василием Матвеевичем, он и помогает в идентификации фотографий Анастасии Спиридоновны и

Анастасии Николаевны. По его словам, это делает один из институтов США.

Там же, в Соединенных Штатах, готовится публикация о "советской Анастасии", а также рассматривается рукопись моей книги "Наследники последнего царя". Все перипетии моих поисков, хождений я изложил в этой повести, второй экземпляр которой рассматривается в Швеции, а теперь наконец-то ею заинтересовались и наши издательства".

Так вот где собака зарыта! Ну, если книгой заинтересовались за рубежом, то "ЛГ" мимо этого пройти не могла. Еще бы — американцы! Да и шведы вдобавок.

И последнее. Самое правдивое во всем этом — причина, по которой большинство "родственников царя" до сих пор не хочет говорить об этой тайне — "вот кончится перестройка, уберут Горбачева, и тогда власти расправятся с нами, детьми Анастасии Романовой — внуками и правнуками последнего русского царя..." Вот в это веришь — наша действительность (не только советского времени!) давала все основания для такого предположения. Кто был угоден одному царю — становился врагом последующего, вспомните хотя бы судьбу А.Меньшикова...

Скептицизм по поводу причин появления статьи в "ЛГ" не дезавуирует предыдущее — все возможное надо сделать, чтобы разобраться и с этим вариантом "чудесного спасения". Сделать это нужно именно в наши дни, когда живы свидетели, не уничтожены архивы. Любое пятно может быть любого цвета, только не белым. Такое история не прощает.

* * *

Пока историки интересовались вопросами чудесных спасений многочисленных наследников российского трона, на всех обрушилась сногсшибательная новость — Николая II не расстреляли, равно как и кого-либо из царской семьи. Вместо этого всех их поселили на берегу Черного моря под разными фамилиями. Здесь они, мол, и умерли.

Историю эту поведал сухумский журналист Александр Берулава в статье "Был ли убит Николай II" ("Панорама Абхазии", №2 — 1992). "Сам император и императрица долгие годы жили в Сухуми. Николай Александрович якобы стал садовником и под фамилией Березкин служил то ли в Ботаническом саду, то ли в горсадоводстве. Здесь же были и дети. Наследник Алексей страдал гемофилией...

Императрица Александра Федоровна выезжала в Абастумани лечиться от туберкулеза, под чужой фамилией была репрессирована и сидела в Драндской тюрьме".

Журналист утверждал это на основе слухов, циркулировавших среди людей, лично знавших Сергея Давидовича Березкина. Он же писал и о том, что определенная группа людей произвела перезахоронение бывшего садовника. Зачем? Один из ответов гласил, что в гробу искали шашку царя. Но, вероятнее всего, искали предполагаемое завещание.

Вскоре после этого сообщения в Сухуми и его окрестностях начал свою поисковую работу Анатолий Грянник. В 1993 году он издал в Риге книгу "Завещание Николая II". Судя по всему, он ни на минуту не сомневался в том, что Березкин являлся в прошлом императором всероссийским. Ну а остальные, жившие в соседних селах и даже на соседних улицах?

Вот одно из "утверждений":

"Сергей Давидович бывал в доме З., и последний находит, что Березкин очень похож на Николая II. Ко всему сказанному добавил, что зимой Сергей Давидович ходил в солдатской шинели с рюкзачком. По работе будто бы был связан с милицией.

Иван Кузьмич привел слова своей сестры Марии Аносовой, жившей в Новом Афоне, которой Березкин признался, что он Николай II, мол, придет время, и семье вернут имущество, отнятое в революцию.

З. слышал, что царскую семью в свое время хотели расстрелять, но человек, который должен был это сделать, сжалился над ними.

Иван Кузьмич рассказал о Надежде Ивановне Коносевич, которую знал. Она была одной из дочерей Николая II..."

И еще: "Говорили, что и сухумский епископ Антоний отпевал Березкина как Николая II, но последнее со слов".

Еще: "О детях Березкина Н.К. сказала, что Надежда Ивановна — это Мария: она высокая. Матушка Параскева, умершая от побоев, — это Ольга. Ф. — это Анастасия."

Вот такие разговоры и стали основой для написания книги. Но, конечно же, в целом этого было мало, очень мало, хоть в числе спасшихся, по утверждению А.Грянника, были и Алексей, и... Михаил. "Иван, по мнению Е., сын Березкина или Михаила."

Грянник решил поставить дело на научную основу. Найдя фотографию Березкина, он передал ее в Латвийскую научно-исследова-

тельскую лабораторию судебных экспертиз и криминологии. Добрую треть книги и занимают доказательства тождественности всех упомянутых в книге "чудесно спасшихся особ" с семьей последнего русского царя. Но самое главное — это, конечно же, личность Березкина.

Вот какое заключение дал заведующий отделом судебно-технической экспертизы документов А.Кислис: "Индивидуальность и устойчивость совокупности совпадающих признаков дают основание категорически утверждать о наличии тождества человека, изображенного на исследуемых фотопортретах". Еще раз напомним — исследовались два фотоснимка: Березкин и Николай II. И дальше: "Как видно, исследования... позволили прийти к выводам о том, что на сравниваемых по каждому соответствующему эпизоду фотопортретах изображены члены семьи императора Николая II".

Ну хоть бы каплю сомнения услышать в этих словах! Ведь даже сам факт сопоставления снимков 75-летней давности (1917—1918 годы) со снимками 20—30-летней давности. И лишь одно утверждение: "Имеющиеся несовпадения объясняются возрастной динамикой". И все.

Есть интересная деталь — через всю книгу проходит мысль о завещании Николая II (собственно говоря, это и ее название). "О сумме вклада сведения разноречивые: 14 миллионов упоминает следователь Соколов, со слов членов Временного правительства. В книге Голуба и Данелия названа цифра в 400 миллионов, монах говорил о 450 миллионах" (стр. 46). "Чего ты добиваешься? — спрашивал Николай. — Деньги отыскать? Деньги в банках" (стр. 53). "— Священник разговаривал с Ф. о царских деньгах, чтобы использовать их на благотворительность, — вспоминал З." (стр. 86). "Тайна, окружавшая Березкина, продолжает существовать: это вызвано опасением за жизнь ближайших родственников царя, вклады которого продолжают храниться в зарубежных банках: масоны желали бы получить эти деньги" (стр.95). "Вклад, говорят, до сих пор не востребован... Ныне, по советским источникам, сумма составляет 400 или 450 миллионов" (стр. 179).

Не здесь ли зарыта собака? Ведь вот что говорит о себе автор, отвечая на вопрос, где работал: "— Юрисконсультом, потом учился в семинарии". — "Вы закончили семинарию?" — "Нет, меня благословили поехать в Сухуми". Кто благословил, почему — этому ответа нет. Но ясно, что произошло это после публикации в "Панораме Абхазии".

Зачем все это? Продолжим наши догадки и не станем скрывать, что это именно догадки. Но вот какую цепь можно выстроить из признания факта недавней смерти Николая II и разговоров о миллионном наследстве. Кому оно предназначено? Ответ на странице 11 "Завещания Николая II" — "У него было 450 миллионов в швейцарском банке, — сказал Меркурий, — и завещал он эти деньги Русской Православной Церкви. Этим золотом сейчас купола золотят". — "Сам и сказал?" — "Нет. Писали в газете "Советская Абхазия".

Вот и стало ясно, почему ищет ответы семинарист, которому даже не дали закончить учебу и благословили поехать в Сухуми. Это не могло быть рядовым явлением — Грянник отправился на выполнение спецзадания. И выполнил его. Книга, последняя дата в тексте которой — июнь 1992, где приводятся документы от 24 июля 1992 года, вышла в свет уже летом 1993 года! Скорость необыкновенная, да еще надо учесть, что подписана она в печать 18 января 1993 г. Менее чем за полгода написать книгу, набрать ее — о такой скорости и слыхом не слыхивали. Но если вспомнить 450 миллионов, то понять можно все...

Похоже, что на этом пора ставить точку. Ибо, повторюсь, одно только изложение напечатанных только в нашей стране материалов о наследниках составит книгу, не менее. И список сведений растет. Взять хотя бы "Совершенно секретно" — с завидным постоянством ежемесячник находит сообщения, подрывающие официальную точку зрения о расстреле. Последнее — на момент написания главы — это статья в январе 1994 года "Царевна Анастасия" с утверждением: "Младшая дочь последнего русского царя Николая II Анастасия Романова скончалась 9 октября 1971 года в Свияжской психиатрической больнице". Вот так. Как говорится — простенько, но со вкусом.

С начала статьи мы утверждали, что рассказывать будем лишь о "наших" наследниках. Но и за рубежом не лыком шиты. Вот только одна информация оттуда: "Проживающая в окрестностях Ванкувера канадская гражданка Сандра Романова утверждает, что ее покойный муж Алексей Романов был сыном последнего российского царя Николая II. Ее муж умер 16 лет назад от белокровия. Он, по ее словам, утверждал, что является сыном Николая II и, следовательно, наследником российского престола. Госпожа Романова хочет, чтобы ученые проверили ДНК останков ее покойного мужа и подтвердили, что он был царевичем Алексеем." ("Вечерний Екатеринбург", 3.11.1993 г.).

Что сказать об этом? Уже упоминавшийся прокурор-криминалист Генеральной прокуратуры РФ В.Соловьев прямо называл всех нынешних “наследников” сыновьями лейтенанта Шмидта. И смеялся — собрать бы их всех вместе — конечно, вместе с дочерьми. Процитирую интервью с ним: “Много версий о чудесных спасениях... Алексей, потом сыновья разных Алексеев. Потомки всех дочерей. Эх, устроить бы слет “наследников”! Куда там детям лейтенанта Шмидта”.

На этом можно и закончить. Нет никаких прямых доказательств, свидетельствовавших бы о том, что кто-либо из узников Ипатьевского дома спасся. Но повторим еще и еще раз — все версии, вспыхивающие в разных концах страны (и за рубежом), должны быть проверены. Простым отрицанием здесь не обойтись. Может быть, часть “наследников” и появилась из-за того, что никто серьезной проверкой подлинности заявлений не занимался — за исключением разве Анны Андерсон... Знай, что проверка неизбежна, может, и “чудом спасшихся” было бы меньше.

А пока в дело вступают все новые и новые лица. Парад “наследников” продолжается...

Ну а на Урале их нет? Тогда это было бы удивительным. Но чуда не произошло — в Кургане объявилась семья, утверждающая, что ее предок — Алексей. Подробности, рассказываемые ими, настолько интересны, что всерьез заинтересовали такого маститого исследователя, как заведующий кафедрой судебной медицины Ленинградской военно-медицинской академии В.Попов. Он специально приезжал в Курган. Результат его работы не опубликован. Еще новинка — “сын Алексея” обнаружился в Красноуфимске (райцентр Свердловской области).

Фамилии этих людей, живущих к востоку и западу от Екатеринбурга, не называю сознательно. Схлынет шумиха похорон, что-то поменяется в общественном мнении, всплывут новые факты, а этим людям жить среди нас.

И последний факт — за день до сдачи этой главы в набор, 7 мая — телевидение (НТВ) сообщило, что в московской газете “Сегодня” вышла статья о новой семье, чьим предком был Алексей...

СОДЕРЖАНИЕ

Якубовский Эдуард Григорьевич

РАССТРЕЛ В ПОДВАЛЕ

Компьютерный набор:
Владислав Болотин

Верстка:
Сергей Морозенко

Корректор:
Евгения Доросевич

Лицензия ЛР № 071278 от 25 марта 1996 г.

Подписано в печать 17.06.98 г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Заказ № 1377.

Банк культурной информации:
620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.
Тел./факс: +7 (3432) 22-15-46.

Отпечатано с диапозитивов заказчика.
ЧПО «Книга». 454000, г. Челябинск, ул. Постышева, 2

12

Россійская Коммунистическая Партія (большевиков).

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Орган Уральскаго Областного и Екатеринбургск. Комитетов Р. К. П.

№ 144 (241) Вторник 23 июля 1918 г. Цена одного № 20 коп.

Капиталисты и помещики: русские, союзные и немецкие хотят удушить рабоче-крестьянскую революцію и восстановить царское самодержавіе. Соціал-предатели из лагеря врагов Советской власти помогают им.

Контр-революционные банды во главе с царским генералом Алексеевым наступают на красную столицу Урала, но им не победить уральских рабочих и крестьян.

Белогвардейцы пытались похитить бывшаго царя и его семью.

Их заговор был раскрыт. Областной Совет Рабочих и Крестьян Урала предупредил их преступный замысел и расстрелял всероссийскаго убийцу.

Это первое предупреждение. Врагам народа также не достичь возвращения к самодержавию, как им не удалось заполучить к себе в стан коронованнаго палача.

Казнь Николая кроваваго.

Г. Сафаров.

В Холопии.

Эдуард Якубовский

РАССТРЕЛ В ПОДВАЛЕ